

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

**Филологические проекции
Большого Урала**

Материалы студенческой конференции

Пермь 2009

ББК 80
П 78

Филологические проекции Большого Урала: материалы студенческой конференции. – Пермь, 2009. – 136 с.

Сборник включает материалы докладов межвузовской студенческой конференции «Проекция Большого Урала», проводившейся на филологическом факультете Пермского государственного университета в апреле 2009 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

*А.М. Бражкина**
ПермГУ

Особенности рекламы банков в период кризиса

1. Данное исследование посвящено выявлению в «языке улиц» (в рекламе) примет изменения социально-экономической ситуации (кризиса). В язык улицы мы включаем всю рекламу, вывески, объявления [Школьник и др. 1977]. Экономический кризис трактуем в соответствии со словарным определением [Райзберг и др. 2007]. Мы полагаем, что в «языке улиц» должны появиться знаки, отражающие кризисную ситуацию. Причем знаки эти могут свидетельствовать как о проблемах в самих компаниях (например, финансовых проблемах), так и об осознанном желании опираться на вещи, понятные и близкие людям в период кризиса: давать информацию о скидках, предлагать помощь и т. п. Таким образом, целью нашего исследования является выявление знаков, отражающих кризисную социально-экономическую ситуацию.

В понимании знака мы опираемся на семиотическую теорию Ю.М. Лотмана [Лотман 1992]. В семиотическое пространство города Ю.М. Лотмана включал не только архитектуру, но и язык, костюмы, интерьеры, предметы быта, названия улиц и т. п. В таком случае, «язык улиц», т.е. вывески, баннеры, вся наружная реклама, – неотъемлемая часть семиотического пространства города. В семиотике города присутствуют и нулевые знаки: возможно значимое отсутствие привычной вывески, нарушение привычной смены рекламных баннеров.

2. Материал исследования составили примеры наружной рекламы, размещенной на улицах города Перми на растяжках, билбордах (отдельные щиты с рекламными плакатами) и стритлайнах (конструкции, устанавливаемые вдоль проезжей части и на тротуарах). Материал был собран как на главных, так и на второстепенных улицах Перми. Мы рассмотрели около ста экземпляров рекламных высказываний. Для исследования использовались семиотический и семантический анализ.

3. Обсудим результаты обработки материала.

3.1. Рекламные материалы можно разделить на группы по тематике. Тематические группы не равноценны по частотности рекламных

* © Бражкина А.М., 2009.

объявлений. Чаще всего встречается реклама банков и банковских услуг (15 % всего материала). Несколько реже можно увидеть рекламу еды, предприятий быстрого питания, кофе (около 10 %). Примерно одинакова доля рекламы автомобилей, одежды, обуви, сотовых телефонов и сотовой связи (около 7-8 % на каждую группу). Затем следует реклама пива, бытовой техники, жилья, страховых и пенсионных фондов, развлечений, косметики, ювелирных магазинов, стройматериалов, магазинов оптики, различного оборудования (от мотоблоков до швейных машин) (не более 3 %). Социальная реклама не слишком популярна; рекламные объявления социальной тематики составляют менее 3 %. Особо следует подчеркнуть наличие пустых, не занятых рекламой мест на щитах, т.е. нулевых знаков.

3.2. Охарактеризуем особенности рекламы банков и банковских услуг.

3.2.1. Преобладание рекламы банков на улицах города объяснить несложно: царящий сейчас экономический кризис начался как раз с кризиса банковского, ипотечного. Примерно 70 % рекламы призывает нас брать кредиты, оставшаяся часть призывает делать вклады.

3.2.2. Проанализируем способы привлечения внимания в банковской рекламе.

3.2.2.1. «Альфа-Банк» в своей рекламе делает ставку на *стабильность, оперативность, надёжность и внимание*. На одной из реклам Альфа-Банка мы видим следующий текст: «24 часа – 7 дней в неделю». Круглосуточный режим работы подчёркивает, что банку не страшен кризис, клиенты не потеряют свои деньги. Все рекламные проекты Альфа-Банка делаются на неизменном красно-белом фоне, и такая приверженность, во-первых, привлекает внимание контрастом, а во-вторых, говорит о постоянстве, стабильности и неизменности.

3.2.2.2. Слоган Русфинанс банка – «С нами вы ВСЕГДА можете быть уверены – ВСЁ СЛОЖИТСЯ». В данном случае мы видим, что опора делается на три выделенных крупным шрифтом слова: *ВСЕГДА ВСЁ СЛОЖИТСЯ*. Таким образом, банк пытается привлечь клиентов уверениями, что в работе банка нет и не может быть никаких исключений и сбоев. Слоган размещен на фоне снега с различными новогодними атрибутами, благодаря чему создаётся семейная атмосфера праздника, благополучия. Между тем, слоган провисел на улице до середины апреля. Столь длительный срок может указывать на то, что банк больше не в состоянии заказывать и размещать рекламу. Мы интерпретируем это как знак сбоя в рекламной коммуникации.

3.2.2.3. Слоган Промсвязьбанка в рекламе кредитов для малого и среднего бизнеса – «*Не вешайте нос! Поднимайте бизнес!*» Данный

слоган сопровождается изображением слона с поднятым вверх хоботом, в котором он, ко всему прочему, держит развевающегося на ветру воздушного змея. Развевающийся воздушный змей – символ развивающегося паруса судна, идущего по ветру, что призвано внушить возможным клиентам оптимизм и уверенность. Более того, в слогане используются окказиональные антонимы – *вешать* и *поднимать*. Это показывает разницу между тем, что было и что будет, если клиенты решат воспользоваться услугами банка.

3.2.2.4. Реклама банка Уралсиба гласит: «*Семь раз отмерь, один - отрежь. Прежде чем брать кредит, трезво оцените свои возможности*». В этом случае мы наблюдаем некоторое смещение акцентов: сам банк проверяет своих клиентов на стабильность. Такая осторожность вполне естественна. Слоган адресован рассудительным людям («*трезво оцените*»), в нем реализовано уважительное обращение к потенциальному клиентом. Реклама выполнена в жёлто-синем цвете. Согласно психологии цветов, жёлтый цвет создает положительный эмоциональный фон, символизирует взаимоподдержку, общительность, а синий – цвет спокойствия и уверенности. Таким образом, мы получаем эффект, создаваемый и слоганом: «мы вас любим, но призываем к рассудительности».

3.2.2.5. Слоган рекламы ЮниКредит банка: «*Ваш бизнес – в ваших руках!*». В этом случае говорится также о кредитах для малого и среднего бизнеса. Слоган призван внушить клиентам, что ситуация будет находиться под их контролем.

3.2.2.6. Банк Уралсиб так же рекламирует возможность делать вклады: «*Откройте вклад и сразу получите проценты*». Притом, «*сразу получите проценты*» выделяется с помощью изменения цвета с белого на жёлтый, что, видимо, должно привлечь внимание именно к этим словам. Слово «*сразу*» сразу (простите за каламбур) показывает, как оперативно работает банк.

3.2.2.7. Создатели рекламы Металлинвестбанка, предлагая делать вклады, крупно изображают на рекламной растяжке цифру 16 (16 – процентная ставка). Изображается всё это дело на фоне лазурного моря, пальм и атрибутов отпуска на море. Слоган гласит: «*Главная деталь вашего лета*». Внизу рекламной растяжки есть небольшая приписка, сделанная очень мелким шрифтом: предложение распространяется на вклады размером больше миллиона рублей.

4. Подводя итог, следует отметить следующие моменты: в рекламе банков опора делается на стабильность, уверенность, вселение оптимизма и прибыльности, привнесения контроля клиентов над ситуацией, за очень короткий срок. Таким образом, мы видим, что создатели

рекламы отталкиваются от условий, создаваемых кризисом. Кризис отражен в языке улицы благодаря использованию специальных знаков; это языковые и неязыковые знаки с семантикой «надежность, стабильность, уверенность», значением «успех»; символы семейного благополучия в иллюстрациях; открытая диалогичность банковской рекламы, которая проявляется в использовании диалогических структур и приемов. Самым существенным нам кажется обилие нулевых знаков – отсутствие рекламы, устаревшие баннеры.

Список литературы

1. Школьник Л.С., Тарасов Е.Ф. Язык улицы. – М., 1977.
2. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М., 1992.
3. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.

*А.И. Бушланова**
УрГУ

О семантическом варьировании слова в контекстных условиях метаязыкового комментирования

Известно, что лексическое значение слова в речи может варьироваться. Процесс варьирования объясняется, во-первых, контекстными условиями, а во-вторых, сознательной попыткой самого говорящего кардинально изменить семантику слова (о семантических трансформациях слова см. [Стернин 1985: 86-128]).

Наш исследовательский интерес вызвали случаи сознательного изменения говорящим семантики слова при сопровождении его в речи устойчивым сочетанием, метаязыковым комментарием *в хорошем смысле слова* (о природе метаязыковых комментариев см., например, [Вепова 2002: 43-49, 51-55]), например: *Давно у нас не было такого наглого, в хорошем смысле этого слова, снайпера, который в юном возрасте не боялся бы брать игру на себя* (Спорт-Экспресс; 08.08.2005).

Цель данной работы – определить специфику лексического значения слов, сопровождающихся метаоператором *в хорошем смысле слова*. Для этого нами было собрано и проанализировано более 500

* © Бушланова А.И., 2009.

контекстов, содержащих данный метаоператор. Выборка материала производилась с помощью информационной базы данных Интегрум (<http://aclient.integrum.ru/gate/?name=lib346>).

Наблюдения за собранным материалом показали, что исследуемый метаоператор чаще всего сопровождает единицы, обладающие негативной семантикой. Мы заметили, что негативные компоненты, составляющие значение исследуемых единиц, могут входить как в денотативную часть структуры значения, так и в коннотативную, а также могут сочетаться в понятийной части структуры лексического значения с положительными семантическими компонентами. Эти наблюдения позволили нам классифицировать весь собранный материал на три группы:

1. В **первую группу** вошли лексемы, негативные семантические компоненты которых входят в понятийную часть лексического значения и отражаются в словарных описаниях. Метаоператор, сопровождающий такие единицы, полностью нейтрализует существующий отрицательный смысл и способствует положительному семантическому приращению. Например: *Для того, чтобы добиться успеха в Москве, помимо способностей и таланта, человек должен быть в хорошем смысле слова амбициозным* (Вечерняя Москва; 24.01.2008;11).

Метаоператор *в хорошем смысле слова* полностью редуцирует отрицательные семы *спесивости, чванства, надменности, высокомерия, тщеславной гордости, важничанья* [Толковый словарь русского языка 1999: 754; 878], составляющие значение слова *амбициозный*, и актуализирует положительные семы *чувство собственного достоинства, самоуважение, самоутверждение* [Там же: 694]. Положительный семантический ореол слова *амбициозный* в сознании говорящего подчеркивается и его контекстным употреблением в одном ряду с понятиями *талант, способности*. В современном русском языке фиксируется активное употребление лексемы *амбициозный* в позитивном значении [Левонтина 2006; Никипорец-Тагикава 2006].

2. **Вторую группу** составили лексемы, в денотативной части структуры значения которых в совокупности присутствуют как отрицательные, так и положительные семантические компоненты. Метаоператор *в хорошем смысле слова*, сопровождающий такие лексемы, уточняет, какую часть оценочной семантики слова актуализирует говорящий. Например: *«Александровский сад» – это в хорошем смысле слова фантазия, основанная на некой реальности* (Аргументы и Факты; 07.12.2005; 49(1310)).

В значении слова *фантазия* присутствуют как положительные семантические компоненты – «способность к творческому воображе-

нию; само такое воображение» [Толковый словарь русского языка 1999: 848], которые актуализирует метаоператор, так и отрицательные компоненты – «нечто надуманное, неправдоподобное; прихоть, причуда» [Там же: 848], которые метаоператор редуцирует.

2.1. Внутри данной группы выделяется большая подгруппа слов, обозначающих объекты действительности, связанные с оппозицией *новое – старое*. Семантика *нового–старого* тоже носит двойственный характер. Эту группу в основном составили лексемы *консерватизм, традиционность, современность*. Например: *Убежден, что новый президент должен быть человеком твердым, решительным и, в хорошем смысле слова, консервативным* (Коммерсант – daily; 11.03.1999; 38), *Геннадий Райков, лидер депутатской группы «Народный депутат» человек новых, современных в хорошем смысле слова, демократических взглядов* (Итоги; 23.05.2000; 21).

3. **Третью группу** составили лексемы, отрицательные компоненты значения которых входят в коннотативную часть семной структуры слова. Учитывая, что коннотации могут быть как общими, коллективными, т.е. связанными с какими-то устойчивыми ассоциациями, так и индивидуальными, субъективными, внутри данной группы мы выделяем две подгруппы.

3.1. **В первую подгруппу** вошли единицы, получившие негативную окраску в советское время. Метаоператор *в хорошем смысле слова*, сопровождающий такие лексемы, свидетельствует о попытке говорящего освободить слово от негативных идеологических наращений, «реабилитировать» его. Например: *Все зависит от аудитории каждого канала: СТС ищет что-то неожиданное, а канал «Россия», например, показывает более традиционные, в хорошем смысле слова советские передачи* (Известия (Москва); 08.09.2006; 165-М (27206)).

3.2. **Во вторую подгруппу** мы отнесли слова, употребление которых связано с возникновением индивидуальных негативных коннотаций. Метаоператор, сопровождающий такие лексемы, как бы поясняет, что слово употребляется в его основном прямом значении без учета возможных негативных коннотаций, формирующихся в визуальном употреблении современного носителя языка. Например: *«Совладельцами той компании были армяне, у Арзиманова завязалась с ними крепкая мужская дружба в хорошем смысле слова»* (Business Week – Россия; 25.09.06; 35); *«История творческой семьи Митуричей-Хлебниковых ... началась с поэта-футуриста ...Велимира Хлебникова, с которым в 1916 году познакомился и в которого влюбился – в хорошем смысле слова – начинающий художник Петр Митурич»* (Аргументы и факты / Москва; 24.10.2001; 43(1096)).

Использование метаоператора в обоих этих высказываниях, на первый взгляд, кажется совершенно ненужным. И в словосочетании *мужская дружба* и в слове *влюбленность*, кажется, нет никаких негативных коннотаций. Тем не менее влюбленность и дружба, когда речь идет о мужчинах, вызывают в сознании современного говорящего ассоциации с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Данные ассоциации начинают носить устойчивый характер в связи с активным обсуждением этих проблем в средствах массовой коммуникации.

Обсуждение интимной стороны жизни человека традиционно было в русском обществе под строгим запретом. По этой причине в современном русском литературном языке нет слов, которые бы называли многие понятия из этой сферы. Для ликвидации этой лексической лакуны, в частности, стали использоваться нейтральные литературные слова в переносном значении [Вепрева 2006: 19-27]. Это привело к тому, что употребление некоторых нейтральных слов литературного языка стало вызывать ассоциации с интимной сферой жизни человека даже тогда, когда речь идет о том, что не относится к этой теме. Чтобы избежать подобных двусмысленностей, говорящий вынужден, употребляя такие слова, использовать в качестве пояснения метаоператор *в хорошем смысле слова*. Например: *В институте можно получить три ценные вещи: знания, навыки и, в хорошем смысле слова, связи* (Вечерняя Москва; 18.04.2003); *Подумать только, как способна возбудить (в хорошем смысле слова) по-летнему разомлевших читателей пара женских ножек!* (Гудок, Москва; 08.07.2000; 122); *Опасно другое – девушка Маша не просто девушка, а партнер в хорошем смысле слова* (Деньги, 19.03.1995; 11).

В результате проведенного анализа лексем каждой выявленной группы, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, метаоператор *в хорошем смысле слова* активно используется в современной речевой практике при лексических единицах с понятийно-прагматической семантикой, обладающих сильной энергетикой отрицательно заряженного слова. Во-вторых, использование метакомментария при таких словах приводит к существенным изменениям в семантике слова, к его семантическому варьированию.

Список литературы

1. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 380 с.
2. Вепрева И.Т. Детабуизация в современном русском языке и любовная лексика / И. Т. Вепрева // Проблемы лингвокульту-

рологического и дискурсивного анализа: Материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность» Екатеринбург, 23-25 апреля 2006 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2006. – С. 19-27.

3. Левонтина И.Б. Шум словаря / И.Б. Левонтина // Знамя. – 2006. – №8. – С. 197-208.

4. Никопорец-Тагикава Г. Вторичные заимствования в русском языке XXI века / Г. Никопорец-Тагикава // Integrum: точные методы и гуманитарные науки. – М.: Летний сад, 2006. – С.87–107.

5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

6. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1985. – 171с.

*Г.С. Гильванова**
БашГУ

Невербальный компонент в структуре коммуникативного портрета личности (на примере романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»)

В последнее время наблюдается усиленный интерес к различным аспектам человеческого общения. Особое внимание уделяется контактной, межличностной коммуникации. Механизмы межличностной коммуникации мало изучены, в ней происходит нечто большее, чем просто передача и восприятие слов. Особенный интерес специалистов вызывает соотношение вербальных и невербальных компонентов.

Как известно, коммуникация у человека протекает в основном в рамках двух каналов: *вербального* и *невербального (визуального)*. Особенность языка телодвижений в том, что его невозможно подделать, поскольку невербальные реакции обусловлены импульсами нашего подсознания. Как утверждает Аллан Пиз, подделать язык тела невозможно, так как человека «выдаст отсутствие конгруэнтности между жестами, микросигналами организма и сказанными словами» [Пиз 2000: 10-20]. Ярким примером этому может служить отрывок из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»:

* © Гильванова Г.С., 2009.

Долли неподвижно сидела с запиской в руке и с выражением ужаса, отчаяния и гнева смотрела на него.

– Что это? это? – спрашивала она, указывая на записку.

И при этом воспоминании, как это часто бывает, мучила Степана Аркадьича не столько самое событие, сколько то, как он ответил на эти слова жены.

С ним случилось в эту минуту то, что случается с людьми, когда они неожиданно уличены в чем-нибудь слишком постыдном. Он не сумел приготовить свое лицо к тому положению, в которое он становился перед женой после открытия его вины. Вместо того чтоб оскорбиться, отрекаться, оправдываться, просить прощения, оставаться даже равнодушным – все было бы лучше того, что он сделал! – его лицо совершенно невольно ("рефлексы головного мозга", – подумал Степан Аркадьич, который любил физиологию), совершенно невольно вдруг улыбнулось привычною, доброю и потому глупой улыбкой. Эту глупую улыбку он не мог простить себе. Увидав эту улыбку, Долли вздрогнула, как от физической боли, разразилась, со свойственной ей горячностью, потоком жестоких слов и выбежала из комнаты. С тех пор она не хотела видеть мужа (I, 1, 6-7).

А Ф. Ницше с присущей ему экспрессивностью писал: «Люди свободно лгут ртом, но рожа, которую они при этом корчат, все-таки говорит правду» [Ницше 1990: 303].

Проблема интерпретации невербальных компонентов человеческого общения имеет давнюю историю и уходит корнями еще в античную эпоху. Однако детальное изучение этого аспекта началось только в последние десятилетия прошлого века. В нашей стране исследование кинесических средств человеческого общения было начато в 1960-х гг. такими учеными, как Б.А. Успенский, И.Н. Горелов, А.А. Капнадзе, Г.Г. Почепцов, В.А. Лабунская, А.А. Леонтьев, Е.Г. Крейдлин и др.

Предметом исследования нашей работы является невербальный аспект коммуникативной личности в сфере художественного дискурса, *объектом исследования* – роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Конкретной целью работы является выявление роли невербальных компонентов в формировании коммуникативного портрета личности. Анализировалось коммуникативное поведение двух главных героев романа – Анны Карениной и Вронского.

Конкретными задачами исследования являются следующие:

– выявить, описать и систематизировать акты невербальной коммуникации героев романа Толстого (Вронский, Анна);

– на основе анализа отобранного языкового материала выявить функциональную направленность средств невербальной коммуникации;

– определить, какие невербальные механизмы включены в процесс восприятия, познания партнерами по общению друг друга;

– на основе анализа ситуаций выявить, при помощи каких невербальных компонентов осуществляется взаимодействие и взаимовлияние людей друг на друга в процессе коммуникации;

– определить, каков удельный вес того или иного компонента невербалики в коммуникативном поведении героев.

Художественный текст является особым филологическим способом освоения бытия. По словам Ю.М. Лотмана, художественное произведение несет на себе отпечаток мировоззрения, поэтического видения действительности, языка, стиля своего творца, представляя собой авторский поток сознания, выраженный в языковой форме [Лотман 1970: 60].

В художественном тексте автор очень часто обращает читательское внимание на манеру совершения действий, на формы поведения героев, т.е. на невербальную составляющую. Форма невербального поведения персонажа художественного произведения – это не просто набор внешних подробностей совершения поступка, но некое единство, совокупность, целостность. Невербальное поведение персонажа придает его внутреннему существу (установкам, мироотношению, миропониманию) отчетливость, определенность, законченность и является наряду с духовным ядром и формами сознания важнейшей гранью персонажа как целостности и входит в состав мира произведения.

Путем анализа несловесных форм поведения героя мы получаем возможность более четко уяснить особенности авторской позиции и смысла произведения в целом, более глубоко понять образ героя.

На первом этапе исследования мы отобрали ситуации-диалоги, в которых присутствуют те или иные компоненты невербалики. Следует сказать, что невербальный «язык» занимает в романе Толстого «Анна Каренина» особое место. Литературоведы отмечают, что толстовский текст безошибочно узнается по тому признаку, что любое выражение, которое начинается со слов: «он сказал», – непременно сопровождается разговором взглядов, интонации, мимики, жестов, которые подтверждают, усиливают слова или противоречат им.

В процессе анализа было отобрано более 200 таких диалогов.

Анализ выделенных текстов подтвердил принятое мнение о том, что невербальные компоненты выполняют в организации коммуникативного пространства ряд функций. Среди них: дополнение речи, за-

мещение речи, выявление эмоциональных состояний партнеров по коммуникативному процессу, кроме перечисленных была выявлена большая группа невербальных средств, основная функциональная нагрузка которых – создать эффект чувственной достоверности бытия или, говоря словами Толстого, «дать уровень реальности» [Днепров 1987: 45]. Так, например, функция выявления эмоциональных состояний героев может быть проиллюстрирована следующим отрывком:

Алексей Александрович не интересовался скачками и потому не глядел на скакавших, а рассеянно стал обводить зрителей усталыми глазами. Взгляд его остановился на Анне.

Лицо ее было бледно и строго. Она, очевидно, ничего и никого не видела, кроме одного. Рука ее судорожно сжимала веер, и она не дышала. Он посмотрел на нее и поспешно отвернулся, оглядывая другие лица. "Да вот и эта дама и другие тоже очень взволнованы; это очень натурально", – сказал себе Алексей Александрович. Он хотел не смотреть на нее, но взгляд его невольно притягивался к ней. Он опять взглядывался в это лицо, стараясь не читать того, что так ясно было на нем написано, и против воли своей с ужасом читал на нем то, чего он не хотел знать. <...>

Она оглянулась на мгновение, вопросительно посмотрела на него и, слегка нахмурившись, опять отвернулась. "Ах, мне все равно", – как будто сказала она ему и уже более ни разу не взглядывала на него. <...>

Ужас чувствовался всеми, так что, когда Вронский упал и Анна громко ахнула, в этом не было ничего необыкновенного. Но вслед за тем в лице Анны произошла перемена, которая была уже положительно неприлична. Она совершенно потерялась. Она стала биться как пойманная птица: то хотела встать и идти куда-то, то обрацалась к Бетси. <...>

Офицер принес известие, что ездок не убится, но лошадь сломала себе спину. Услышав это, Анна быстро села и закрыла лицо веером. Алексей Александрович видел, что она плакала и не могла удержать не только слез, но и рыданий, которые поднимали ее грудь. Алексей Александрович загородил ее собою, давая ей время оправиться (2, 28-29, 234-235).

Ограниченные временными рамками доклада, остановимся на таком важном для поэтики Толстого невербальном компоненте, как взгляд.

Взгляд имеет в мире Толстого ни с чем не сравнимое значение. Он выражает то содержание душевной жизни, которому нет соответствия в языке. Через взгляд, минуя все, с душой общается душа. Писа-

тель нередко изображает целые сцены, в которых зрительный разговор полностью вытесняет словесную форму общения. Приведем некоторые примеры:

Встретив его [Вронского] взгляд, лицо Анны вдруг приняло холодно-строгое выражение, как будто она говорила ему: «Не забыто. Все то же» (7, 346).

Вторая функция взгляда – изображение сложных эмоциональных состояний. В этом случае неискаженная информация передается чаще описанием глаз, более безусловно-рефлекторных по природе и потому менее подверженных произвольному волевому управлению говорящего:

Прочтя письмо, он [Вронский] поднял на нее [Анну] глаза, и во взгляде его не было твердости. Она поняла тотчас же, что он уже сам с собой прежде думал об этом. Она знала, что, что бы он ни сказал ей, он скажет не все, что он думает. И она поняла, что последняя надежда ее было обманута. Это было не то, чего она ожидала (3, 351).

Иногда взгляд играет решающее значение во взаимоотношениях героев, он разрывает все преграды между людьми:

Когда он [Вронский] оглянулся, она [Анна] тоже повернула голову. Блестящие, казавшиеся темными от густых ресниц, серые глаза дружелюбно, внимательно остановились на его лице, как будто она признавала его, и тотчас же перенеслись на подходящую толпу, как бы лица кого-то. В этом коротком взгляде Вронский успел заметить сдержанную оживленность, которая играла в ее лице и порхала между блестящими глазами и чуть заметной улыбкой, изгибавшею ее румяные губы. Как будто избыток чего-то так переполнял ее существо, что мимо ее воли выражался то в блеске взгляда, то в улыбке. Она потушила умышленно свет в глазах, но он светился против ее воли в чуть заметной улыбке(1, 71).

Взгляд может выражать не отдельное чувство (грусть, радость, гнев), а сложный комплекс чувств и мыслей:

У входной двери послышались шаги, и княгиня Бетси, зная, что это Каренина, взглянула на Вронского. Вронский смотрел на дверь, и лицо его имело странное новое выражение. Он радостно, пристально и вместе робко смотрел на входившую и медленно приподнимался. В гостиную входила Анна. Как всегда, держась чрезвычайно прямо, своим быстрым, твердым и легким шагом, отмечавшим ее от походки других светских женщин, и не изменяя направления взгляда, она сделала те несколько шагов, которые отделяли ее от хозяйки, пожала ей

руку, улыбнулась и с этою улыбкой оглянулась на Вронского. Вронский низко поклонился и подвинул ей стул (2, 154).

Часто у Л.Н. Толстого можно встретить эпизоды, где во взгляде героев можно заметить едва уловимую деталь, которая имеет важное значение в отношениях героев:

Лицо ее [Анны], казалось, устало, и не было на нем той игры просившегося то в улыбку, то в глаза оживления; но на одно мгновение при взгляде на него [Вронского] что-то мелькнуло в ее глазах, и, несмотря на то, что огонь этот сейчас же потух, он был счастлив этим мгновеньем. Она взглянула на мужа, чтобы узнать, знает ли он Вронского. Алексей Александрович смотрел на Вронского с неудовольствием, рассеянно вспоминая, кто это. Спокойствие и самоуверенность Вронского здесь, как коса на камень, наткнулась на холодную самоуверенность Алексея Александровича (1, 120).

Итак, анализ лишь одного невербального компонента – взгляда – показал, насколько функционально многообразны несловесные знаки. Невербальные компоненты, в частности взгляд, как видно из примеров, играют немаловажную роль в создании образов героев. Так, характер Вронского определяется цельностью, добротой, мужеством и вместе с тем твердостью и холодностью, что выражает и его взгляд. Также ему свойственен эгоизм и самоуверенность.

При каждом появлении Анны упоминаются ее «блестящие глаза», которые отражают ее духовный мир. Она правдивая и умная женщина, человек большого сердца. Ей присущи спокойствие и сдержанная оживленность, которая выражается в ее «блестящих глазах».

Подводя итоги, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что невербальные компоненты играют немаловажную роль в структуре коммуникативного портрета личности. Эти знаковые единицы являются индикаторами душевного состояния человека, его мыслей, эмоций и желаний. Путем анализа невербального поведения персонажа мы получаем возможность более четко уяснить отношение автора к герою, более глубоко понять образ героя.

Список литературы

1. *Виноградов В.В.* О языке Толстого: (50-60 годы) // Л.Н. Толстой. – М., 1939.
2. *Горелов И.Н.* Невербальные компоненты коммуникации. – М., 1980.
3. *Крейдлин Г.Е.* Национальное и универсальное в семантике жеста // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. – М., 1999.

4. Лабунская В.А. Невербальное поведение. – М., 1991.
5. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 7-8. – М., 1987.

Е.Ю. Зеленова*
БашГУ

Способы манипуляции в современной публицистической коммуникации

Роль информации в современном мире возросла настолько, что для описания текущего уровня общественного развития специалисты ввели термин «*информационное общество*» или «*инфосфера*» [Добросклонская 2001]. В этой ситуации доминирующей функцией российских СМИ становится функция манипуляции общественным сознанием [Имшинецкая 2003].

Принято различать термины *речевое воздействие* и *манипулирование*. Манипулирование – это скрытое речевое воздействие, при котором адресат принимает чужую мысль за собственную [Пирогова 2001: 223].

Манипуляция, как правило, осуществляется «нецивилизованными» способами («вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко 1997: 59]). Среди таких способов выделяются следующие: прямое внушение – «*С этого момента ты сможешь принимать решения самостоятельно*» – (языковое воплощение – приказ с использованием глагола со значением долженствования) [Стернин 2002]; внушение, основанное на принципе отрицания отрицания – «*Не думайте о белой обезьяне! Никогда не думайте о белой обезьяне!*»; составное внушение – «*В то время, когда ты находишься на улице (и твоё настроение резко улучшается) ты сразу звонишь мне, и мы весело проводим время*» – (создание видимости логической связи при ее отсутствии); ложный выбор – «*Вы будете пить красное или белое вино?*» – (вводится имплицитная информация); использование аналоговых меток (интонационные средства – выделительное ударение, повышение уровня громкости и т.д.) [www.institutnlp.ru]; внушение цитированием – «*Мой друг Джон сказал как-то мне: Хватит психовать*

* © Зеленова Е.Ю., 2009.

по пустякам! Радуйся жизни!» – (ссылка на какой-либо авторитет), скрытое вербальное внушение, замаскированное тройной спиралью или «тройная спираль Мильтона Эриксона (информация организуется по принципу матрешки) [Дудинский 2007].

Целый ряд эффективных механизмов коммуникативного воздействия основан на использовании имплицитной информации, которая представляется в сообщении в скрытом виде и воспринимается как сама собой разумеющаяся («*Железнодорожники продолжают воровать*» – включает утверждение «железнодорожники и раньше воровали») [Кобозева 2003].

Манипуляция может реализовываться и с помощью наведения транса. Суггестивный эффект достигается использованием следующих техник: разрыв шаблона (некой последовательности действий, отработанных до автоматизма), двойное наведение транса – перегрузка (используется иногда немотивированная узкоспециализированная лексика («*Синусоидальность дидукционнго индуктора некоэмутируется с хромформной эфузией аксирогентно-адиквантного фотонного триангулятора*»)) или трюизмы – избитые истины (Команда: *Покупайте!* Трюизм: *Все любят покупать. Людям нравится покупать.*) [Дудинский 2007: 44-49], или задействуются все каналы внимания, пример – «цыганский гипноз»).

Частица «не» при умелом ее использовании так же предоставляет широкие манипулятивные возможности, так как человеческое сознание не может нарисовать картинку частицы «не». Если мы зачеркнем «не» во фразе *«не считайте себя обязанным что-нибудь купить»*, то получим сообщение, которое и добирается до подсознания читателя [Рудакова, 2005].

Среди манипулятивных приемов так же можно назвать следующие: эвфемизация – это замена слова с негативной семантикой позитивным или нейтральным по смыслу, лингвистическая косметика («бедность»-«люди с низким доходом»); подмена понятий, переосмысление (когда в Оттаве ограбили магазин "Ай-Джи-Эй", по радио было немедленно заявлено: *«Даже грабители предпочитают иметь дело с нашим магазином, а не с каким-либо другим!»*); риторические вопросы («*Вы давно ищете тушь, которая держалась бы на ресницах целых 24 часа? Вы нашли ее?*») [Имшинецкая 2003].

Эмоциональность речи придают специальные экспрессивные средства, в том числе и риторические тропы (от греч. поворот/оборот речи), а также особые принципы их использования.

Все эти приемы и техники манипуляции мы можем наблюдать в повседневной публицистической коммуникации, причем их использо-

вание может быть как осознано самим говорящим, так и не осознано, то есть проявляться на интуитивном уровне.

Рассмотрим реализацию перечисленных способов манипуляции в тексте публичной беседы (фрагмент передачи «Привычка жить» радиостанции «Эхо Москвы» от 25.07.2007). Передача посвящена теме «искусство быть стервой», ведущая и гости в процессе беседы навязывают слушателям стереотипы «мужчины любят только стерв», «стервой быть хорошо», «женщина может быть счастливой, только если она стерва».

В результате анализа фрагмента были выявлены следующие способы манипуляции:

- такие техники наведения транса, как разрыв шаблона и перегрузка каналов (*И люди ценят не то, что мы для них делаем, а то, что они для нас делают* (разрыв шаблона «люди ценят то, что мы для них делаем»). Далее – перегрузка каналов, выделено 4 типа отношений: **Чем больше мужчина вкладывается в отношения морально, эмоционально, тем лучше он относится к женщине. А проблема вся в том, что женщины более чувствительные существа. И когда в паре женщина-стерва, а мужчина ей дает больше любви, ласки, за счет того, что как бы нужно...**)

- после наведения транса дается манипулятивная установка, она же – аналоговая метка: *«Потому что всегда стервам дают больше. Женщина счастлива и востребована!»;*

- эвфемизация – стерву называют «источником адреналина» – явно положительная коннотация;

- имплицатуры («стерву любят, а «не стерва» любит сама» = «любить плохо»; имплицитно вводится негативная оценка слова «мамочка» – чрезмерно заботливая, надоедливая женщина, а также неправильно воспитывающая, пример: *«а когда женщина начинает любить, она начинает, как мамочка за ним ходить... это идет еще от воспитания наших мам... мужчина это не выдерживает»;*

- имплицатура в вопросе («Почему они [мужчины] любят стерв?» = «мужчины стерв любят»), использование трюизмов («очень сильно любить» и «пылинки с него сдувать») позиционно и семантически приравняются, за счет чего первое высказывание под влиянием второго приобретает негативную оценку = «очень сильно любить плохо») и др.

В результате мы видим, что в передаче пропагандируется разрушение ценностей семьи, материнства и любви, то есть анализируемый фрагмент – это пример деструктивной, разрушительной манипуляции. Таким образом, возникает морально-лингвистическая проблема эколо-

гичности манипуляции и экологии слова вообще, так как очень важно нести ответственность за все то, что мы говорим, помня, насколько большое значение играет в нашей жизни слово.

Список литературы

1. *Добросклонская Д.П.* Социозначимые свойства медиаречи // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной конференции., М.: Издательство МГУ, 2001.
2. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции, М., 1996.
3. *Дудинский Д.И.* 30 способов манипуляции и управления людьми, М., 2007.
4. *Имшинецкая И.* Речевые манипулятивные техники // Альманах Лаборатория рекламы, маркетинга, public relations, №2, 2003. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.advlab.ru. – Дата доступа: 20.03.2007.
5. *Кобозева И.М.* Лингво-парадигматический аспект анализа языка СМИ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text12/08.htm>. – Дата доступа: 15.05.2008.
6. *Пирогова Ю.К.* ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики. – М., 2001.
7. *Рудакова М.* Не читайте, вам это будет неинтересно. Практика создания эффективных заголовков // Альманах Лаборатория рекламы, маркетинга, public relations, №3, 2005. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.advlab.ru. – Дата доступа: 20.03.2007.
8. Сайт института НЛП: [Электронный ресурс] www.institutnlp.ru. – Дата доступа: 15.05.2008.
9. *Стернин И.А.* Речевое воздействие как интегральная наука. – Воронеж, 2002.

К лингвистической экспертизе текста: умысел в речевом выражении

Одним из сравнительно молодых и бурно развивающихся направлений прикладного языкознания является судебная лингвистика (Баранов, Мишланов, Наумов). Одна из важнейших задач исследований в этой области заключается в обнаружении речевых показателей правонарушения в сфере вербальной коммуникации. Целый ряд правовых норм осмыслен с лингвистических позиций довольно полно. К их числу можно отнести такие статьи УК РФ, как Статья 110. Доведение до самоубийства, Статья 129. Клевета, Статья 130. Оскорбление.

Вместе с тем УК РФ пополнился в последние годы статьями, направленными на пресечение преступлений против государственной власти. Это статьи: Статья 280. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства.

Объектом нашего исследования являются высказывания, в отношении которых возникает вопрос о наличии или отсутствии состава преступления по Статье 282 УК РФ. Пункт первый этой статьи гласит:

«1. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации, - наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо обязательными работами на срок до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до двух лет».

В Комментарие к УК указывается, что с субъективной стороны данное преступление совершается только с прямым умыслом. Виновный осознает характер своих действий и желает их совершить. В этой связи необходимо отделять случайные эмоциональные проявления недовольства от принципиальной позиции. Прямой умысел, согласно определению законодателя, представляет собой осознание лицом об-

* © Мехонина Е.А., 2009.

щественной опасности своих действий (бездействия), предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий и желание их наступления.

Предмет моего исследования – речевые показатели правонарушения по Статье УК 282 или же аффективного поведения подозреваемого лица.

Цель данного сообщения – предложить критерий, позволяющий характеризовать националистические высказывания как подчиненные или неподчиненные прямому умыслу. Материалом для анализа послужили следующие высказывания певицы Анастасии Приходько на телепроекте «Фабрика Звезд 7».

(Анастасия Константиновна Приходько — украинская эстрадная певица. Известность приобрела после победы на шоу Первого канала «Фабрика Звезд 7», после чего подписала контракт с продюсером К. Меладзе).

Изложим их по публикации газеты «Московский комсомолец».

«Вообще-то Гитлер был в одном прав. Он боролся за арийскую расу, за то, чтобы в Германии жили немцы. Я считаю, что в Германии должны жить немцы, в Украине — КИЕВЛЯНЕ (!), в Африке — негры, в Израиле — евреи», — и заключила эту сентенцию веселым возгласом: «Хайль Гитлер! Унц фашизм!» (<http://www.mk.ru/blogs/MK/2009/03/12/srochno/399099/>).

Подчинены ли данные действия прямому умыслу?

С нашей точки зрения, в этом случае и в других, аналогичных, необходимо установить характер деятельности, в которую включаются приведенные речевые действия. Согласно психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, деятельность определяется по мотиву (материальному или идеальному предмету), на который она направлена. В нашем случае высказывания Приходько, явно националистические, могут быть компонентами деятельности, направленной либо на возбуждение ненависти, либо вражды по расовому или национальному признаку, либо же на осознанное провоцирование скандала, достижение эпатажного эффекта.

Дело в том, что многие представители ряда творческих профессий: поэты, музыканты, представители шоу-бизнеса – зачастую посредством скандалов, эпатажа привлекают к себе внимание. Такое поведение соответствует их темпераменту и, кроме того, помогает им достичь известности.

Следовательно, лингвист, осуществляющий анализ приведенных высказываний, должен найти показатели включенности их в один из указанных видов деятельности.

Нужно отметить, что во многих случаях для определения вида деятельности недостаточно рассмотрения отдельного речевого действия, поэтому появляется задача восстановить более широкий коммуникативный контекст. Так, нужно выяснить, осуществляла ли Приходько ранее какую-либо политическую деятельность (как член националистической партии, группы). Если ответ на этот вопрос будет положительным, то ее высказывания могут рассматриваться как продолжение этой деятельности. Если же националистическую деятельность Приходько ранее не осуществляла, но обнаруживала склонность к публичным скандалам, то и в рассматриваемом случае ее националистические высказывания, с большой степенью вероятности, реализуют установку на эпатаж. Если это так, то при всей аморальности высказывания Приходько, ее действия не починены прямому умыслу в отношении состава Статьи 282 УК РФ.

В пользу версий о политико-идеологическом содержании речевых действий Приходько свидетельствует следующее сообщение в газете «Московский комсомолец»: «Артистка категорически отказалась записывать в те дни дуэт с хором Турецкого, объясняя, что дворовые друзья ее убьют, когда узнают, что она пела с «еврейским хором». Возникает вопрос, являются ли друзья Приходько (и сама она) членами националистической организации. В пользу другой версии – о сознательном эпатаже – свидетельствуют частые сообщения о скандалах с участием певицы, которые обнаруживаются при анализе прессы.

Представленные вопросы не входят в компетенцию лингвиста, но при наличии ответа на них лингвист получает возможность квалифицировать эти высказывания в лингво-криминалистическом аспекте.

Представляется важным подчеркнуть, что лингвист не решает вопросы о наличии или отсутствии в действиях того или иного лица состава преступления. Это прерогатива юриста. Однако лингвист помогает обнаружить речевые показатели наличия или отсутствия правонарушения.

Наш вклад в лингво-криминалистическое обеспечение Статьи 282 УК РФ мы видим в предложенном критерии разграничения националистических высказываний как подчиненных или неподчиненных прямому умыслу. Он заключается в идентификации вида деятельности, в состав которой исследуемые виды действия включены.

Список литературы

1. *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта, Наука, 2009. - 592 с.

2. Мишланов В.А., Голованова А.В., Салимовский В.А., Теплякова Л.С. К развитию лингвокриминалистики в Пермском крае // Региональный конкурс РГНФ. Аннотационные отчеты. Пермь, 2007. С. 102-106.
3. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности. М.: КомКнига, 2007. - 240 с.
4. УК РФ с изменениями и дополнениями на 1 февраля 2004 г. М.: Проспект, 2004. – 176 с.

*А.Ю. Микова**
ПермГУ

Речевое общение подруг (закономерности организации дискурса)

Область повседневной речевой коммуникации чрезвычайно обширна и многопланова. Чаще всего она осмысливается как «разговорная речь». Думается, что на нынешнем этапе развития речеведческих дисциплин целесообразно конкретизировать общую модель организации обиходно-бытового дискурса, опирающуюся лишь на наиболее общие экстралингвистические факторы (официальность или неофициальность общения, подготовленность или спонтанность речи и др.).

Главная наша мысль заключается в том, что разговорно-обиходный дискурс представляет собой совокупность многих дискурсивных формаций, которые могут быть идентифицированы по семантике воплощенных в них ментально-коммуникативных действий.

Раскрывая содержание этого тезиса и развивая его, проанализируем разговор подруг. Общение осуществлялось по Интернету посредством ICQ.

Коммуниканты: А., 19 лет, студентка филологического факультета. О., ее близкая подруга, 19 лет, студентка философско-социологического факультета.

Материалом для работы послужил диалог А. и О., зафиксированный в ICQ.

Методика заключалась в следующем: «каждый из коммуникантов, анализируя запись, описывал (1) свои хотения, эмоции, прагматические пресуппозиции, обусловившие продуцируемые им реплики, (2) понимание хотений и иных ментальных состояний собеседника, моти-

* © Микова А.Ю., 2009.

вировавших его реплики. После этого отчеты сравнивались» [Мишланов, Салимовский 2008].

Представим диалог и интерпретацию его реплик собеседницами (правописание в ICQ сохранено).

О.: я увидела табличку что у Вадима через 2 дня ДР и мне вдруг взгрустнулось...:'(

[О. Говорю это, потому что хочу поделиться с подругой своими чувствами и хочу, чтобы она была в курсе развития интриги с Вадимом.]

[А. Сообщает мне информацию и выражает в связи с ней чувство грусти.]

А.: Чего это вдруг? что влюбилась?

[А. Выражаю недоумение по поводу наплыва чувств подруги из-за пустяка. Хочу получить информацию о том, серьезны ли чувства к Вадиму.]

[О. Чувствую легкую издевку. Не воспринимаю вопрос всерьёз.]

О.: он опять мне не пишет:-'

[О. Объясняю причину грусти.]

[А. Подруга выражает свою досаду.]

А.: Мы с тобой неудачники

[А. Выражаю сожаление и легкую досаду по поводу романтических неудач – своих и подруги. Вижу, что Али находится в сети, но при этом не устанавливает контакт со мной, чего бы мне хотелось.]

[О. Не понимаю к чему это сказано (я себя неудачницей не считаю и не понимаю, при чем здесь подруга)]

О.: В смысле?

[О. Прошу разъяснить сказанное.]

[А. Показывает, что не понимает моей реплики.]

А.: Мне вот тоже не написал

[А. Объясняю, в чем моя неудача, хочу поделиться своим огорчением.]

[О. Разъясняет смысл сказанного и выражает мне сочувствие и поддержку.]

О.: ааа...

[О. Поняла смысл сказанного.]

[А. Сигнал понимания.]

А.: и я решила... с ним особо больше не общаться

[А. Делюсь своими намерениями в отношении Али.]

[О. «Перевариваю» информацию.]

О.: Что ж так категорично то?

[О. Иронизирую над подругой, потому что сомневаюсь в серьёзности её решения.]

[А. Оценивает мое поведение, выражает сомнение в его правильности.]

А.: Хотела Даже его из аськи удалить

[А. Продолжаю сообщать о своих намерениях и выражаю сильную досаду на поведение Али.]

[О. Понимаю, что подруга настолько затронута сложившейся ситуацией, что готова на решительные поступки.]

О.: Да ладно тебе!

[О. Выражаю удивление и начинаю понимать, что подруга всерьёз переживает.]

[А. Хочу меня успокоить (Да ладно, не злись!).]

А.: Что ладно? Бесит меня всё

[А. Отклоняю попытку подруги успокоить меня и выражаю усиливающиеся эмоции (Али видит, что я в сети. Время идёт, а он всё не пишет).]

[О. Думаю, что я, вероятно, что-то не то сказала. Убеждаюсь в серьёзности ее проблемы (друг не пишет в ICQ).]

О.: ты реально слишком категорична! тоже влюбилась что ли?

[О. Хочу охладить пыл подруги. Поддраживаю её. Вместе с тем, косвенно признаю свою влюблённость.]

[А. Негодую на то, что подруга, будучи сама влюблённой, приписывает и мне это чувство в отношении молодого человека, который так плохо поступает.]

А.: Я точно нет

[А. Энергично отрицаю свою влюбленность, испытывая чувство злости к Али.]

[О. За этой категоричностью чувствую противоположное отношение к Али, иначе бы она не реагировала так эмоционально.]

А.: Я даже подумать в не могла в турции что мое общение с али будет иметь такое неожиданное продолжение

[А. Вслух размышляю и жалуюсь на сложившуюся ситуацию.]

[О. Не понимаю, что скрывается за словами «неожиданное продолжение», потому что, на мой взгляд, в Турции вообще не предполагалось никакое продолжение.]

О.: ты о чем именно? о том что вы общаться вот так будете? или у вас там уже еще что-то произошло???

[О. Прошу разъяснить смысл сказанного. Хочу узнать то, что мне, возможно, не известно.]

[А. Чувствую обиду на то, что подруга не понимает в чем моя проблема.]

А.: *Дак о том что я вообще перехочу с ним общаться:-*

[А. Досажаю на подругу за ее непонятливость. Продолжаю выражать накопившуюся злость на Али.]

[О. Наконец понимаю, что подруга в очень возбужденном состоянии и сильно обижена на молодого человека и действительно хочет с ним порвать.]

О.: *даже я расстроилась*

[О. Понимаю, что подруга действительно расстроилась. Сочувствую ей и хочу завершить неприятную для неё тему.]

[А. Эмоционально холодная подруга наконец выразила сочувствие. Удовлетворена её пониманием].

Предложим лингвистическую интерпретацию диалога. Представляется, что воплощенная в диалоге ментально-коммуникативная деятельность мотивирована стремлением собеседниц к открытости в разговоре с подругой, к выражению своих эмоциональных состояний, впечатлений с целью их оценки близким человеком. Поэтому мотив эмоционального взаимодействия является основным фактором, организуящий диалог.

В самом деле, реплика О. «я увидела табличку что у Вадима через 2 дня ДР и мне вдруг взгрустнулось...» вызвана ее желанием поделиться с подругой романтически значимой для нее информацией и получить эмоциональный отклик. Этот отклик сразу же последовал: «чего это вдруг? что влюбилась?». Последующая организация дискурса сохраняет эту эмоциональную доминанту.

Речевые партии А. также детерминированы ее эмоциональным состоянием. Уже в начале диалога А. обнаружила, что ее знакомый Али (молодые люди познакомились в Турции во время отдыха), находясь в сети ICQ, тем не менее, ей не пишет. Это вызвало ощущение недостатка к ней внимания, обиду, а затем и чувство злости. Все это обнаружилось в выборе референтного содержания ее последующих реплик и в их модальности: «мы с тобой неудачники», «и я решила с ним особо много больше не общаться», «хотела даже из аськи его удалить», «бесит меня все», «я вообще перехочу с ним общаться».

Выражение досады, жалоба, как это и предполагает дружеский дискурс, вызывают успокаивающие и сочувственные реплики собеседниц: «что же так категорично то?», «да ладно тебе!», «даже я расстроилась».

Итак, проведенный анализ подтверждает нашу мысль о том, что в разговорно-обиходном дискурсе могут быть выделены различные дис-

курсивные формации, изучение которых развивает и конкретизирует научные представления о разговорно-обиходном общении.

Было показано, что мотивация ментально-коммуникативной деятельности (установки, эмоциональные состояния, аффекты и др.) определяют организацию этой разновидности диалога: выбор и последовательность речевых партий.

Список литературы

1. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Психология развития человека. – М., 2003.
2. *Мишланов В.А., Салимовский В.А.* О понимании коммуникантами эмоционально-волевой подоплеки реплик диалога. 2008 (в печати).

*Д.В. Печагина**
ЧелГУ

Идиостиль ученого (на материале научных трудов М.В. Панова)

Термин «идиостиль» традиционно используется применительно к художественным произведениям. В нашем исследовании мы попытаемся показать, что индивидуальный стиль автора проявляется и в научных текстах, более того, он играет важную роль в осмыслении и адекватной интерпретации научного текста. Следовательно, границы понятия «идиостиль» могут быть расширены.

Для того чтобы выявить особенности идиостиля Михаила Викторовича Панова, мы проанализировали научные тексты всех трех подстилей: собственно научного, учебно-научного и научно-популярного. Материалом для исследования послужили статьи из собрания «Труды по общему языкознанию и русскому языку» (М., 2004), разделы «Фонетика» и «Введение» из учебника «Современный русский язык» (М., 2003) и известная книга М.В. Панова «А все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии» (М., 1964).

Михаил Викторович Панов – выдающийся ученый, специалист во многих областях русистики и общего языкознания, талантливый педагог и популяризатор науки о языке. Оригинальность его трудов проявляется в их неповторимом языке, «облекающем глубину научной мыс-

* © Печагина Д.В., 2009.

ли в четкое, прозрачное, ясное изложение» [Земская 2004: 13]. М.В. Панов одинаково хорошо владеет и логическим, рациональным мышлением, и образным, художественным. Анализ работ различной стилевой принадлежности позволил выявить индивидуальные особенности автора, проявляющиеся на разных уровнях языка.

Уже на словообразовательном уровне обнаруживаются отступления от академических норм научного стиля. Так, в работах М.В. Панова неоднократно встречаются слова с суффиксами субъективной оценки: *правилишко, буковка, произведеньице* и др. В этом проявляется, по-видимому, ориентация автора на устную речь, стремление к большей языковой выразительности.

На лексико-фразеологическом уровне отметим активное использование фразеологических единиц, например: «картина диалектов пестра, как лоскутное одеяло» [Панов 2003: 45]; «сомнение, нет ли в этом порочного круга, необоснованно» [Панов 2004: 318]. С помощью образных средств Панов стремится точнее и ярче передать смысл отвлеченных понятий. Для этой же цели он применяет метафоры: «анализ, подобно человеку, спует между двумя уровнями» [Панов 2003: 318], «дальнейшее исследование ее (диэремы) причуд и капризов не может не быть важно и плодотворно для общей фонологической теории» [Панов, 2004: 319], «почти у каждого звонкого есть приятель – глухой согласный» [Панов, 1964: 54].

Сравнения и метафоры в научном стиле допустимы в качестве приемов пояснения, но постольку, «поскольку словесные образы помогают разъяснению понятий» [Москвин 2006: 305]. У М.В. Панова использование антропоморфных метафор и сравнений с объектами естественнонаучных сфер свидетельствует о высокой степени авторского владения материалом: о самых сложных вещах он говорит образно и просто, делает их доступными для понимания. Он ориентируется на ассоциативность слов, на их способность вызывать в сознании человека ассоциации с системой языка, миром понятий и явлений окружающей действительности. Это придает изложению свойство диалогичности, которая направлена на адекватное восприятие читателем содержательно-концептуальной информации текста. Не случайно для стиля М.В. Панова характерно употребление глаголов чувственного восприятия, обращенных к читателю: *почувствуйте, ощущаете, прислушайтесь*, это облегчает усвоение и запоминание текста.

Одной из особенностей научного стиля является использование специфичной (стилеобразующей) лексики, в частности терминов. М.В. Панов по-разному раскрывает содержание одних и тех же терминов в работах различной стилевой принадлежности. Это связано как с

особенностями стиля, так и с ориентацией на разный круг читателей. Например, книга «А все-таки она хорошая» рассчитана на детей школьного возраста, учебник «Современный русский язык» – на студентов-филологов, «Труды по общему языкознанию» – на специалистов в области языкознания. Естественно, что автор в каждом случае учитывает особенности восприятия читателей. В результате «Труды по общему языкознанию» отличаются большей абстрактностью изложения, а книга «А все-таки она хорошая» – большей образностью.

Интересно, что названная особенность не коснулась синтаксического уровня. Рассмотрим пример. В книге «А все-таки она хорошая» позиционное изменение звуков объясняется следующим образом: «В русском языке есть закон: перед мягким зубным другой зубной непременно смягчается. Другими словами, первый звук находится в зависимости от обстановки, окружения, на него бросает тень сосед» [Панов, 1964: 56]. То же явление в «Трудах по общему языкознанию» объясняется так: «Рассмотрим следующую закономерность: в сочетаниях зубной + мягкий зубной первый зубной также смягчается. Иначе говоря: дизонность в сочетании двух высоких диффузных звуков суперсегментна» [Панов, 2004: 397]. Итак, мы видим сходство синтаксических конструкций: первая часть каждого определения представляет собой бессоюзное сложное предложение с семантикой уточнения, а вторая – разъяснение сказанного ранее. На это нам указывают вводные слова «другими словами» и «иначе говоря». Однако если в первом случае разъяснение производится про помощи метафоризации, рассчитанной на образное мышление школьника, то во втором определении представлена строго логическая семантизация термина, так как ориентирован этот труд на реципиента, владеющего данной терминологией.

Другой особенностью синтаксических конструкций, проявляющейся во всех рассмотренных нами текстах, является использование эллиптических конструкций и фигур умолчания. Это еще одно проявление диалогичности изложения, когда автор предоставляет читателю самому размышлять и «додумывать» недостающие элементы. Кроме того, М.В. Панов часто использует инверсионный порядок слов, например: «чередуются звуки в каждом языке по особым законам» [Панов, 2003: 94], «единственное у них различие: один глухой, а другой звонкий» [Панов, 1964: 54]. Это воздействует на восприятие текста, поскольку изменение порядка слов уподобляет высказывание устной речи, меняет ритмический рисунок текста и актуализирует наиболее существенные положения.

При построении научного доказательства М.В. Панов часто использует прием уступки. Рассуждая о невозможности существования

какого-либо явления, он предлагает представить его в системе современного языка и таким образом наглядно показывает, что оно нарушает законы языка. Автор словно уподобляет научное доказательство детективному расследованию. При этом кроме рассуждения он часто использует и повествовательную форму изложения материала, что не свойственно научной речи. Автор стремится заинтересовать читателя каким-либо необычным предположением, а затем, в ходе рассуждения-расследования, вместе с ним раскрыть истину. Эту особенность идиостиля М.В. Панова А.А. Реформатский назвал «художественным приемом детективного уклона» [Земская, 2004: 13].

Таким образом, выделим основные черты идиостиля М.В. Панова:

1. Диалогичность изложения информации, эффект соприсутствия автора в тексте;
2. Стилистическая афористичность изложения;
3. Ориентация на удобство восприятия текста;
4. Использование разных способов изложения информации: описания, рассуждения, повествования; сочетание разных стилей в рамках научного.

Наука, как писал М.В. Панов, это «зеленое, ласковое, зовущее дерево, от которого веет прохладой и счастьем». Именно такой и представляется нам наука благодаря его научному творчеству.

Список литературы

1. *Земская Е.А.* О Михаиле Викторовиче Панове [Текст] / Е.А. Земская и др. // Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 8–13.
2. *Москвин В.П.* Стилистика русского языка: теоретический курс [Текст] / В.П. Москвин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 630 с.

Список источников

1. *Панов М.В.* И все-таки она хорошая. Рассказ о русской орфографии [Текст] / М.В. Панов. – М.: Наука, 1964. – 168 с.
2. *Панов М.В.* Фонетика [Текст] / М.В. Панов // Современный русский язык : учеб. для филол. спец. высших учебных заведений / под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Азбуковник, 2003. – 928 с.
3. *Панов М.В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку [Текст] / под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 568 с.

**Функционирование тематических номинаций
и способы развертывания текста в религиозном стиле
(на материале проповедей митрополита Смоленского и Ка-
лининградского Кирилла)**

Довольно длительный период времени в нашей стране существовала одна из сфер общественной деятельности, специфика функционирования которой не являлась непосредственным объектом изучения филологов-исследователей. Это сфера церковно-религиозной общественной деятельности. В постперестроечное время, когда ситуация в России изменилась, возник интерес к изучению религиозной картины мира и религиозного стиля, который в последнее время изучается с различных позиций многими лингвистами (М.Л. Ремнева, О.А. Крылова, Л.П. Крысин, Т.В. Ицкович, В.А. Салимовский, И.Н. Щукина и др.). Исследование на основе категориально-текстового подхода к жанрово однородным речевым произведениям впервые проводилось в работе Т.В. Ицкович «Православная проповедь как тип текста» (2007), где был использован синхронно-сопоставительный анализ пяти функциональных стилей с позиции их категориально-текстового оформления Т.В. Матвеевой, представленный в работе «Функциональные стили в аспекте текстовых категорий». В нашем исследовании тексты религиозного стиля анализируются с точки зрения тематической целостности текста и реализующих ее тематических номинаций.

Наше исследование посвящено проблеме функционирования тематических номинаций и способов развертывания текста в религиозном стиле.

Наиболее типичным и вместе с тем специфичным жанром религиозного стиля является проповедь, реализующаяся в речевых произведениях священнослужителей, интерпретирующих религиозные тексты.

Следом за Н.И. Барсовым, мы определяем проповедь как «христианское церковное наставление, преподаваемое в храме за литургией, имеющее своей задачей поведать и разъяснить слушающим учение Иисуса Христа» [ЭС Брокгауза и Эфрона, 1996].

Н.Б. Мечковская считает проповедь фундаментальным, первичным жанром религиозной коммуникации. «С началом проповеди уче-

* © Хазанжи Е.И., 2009.

ние начинает жить в сознании некоторого сообщества людей. Если слово Бога, услышанное пророком, – это мистический «первотолчок» в зарождении религии, то проповедь, в которой пророк (наставник) доносит Божье Слово людям, – это «второй толчок», и при этом не мистический, а вполне наблюдаемый. Религия как мистический коммуникативный процесс начинается именно с проповеди учения людям» [Мечковская 1998: 63].

Текст проповеди характеризуется определенной структурой. Большое значение в вопросе тематизации проповеди имеет четырехчастная схема построения проповеди (вступление, изложение, нравственное приложение, заключение). По мере реализации данной схемы проповеди происходит раскрытие темы проповеди. Как указывает учебное пособие по гомилетике, каждый проповедник должен ясно представлять тему своей проповеди, чтобы привести в стройный порядок материал и строго придерживаться его в проповеди [Гомилетика 1993: 43]. Н.И. Барсов определяет тему как «категорическое суждение, в целой проповеди органически развивающееся по логическим законам деления и подразделения. Иначе говоря, тема есть одна главная мысль сочинения».

По мнению Т.В. Ицкович, «главная особенность проповеди заключается в ее тематическом двуединстве. Проповедь одновременно содержит в себе предметную тему целого текста и духовную тему. В тексте проповеди с помощью предметной темы автор подводит своего слушателя к сути текста – его духовной теме» [Ицкович 2007: 166].

Тема в проповеди разворачивается в тексте посредством цепочки тематических номинаций. В определении разновидностей тематических номинаций текста мы следовали за типологией, представленной в работе Т.В. Матвеевой:

— **Базовые** (лексическая единица в своей первичной функции (Гак, 1977)).

▲ - свернутые, ▼ - развернутые и ■ - грамматические **трансформы**.

● - **Субституты** – неполнозначные вне контекста заместители базовой номинации (местоимения).

◇ - **Лексически новые замены**, в число которых входят синонимы базовой номинации.

○ - нулевая номинация;

☼ - образная номинация.

Тематические номинации играют определяющую роль при развертывании текста проповеди, и отбор их, наряду с композиционным оформлением проповеди, обусловлен прагматической установкой ав-

тора. Ведь достижение поставленной коммуникативной цели напрямую зависит от построения текста проповеди.

Анализ функционирования тематических номинаций позволил определить, во-первых, что тематические номинации являются одним из средств развертывания темы проповеди, предопределяют ее композиционную структуру, во-вторых, часто на коммуникативном уровне являются средствами гармонизации.

Анализ подтвердил вывод Т.В. Ицкович о том, что в проповеди выделяются две темы: предметная и духовная. Однако наше исследование позволило нам предположить, что чаще всего и тема духовного представляет собой оппозицию Богоугодного и Богопротивного. Проповедь «О соединении с Богом» демонстрирует возможность такого развития духовной темы:

/ ▼+■ ☀ ▼+■ ☀ ☀ ☀ - Богоугодное.

Духовное

\ — ♦ ☀ ☀ ☀ ♦ ☀ - Богопротивное.

В данной тематической цепочке наиболее употребительны образные номинации, которые обозначают лексемы, характерные для мифического повествования. Это позволяет предположить, что в данном фрагменте проповеди осуществляется преимущественно эмоциональное воздействие. Эта тематическая цепочка является продолжением развития духовной темы и вместе с тем началом реализации темы Богопротивного (которая выделяется в рамках духовной). Связь со сверхчувственным миром не посредством общения с Богом, не с помощью внутренних нравственных усилий также является духовным, но Богопротивным явлением. Таким образом, данная проповедь демонстрирует возможность развития духовной темы в двух направлениях: Богоугодное и Богопротивное. Однако нельзя отрицать, что возможность такой реализации духовной темы зависит от содержания проповеди и задач данного типа коммуникации.

Также анализ материала показал, что тема в проповеди может развертываться различными способами: построением посредством оппозиции двух направлений развития духовной темы (темы Богоугодного и Богопротивного) или других противопоставлениях, композицией хрии (представляет собой классическая содержательная схема речирассуждения, т.е. текст, содержанием которого является доказательство определенной мысли как истинной или ложной [Матвеева 2003: 43]), событийно-последовательным повествованием, вопросно-ответной схемой.

Тематические номинации же имеют непосредственное значение при раскрытии темы проповеди. Поэтому выбор при использовании

проповедником тех или иных типов номинаций обусловлен своеобразием религиозной коммуникации и ее задачами. Анализ проповедей позволил установить, что в целом текст проповеди образен и метафоричен, что подтверждается многократным употреблением в нем образных номинаций. Но при рациональной адресности реализуются преимущественно базовые номинации, а при эмоциональной – образные и трансформы.

Список литературы

1. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.*. Энциклопедический словарь. Русское слово, 1996.
2. *Гак В.Г.* К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. – М., 1997.
3. *Гомилетика.* Учебное пособие, 1993.
4. *Ицкович Т.В.* О композиционно-тематическом развертывании церковной проповеди / Т.В.Ицкович// Известия Уральского государственного университета. – 2006. – №41.
5. *Матвеева Т.В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк. – Екатеринбург, 1990.
6. *Матвеева Т.В.* Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М., 2003.
7. *Мечковская Н.Б.* Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1998.

Н.Г. Лейсле*
ПермГУ

К вопросу о народной терминологии лесозаготовок в говоре д. Акчим Красновишерского района Пермского края

Лесозаготовки и лесосплав – основное занятие жителей деревни Акчим, начиная с конца XVIII в. Поэтому в говоре этой территории существует большое количество лексических единиц данной группы.

Анализ этой лексико-семантической группы позволил составить тематическую классификацию входящих в нее единиц. Весь собранный материал мы распределили на две больших группы (лесозаготовки – 96 единиц, лесосплав – 74), в которых выделили более конкретные подгруппы.

1. Лесозаготовки

1) Участки леса а) места, где ведутся лесные разработки (*вывал, делянка, постать*): **делянка** – ‘участок леса, предназначенный для рубки’ (*Есть делянки, пройдут грани тут, лес рубят – это называется делянка*). **Постать** – ‘полоса, участок леса, выделенный бригаде, семье и т.п. для рубки’ (*Которая для рубки, мастер или десятник разбивают на постати – каждая бригада на своей постати*).

б) дороги в лесу (*визира, отвод*): **визира** – ‘прямая узкая просека в лесу’ (*Визира в лесу для отвода леса; Делянки нарезают, прорезают визиры*). **Отвод** – ‘ответвление от лесосеки в виде просеки’ (*Отводы делаем. Это делянки, где лес берут, а от лесосеки уже идут усы – отводы*).

2) Древесные породы (*осина, кедер (кедор), листвень* и др.): **кедер, кедор** – ‘порода хвойных деревьев, дающих съедобные плоды-орешки; отдельный экземпляр дерева этой породы’ (*Вон кедер стоит. На ём шишки; Кедор тот был дуленатой*). **Листвень** – ‘то же, что лиственница’ (*Листвень, она больше на камнях, на таких твердых местах. Лисвьина, она как елка, хвоя зеленая, мелкая*).

Технологические названия леса а) общие названия леса по техническим характеристикам (*баланец, товарник* и др.): **баланец**, *собр. спец. Хороший лес выбирают, чистой. Баланец. Он шишо не самой*

* © Лейсле Н.Г., 2009.

лутшиой – есь ишо пиловочник. **Товарник** – ‘лесоматериалы очень высокого качества’ (*Раньше товарник работали, лес. Нынче-то работают всякий*).

б) технологические названия ассортимента (*двойка, шестёрка, восьмёрка*): **двойка** – ‘часть спиленного и очищенного от сучьев древесного ствола длиной 2 метра’ (*Ёлки рубят и выпиливают Баланы: большие – шестёрки, четвёрки и двойки – ну, два метра*). **Шестёрка** – ‘часть спиленного и очищенного от сучьев древесного ствола, длиной 6,5 метров’ (*Балан длиной четыре метра называют четвёрка. Шесть с половиной метров – шестёрка*).

3) Природные названия леса а) названия леса (*мяндач, суземье, и др.*): **мяндач** – ‘лес, состоящий из сосновых молодых стройных малосучковатых деревьев’ (*Около рек в угорах лес растет молодой, крепкий, его называют мендач*). **Суземье** – ‘дремучий хвойный лес’ (*Суземье – старинный лес, коновый, крепкий*).

б) характеристики дерева по качеству (*коржа, кляпина и др.*): **коржа** – ‘толстостовольное невысокое дерево, непригодное для получения деловой древесины’ (*Коржа – это короткий толстый неуклюжий лес*). **Клепина** – ‘наклонно растущее дерево, дерево с изогнутым стволом’ (*Клепина – когда дерво клепое, когда оно наклонилось. Загнутое дерево попадат это клепина*).

4) Процессы лесозаготовки (*комлевать, кряжевать и др.*): **комлевать** – ‘обтесывать комлевающую часть бревна’ (*И эти тожо надо комлевать. Баланы кода готовят в лесу, комлевая часть – нижний отруб, а кверху – верхний отруб*). **Кряжевать** – ‘распиливать поваленное дерево на отрезки определенной длины’ (*Баланы валят там, а потом их кряжуют; Лес опять кряжуют, меряют на четвёрки, на шестёрки*).

5) Профессии (*толкач, топорник и др.*): **толкач** – ‘лесоруб, обязанностью которого – толкать в нужном направлении подрубленное, подпиленное дерево с помощью раздвоенной жерди’ (*Теперь двое валят. Один с пилой «Дружба» подпиливат, другой толкат, толкач называется*), **топорник** – ‘работник, деятельность которого предполагает использование топора’ (*Лётчиком-то не будет, а рабочим, топорником. Ну, с топором*).

б) Инструменты, приспособления (*лёжка, пехло*): **лёжка** – ‘бревна, доски, по которым катают (поднимают, спускают) лес’ (*Втягивают, например, дерево на сруб с земли. Руками не поднимешь – веревками с обоих концов по лёжкам втягивают*). **Пехло?** – ‘тонкое срубленное дерево с раздвоенным концом, которым, толкая, направ-

ляют падение дерева при валке леса' (*Пехло опять срубилшь и спихивашь дерево*).

7) Названия частей дерева (*kozyрёк, мулёк* и др.): **kozyрёк** – 'обломок древесины, отщепившейся при пилке от одной части бревна и выступающей на торце другой части' (*Когда дерево стоячее отрубают, остаётся козырёк; раньше пилишь – остаётся козырёк*). **Мулёк** – 'какая-либо неровность, выступ, бугорок на поверхности бревна' (*Кряж круглый, сверху ровняешь, чтобы мульков не было. Неровны места – это мулёк, выстрожешь её*).

Состав группы «Лесозаготовки» представляет собой весь технологический процесс рубки, валки и пилки леса. Именно сам технологический процесс определяет структуру этой лексико-семантической группы.

*А.А. Макарова**
УрГУ

К лексикографическому представлению озерной гидронимии Белозерья

Белозерье, историко-культурный регион Русского Севера, до настоящего времени представляет собой территорию, неоднородную в этническом плане. В языковой практике местного населения сосуществуют субстратные (прибалтийско-финские и саамские), вепские и русские топонимы. Географические названия в этой зоне собирались Топонимической экспедицией Уральского университета (ТЭ УрГУ) в течение нескольких полевых выездов (в 1960-е -2000-е гг.). Мы предприняли попытку словарного описания части этого материала – озерной гидронимии Белозерья. Основной источник словаря – данные электронной базы, составленной по топонимической картотеке ТЭ УрГУ, которые в отдельных случаях дополняются материалами статей и монографий по топонимии соответствующей территории, а также сведениями, почерпнутыми из региональных карт.

Словарь необходим для формирования общей картины и решения задач системно-этимологического, мотивационного и лингвогеографического анализа. В словарь включаются все озерные гидронимы (в том числе с неясной этимологией и мотивацией): оказавшись в ряду, они

* © Макарова А.А., 2009.

могут получить новую интерпретацию. Топонимический словарь такого типа позволяет представить доказательный и достаточный для системной этимологизации корпус названий.

Словарь строится по алфавитно-гнездовому принципу. Заглавным словом в большинстве случаев является зафиксированный в реальном функционировании озерный гидроним, однако при этом снимаются «ориентационные» определения при топонимах-существительных (например, название ВЙРХНЕЕ ЗЙНОЗЕРО дано в статье на ЗЙНОЗЕРО). Другая разновидность статей – это статьи на субстратную основу, в которых в качестве заглавного слова выступает унифицированный вариант основы, наиболее близкий к этимологически исходному (например, БХНОЗЕРО, ТУРОЗЕРО и т.п.).

После заглавного слова в словарной статье приводятся:

1) статистические данные о частотности данной структурно-семантической модели на территории Белозерья;

2) ареал основы (с указанием района и частотности основы по районам);

3) фонетические, акцентологические, словообразовательные, морфологические, структурные и семантические варианты топонима (при этом «снимаются» регулярные фонетические и морфологические диалектные особенности). Под словообразовательными вариантами понимаются различные суффиксальные и префиксальные образования от заглавного слова (напр., ГРЯЗНЦХА, ЗАМБРЬЕ). Морфологические варианты – это, в первую очередь, варианты по категории числа (по мнению А. К. Матвеева, «фиксация субстратного топонима во множественном числе часто свидетельствует о том, что перед нами географический термин, утраченный апеллятивной лексикой <...>. Постановка топонима, восходящего к географическому термину, во множественном числе предполагает понимание значения соответствующего апеллятива» [Матвеев 1972: 82]). Под структурными вариантами понимаются семантически и мотивационно значимые преобразования структуры топонима: например, функционирование топонимической основы в самостоятельном употреблении и в топониме-полукальке (так, на ДУЛГОЕ и ДУЛГОЗЕРО составляются отдельные словарные статьи, поскольку во втором случае перед нами результат калькирования). Такие сведения подчас оказываются значимыми для выводов об ареале и происхождении той или иной номинативной модели. Семантические варианты встречаются достаточно редко (например, ПРОХОДНУЕ □ ПРОЕЗДНУЕ, в основу номинации положены сходные семантические признаки, а сами тополексемы принадлежат к одному языку);

4) параллельные названия. Во-первых, параллельные названия объекта, восходящие к данным других языков: заимствованные (для территории Белозерья в первую очередь вепские) и субстратные названия (например, ДОЛГУЗЕРО †† П□ТЪКОЗЕРО). Во-вторых, параллельные названия, восходящие к данным одного языка, но отражающие разные номинативные модели (например, отопеллятивное название, отражающее качественные характеристики объекта, и оттопонимическое, ср. БЙЛОЕ †† ПАНКРАТОВО у д. Панкратово);

5) «партнеры» в рамках семантических микросистем. Во-первых, топонимы, содержащие «ориентационные» определения и связанные структурно-семантическими отношениями: †† ВЙРХНЕЕ †ЙНОЗЕРО, Н□ЖНЕЕ †ЙНОЗЕРО; †† ПЙРВОЕ БНОМОЗЕРО, ВТОРУЕ БНОМОЗЕРО и т. п. Во-вторых, названия, связанные с главным топонимом семантическими отношениями «синонимии», «гипонимии» (†† КСЖОЗЕРО, ХББОЗЕРО¹) или «антонимии» (†† БЙЛОЕ, ГР^{ТМ}ЗНОЕ; †† СВЙТЛОЕ, Ч□РНОЕ);

6) географическая привязка к ближайшему населенному пункту и (в некоторых случаях) к бассейну определенной реки. Привязка дается для топонимов с раритетными основами (от одного до пяти топонимов, образованных от данной основы). Для основ, частотность которых выше пяти, приводится общая ареальная характеристика с указанием района; в тех случаях, где это необходимо (например, для субстратных основ), даются более подробные сведения об узких ареалах (в дальнейшем это можно будет отразить на карте). В зоне «локализации» нередко содержатся сведения о физико-географических характеристиках объекта, метонимических связях с другими названиями (например, указание на объект, название которого перенесено на озеро), а также названия ближайших озер;

7) иллюстративные контексты. Большинство контекстов являются мотивировочными (т.е. способствуют прояснению смысла названия и причин номинации), остальные – дают определенные сведения об употреблении лимнонима, физико-географических особенностях объекта и пр., а также содержат топонимические легенды и предания, раскрывающие особенности представлений об озере в традиционной картине мира русских и финно-угров;

8) этимологическая и мотивационная интерпретация названия. Даются существующие в литературе этимологии (с семантическим, типологическим или лингвогеографическим комментарием), а в ряде случаев предлагаются новые; приводятся параллели из диалектной

¹ Ср. вепс. *кци* 'ель' [СВЯ: 249], вепс. *нав* 'осина' [СВЯ: 100].

лексики, антропонимии и топонимии Белозерья и сопредельных территорий (последнее позволяет делать более обоснованные выводы о раритетности / частотности топонимических основ), а также данные других языков (главным образом, вепские).

Далее представлены пробные словарные статьи предлагаемого словаря озерной гидронимии Белозерья.

БХНОЗЕРО (3)

БГВЕНОЗЕРО. Влг: Выг. ☞ Оз. находится в 6 км Ю д. Сяргозеро.

БГНОЗЕРО. Влг: Выг. ☞ АГНУЗЕРО. ☞ Оз. находится в 12 км Ю д. Климшина.

БХНОЗЕРО. Влг: Баб. ☞ БХНО. ☞ Оз. находится в 8 км ЮЗ д. Никонова Гора.

~ Фин., ижор., карел., люд. *ahven*, вепс. *ahvæn*, *ahc*, эст. *ahven* ‘окунь’ [SSA: 56]. Топоним вепского происхождения [Матвеев 2004: 33]. Основа достаточно широко распространена: в бассейне Свири – и на русской территории, и в русском употреблении в вепском и карельском ареале известны десятки гидронимов *Агвозеро*, *Агнозеро*, руч. *Агвое* и т. д. При усвоении вепских и карельских гидронимов основа *ahven-* (*ahv-*, *ahn-*) ‘окунь’, как правило, не переводится [Муллонен 2002: 143].

БЙЛОЕ (17). Влг: Баб (9), Ваш, Выг (7). ☞ БЕЛБЗЕРО (Ваш), БЙЛОЗЕРКО, БЙЛООЗЁРКО (Выг). ⚡ БОЛЬШУЕ БЙЛОЕ, МБЛЕНЬКОЕ БЙЛОЕ, МБЛОЕ БЙЛОЕ (Выг); Ч□РНОЕ (Баб); ГР™ЗНОЕ (Баб). † БОЛЬШУЕ (Баб), ПАНКРЪТОВСКОЕ (Баб).

☞ **Баб:** 7 км В д. Афонасово; 8 км ЮЗ д. Великово; 3 км ЮЗ д. Папино; 5 км С д. Межерье; у д. Панкратово; 12 км С д. Панкратово; 8 км ЮВ д. Остров; 10 км С д. Заречье; 15 км С д. Пустошка. **Ваш:** 3 км Ю д. Поздино. **Выг:** 5 км СВ д. Старцево; 5 км ЮЗ д. Никольский Погост; 5 км ЮЗ д. Бадожский Погост; 4 км С д. Шестово; 3 км В д. Ялосарь; 9 км ЮВ д. Великий Двор; 6 км Ю д. Татариха.

☞ *В озере водится много окуней, вода чистая, прозрачная, всю рыбу видно. Берега вокруг озера из белого мха* (Баб, Горка). *Чистая вода там* (Баб, Фомино). *Окуни белые там* (Баб, Межерье). *Чистая светлая вода* (Баб, Межерье).

Среди множества Белых озер выделяется *БЕЛОЕ ОЗЕРО*, название которого стало источником наименования всего Белозерского края. Оз. принадлежит к бассейну Волги. Вепсы называют Белое озеро VOUGEDJDRVI ‘Белое озеро’ [Попов 1981: 54; Поспелов 2002: 62; Фасмер I: 148], русское название озера – точная калька с вепского языка (ср. вепс. *vauged*, *vouged*, *vāged* ‘белый’ [СВЯ: 619]).

БЙЛОЗЕРО (2). Влг: Баб, Выт. ☞ Баб: 8 км ЮЗ д. Янголохта; Выт: 5 км В д. Замошье.

ВЙРКОЗЕРО. Влг: Баб. ☞ Оз. находится в 11 км СЗ пос. Колошма.

Учитывая промысловое значение большинства озер в этом регионе, название допустимо связывать с вепс. *verk* ‘сеть (рыболовная)’ [СВЯ: 626], в плане семантической типологии ср. название оз. ПЕРЕВ□СЬЕ.

ДУЛГОЕ (9). Влг: Ваш (7), Выт (2). ☞ КР□ГЛОЕ (Ваш). ☞ Ваш: 6 км ЮЗ д. Алешково; на р. Слободская (< оз. К□НЖОЗЕРО, > оз. БЙЛОЕ с С), у д. Коровино, пятое озеро в цепи шести озер: МОХОВБТОЕ, СОРУЖЬЕ, ДУРИНСКОЕ, КР□ГЛОЕ, АГБФОНОВО; у д. Степаново, рядом оз. КР□ГЛОЕ; 4 км С д. Задняя Слободка; 6 км Ю д. Трошино; на бол. Пустыня, у д. Ваномозеро, рядом оз. ВБНОМОЗЕРО; 8 км С д. Чисти. Выт: 9 км В д. Длино; 8 км СВ д. Кузьминская, 3 км С оз. УКШТОМСКОЕ.

ДОЛГУЗЕРО. Влг: Баб. ☞ ДУЛГОЕ УЗЕРО. † П□ТЬКОЗЕРО, вепс. РІККДА. ☞ Оз. находится в 24 км С д. Красная Гора, соединяется протокой с озерами Ш□МОЗЕРО, ◎НГОЗЕРО, ТУРОЗЕРО. У озера выделяются 2 части: МБЛЕНЬКОЕ ДОЛГУЗЕРО и БОЛЬШУЕ ДОЛГУЗЕРО.

☞ *Озеро в длину – больше десяти километров, а в ширину – всего один* (Баб, Красная Гора).

Вероятнее всего, русская форма представляет собой кальку вепсского названия, ср. вепс. *rikk* ‘длинный; долгий’ [СВЯ: 421–422].

КР□ГЛАЯ ВУЛГА. Влг: Баб. ☞ Оз. находится в 2 км ЮВ д. Иевково.

Возможно, название нужно связывать с арх. *vułgas* ‘луг, тянувшийся вдоль берега узкой полосой’, ‘речной мыс, поросший травой; травянистый островок в реке или озере’, ‘сырое травянистое место’, ‘заросшее озеро’ и т. п. [СФУЗ: 92]. < Саам., ср. патс. *vu(ə)l ʔl ʔm*, аттр. *vu(ə)l ʔl ʔj ʔs*, нот. *v̄ə)l ʔl ʔei*, аттр. *v̄ə)l ʔl ʔʔ ʔs*, кильд. *v̄il ʔl ʔe(ʳ)*, аттр. *v̄il ʔl ʔe(ʳ)es*, терск. *v̄il ʔl ʔe^s*, аттр. *v̄il ʔl ʔmges*, им. *vuolli* ‘низменный, низинный, низкий’, сонг. *uallaʷ, vualgaʷ* ‘находящийся на нижней стороне’ [KKLS, 786] [СФУЗ: 93]. Некоторым препятствием является ареал бытования слова в диалектах РС – Красноборский, Верхнетоемский и Пинежский районы Архангельской области. Однако если принять во внимание тот факт, что апеллатив сопоставляется с саамскими данными, а Белозерье считается территорией, заселенной в прошлом саамами, то думается, ему можно найти объяснение. Название р. *Волга* О. А. Теуш также связывает с приведенными саамскими данными

[СФУЗ: 93]. Учитывая характер реалии, вряд ли правомерно говорить о том, что перед нами вторичное оттопонимическое образование: более вероятно, что лимноним, зафиксированный в Бабаевском районе, и гидроним Волга являются параллельными, независимыми друг от друга образованиями.

УЗЕРО (23). Влг: Баб (12), Ваш (4), Выт (7). ☐ ОЗЕРКУ (Баб, Ваш); ОЗ□РКО, ОЗЁРКУ, ОЗЕРСКБЯ, ОЗЕРСКУЕ (Баб); ОБУЗЕРЬЕ, ОБОЗЙРСКОЕ (Ваш); ПОДОЗЙРЬЕ (Баб). †† УЗЕРКО НА ДУЛГОМ БОЛУТЕ (Баб). † ОЗ□РКИ (Ваш, Выт). ☞ Баб: озера с таким названием равномерно распределены по территории всего района (по 1–2 в каждом сельском совете), обычно такое название получает небольшое озеро, расположенное недалеко от населенного пункта. Ваш: группа озер у д. Алёшино, включает оз. АЛЁШИНСКОЕ, АВЕРИНСКОЕ, МАНЬКОВСКОЕ, МИХАЙЛОВСКОЕ; группа озер на р. Криуша (> БЕЛОЕ ОЗЕРО) у д. Тимино; у д. Логиново; у пос. Новокемский. Выт: 7 озер, 4 – по берегам Вытегорского водохранилища, где множество мелких озер, здесь же д. *Озерки*.

ПЕРЕВ□СЬЕ. Влг: Баб. ☞ Оз. находится в 1,5 км ЮВ д. Занино.

Ср. север. *перевйсье, перевйсье* ‘большая сеть для ловли птиц и зверей’ [СРНГ 26: 48].

ПТМЖОЗЕРО. Влг: Баб. †† Вепс. РДѠАА; рус. БОЛЬШУЕ УЗЕРО. ☞ Самое большое из окрестных озер, соединено протоками с оз. ЛИНЖОЗЕРО и КОДОЗЕРО, является истоком нескольких речек (в том числе речки *Пяжелка*). На берегу озера расположены деревни Алексеевская и Яковлевская.

☞ *Головное озеро. Потому что в голове всех озер. Из него вытекает речка Пяжелка* (Баб, Красная Гора).

Слова со значением ‘голова’ с близкой к названию озера форме в вепском языке не найдено, однако есть глагол *pdzda* ‘исходить, выходить’ [СВЯ: 454], который, как нам представляется, семантически поддерживает предложенную местными жителями версию, согласно которой озеро осмысливается как источник множества речек и как верхнее в цепи нескольких озер.

ШБЙМОЗЕРО (2). Влг: Баб, Выт. ☞ Баб: в 3 км ЮЗ д. Гашково. Выт: в 4,5 км Ю д. Великий Двор.

☞ *Оно посреди болота. Водится одна щука только* (Баб, Аганино).

Ср. вепс. *ьait* ‘болото с мелким лесом’ [СВЯ: 542], а также олон. *шбйма* ‘низкое болотистое место’ [Куликовский: 135].

Список литературы

1. *Витушкина Л. А.* Этимологический анализ некоторых субстратных топонимов северной части Белозерского края // Вопросы ономастики. Вып. 10. – Свердловск, 1975. С. 68–77.
2. *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. – Л., 1972.
3. Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета).
4. *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1898.
5. *Матвеев А. К.* Взаимодействие языков и методы топонимических исследований // Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 76–83.
6. *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. – Екатеринбург, 2004.
7. Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Вып. 1. А–И. – Екатеринбург, 2004.
8. *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. – Петрозаводск, 2002.
9. *Попов А. И.* Следы времен минувших. – М., 1981.
10. *Поспелов Е. М.* Географические названия мира: топонимический словарь. – М., 2002.
11. Словарь русских народных говоров. – М.; Л., 1965–. Вып. 1.
12. *Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. I–II. LSFU, XV. – Helsinki, 1958.
13. Suomen kielen etymologinen sanakirja. – Helsinki, 1958–1981. О. 1–7. (LSFU. XII).

**Тематическая группа «Жилищные и хозяйственные постройки» в русском и словенском языках:
экспериментальные данные**

В современной науке проводится достаточно много исследований, предполагающих сопоставительное изучение языков. Когда мы говорим о сопоставительном изучении языков, мы необходимо касаемся понятия картины мира. Современные авторы определяют понятие картины мира как «глобальный образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека, то есть выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной и познавательной деятельности» [Постовалова 1988].

Язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, формируется языковая картина мира, один из наиболее глубинных слоёв картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт.

Языковую картину мира также принято интерпретировать как отражение обиходных, обывательских представлений о мире. Идея наивной модели мира состоит в следующем: в каждом естественном языке отражается определённый способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка.

Особенности языковой картины мира мы можем обнаружить прежде всего в лексике различных языков, точнее, в понимании носителями этих языков некоторых лексических единиц. В нашей работе для такого сопоставления была выбрана одна лексико-семантическая группа, рассмотренная в русском и словенском языках.

Обоснование выбора данной тематической группы прежде всего кроется в значимости для жизни человека этой стороны действительности. Основным понятием тематической группы является ДОМ – ‘место, где человек проводит значительную часть своей жизни’.

Материалом послужили толкования слов семантической группы «Жилищные и хозяйственные постройки», полученные в ходе анкети-

* © Опутина О.В., 2009.

рования носителей русского и словенского языков: 45 русских анкет и 35 словенских анкет. В каждой анкете информанты давали определения следующим словам. Для русского языка: *кладовая, хлев, склад, павильон, гараж, дом, лачуга* – всего 7 единиц. Для словенского языка: *shramba, hlev, skladišče, paviljon, garaža, hiša, dom, kova, bajta* – всего 9 единиц.

Данные анкет проанализированы. Результаты таковы.

Кладовая – Shramba

Информанты выделили общие значения – ‘помещение для хранения еды’ и ‘помещение для хранения различных предметов’. Но процентное соотношение различное: *shramba* для словенцев прежде всего ‘помещение для хранения еды’ (77,1 %), в то время как русские информанты примерно в равном процентном соотношении выделили эти два значения. Кроме того, отметим, что для русских актуально значение ‘помещение для хранения мусора,хлама’ (16 %). Словенцы такую сему не выделяют. Как видим, для словенцев *shramba* – это ещё и синоним слов *подвал, погреб* (2,8 %). В сознании небольшого процента опрошиваемых (8,6 %) – это ‘помещение на кухне’.

Хлев – Hlev

Hlev для словенца и *хлев* для русского прежде всего ‘место, где содержится домашний скот’ (77,1 %). Малый процент обеих групп информантов мы наблюдаем в определении лексемы *хлев* как ‘помещение для хранения продуктов питания’ (*хлев* – 4,2 %, *hlev* – 3%). В русском языке актуализируется значение ‘помещение для хранения сена’ (4,2 %). Для словенцев это значение не является актуальным. Отметим также, что определённый процент русских (8,3 %) информантов воспринимают слово *хлев* как синоним слова *сарай*. Один русский информант определил слово как ‘место рождения Иисуса’, актуализируя значение в религиозном контексте.

Склад – Skladišče

Общим является то, что в обоих языках отмечаются два значения: ‘место для хранения вещей (нужных)’ и ‘место для хранения товаров’. Для словенца *skladišče* – прежде всего ‘место для хранения товара’ (40,5 %), для русского – это ‘помещения для хранения различных вещей’ (68,9 %). Небольшой процент русских (2,2 %) понимают слово *склад* как ‘помещение для хранения ненужных вещей’. 2,2 % информантов понимают *склад* как просто ‘скопление вещей’ (переносное значение). В словенском языке такого значения не отмечено.

Павильон – Paviljon

Только для носителя русского языка слово *павильон* наиболее актуально в значении ‘ларёк, маленький магазинчик’ (27,2 %). У сло-

венцев же значение единицы *павильон* – ‘открытая постройка в парках для отдыха и проведения мероприятий’ (59 %). В значении ‘торговая площадь’ *павильон* выделяют достаточный процент русских носителей (23,6 %), а в словенских анкетах значение отсутствует. Как ‘помещение для выставок’ *павильон* определяют примерно одинаковый процент опрошенных (русские – 20 %, словенцы – 23 %). Русские информанты указывают также на существование павильонов для киносъёмок (1,8 %).

Гараж – Garaža

В русских и словенских анкетах значения слов *гараж* и *garaža* – это ‘помещение для хранения автомобиля’ и ‘помещение для хранения транспортных средств’ в целом. В обеих группах больший процент опрошенных отмечает, в первую очередь, значение – ‘помещение для хранения именно автомобиля’. Однако если для словенцев определяющей является сема ‘хранение автотранспорта’ то для русских (12,8 %) – сема ‘помещение для ремонта, обслуживания транспорта’. В качестве синонима единицы *склад* небольшой процент русских (8,5 %) и словенских (12,8 %) информантов используют слово *гараж*.

Дом – Hiša, Dom

Лексеме *дом* в словенском языке соответствуют две лексемы – *hiša* и *dom*. Чуть больший процент носителей русского языка выделяют значение *дом* как ‘здание, где проживают люди’ (52 %). Это значение для словенцев в гораздо большей степени актуализировано лексической единицей *hiša* (94,1 %). Лишь малый процент (5,9 %) определил *hiša* как ‘место, где человек чувствует себя уютно’. Понятие *дома* как ‘семьи’ имеет место в обоих языках, но лишь малый процент опрошенных выделил это значение. Для единицы *dom* актуальна сема ‘постоянное место жительства’.

Лачуга – Koča, Bajta

Для русских актуально переносное значение слова (‘пренебрежительно о бедном, неудобном жилье’ – 58,7 %). Оно актуализируется у словенцев в единице *bajta* (82,8 %). Значения *лачуги* как ‘небольшого домика в горах’ и ‘небольшого деревянного домика’ не встречается в русском языке. В словенском языке нет семы ‘жилище для бедных людей’, в русском языке 34,8 % опрошенных эту сему выделили.

Данные анкет явно свидетельствуют о родственности языков, но в то же время культурные различия, разница географического положения, разница в менталитетах наций имеют влияние на представления об окружающей действительности у носителей этих двух языков. Навивные картины мира в их сознании и схожи, и имеют некоторые отличия одновременно.

Список литературы

1. *Балашова Е.А.* Фрагменты наивной картины мира русских и словенцев по данным обыденных толкований слов. Автореф. на соиск. степени канд. фил. наук. Пермь, 2005.
2. *Мальшева В.А.* Введение в лексическую семантику русского языка. Пермь, 2000.
3. *Серебрянников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. И. и др.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. - М.: Наука, 1988.

Е. Сергеева^{*2}
ПермГУ

О праиндоевропейском корне *d^heg^h- / *d^hg^h- ‘земля, почва’ и некоторых его рефлексах

1. Предметом исследования является праиндоевропейский корень *d^heg^h- / *d^hg^h- ‘земля, почва’. Цель – рассмотреть его план выражения и план содержания в некоторых индоевропейских языках.

2. Корень русского слова *земля* восстанавливается не только для праславянского (*zem-) и праиндоевропейского, но, судя по данным С.А. Старостина³, для праностратического и, предположительно, праборейского. Основное значение – ‘земля, почва’.

3. Одним из самых распространённых праиндоевропейских корней со значением ‘земля’ является изучаемый нами. К.Д. Бак отмечает, что, скорее всего, прямое, первичное значение корня – ‘поверхность земли, почва’. Праиндоевропейская реконструкция имеет варианты.

У Ю. Покорного он обозначается как *ǵhrom-, *ǵhrem- [Рокоту, 1959-1969: 414-416], М. Майрхофер восстанавливает словоформу как nom.sg. *d^hig^hōm, gen.sg. *d^hg^hmīs. У В.М. Илиича-Свитыча даётся следующий вариант: *dheǵhom / ǵhdhōm < *dhǵhōm [Илиич-Свитыч, 1965: 342].

В праиндоевропейском языке корень был *d^heg^h- (*-ōm / -m- – суффикс). Полная ступень *d^heg^h- сохранилась только в хеттском:

* © Сергеева Е., 2009.

² Автор выражает огромную благодарность Валерию Александровичу Мишланову, Михаилу Александровичу Живлову, Александру Юрьевичу Братухину и Ирине Германовне Овчинниковой за неоценимую помощь в написании работы.

³ <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=/data/ie/piet&first=481>.

nom.-acc. sg. *tēkan*, gen. sg. *taknāš*. В остальных индоевропейских следов полной ступени нет, поэтому *-ōm / -m- переосмысливалось как часть корня. Греч. *χθών*, gen. sg. *χθονός* – корневое имя с синхронным корнем *χθον-*.

Дж.П. Мэллери и Д.К. Адамс приводят следующий вариант: *dhīǵhōm. У Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова полная и нулевая ступень огласовки самого корня обозначены как *d^[h]eǵ^[h]- и *d^[h]ǵ^[h]- (тох. А *tkaṃ*, хет. лок. [*tkaṃ*]), соответственно, а основа со значением ‘земля’ – как *d^[h](e)ǵ^[h]om-, а также *d^[h]ǵ^[h]em-. В традиционной записи – *dhǵ’hem-/ *dhǵ’hom-. При нулевой ступени огласовки последовательность *d^hǵ^h представляла собой кластер, по Гамкрелидзе, Иванову – децессивный комплекс⁴. В некоторых диалектах (например, греческий, индийский) происходит метатеза. В древнеиндийском последовательность *ǵ^hd^h устранялась (как несвойственная этому диалекту), либо переходя в *ks, либо посредством выпадения дентального. Отсюда древнеиндийские формы *ksāh, gen. *ksmah*, acc. *ksām*, instr. *ksamā*, loc. *ksami* ‘земля, почва’, *ksamya-* ‘земной’ при греч. *χθών* ‘земля’, тох А *tkaṃ* и др.

4. Корни с близкими значениями.

Дж.П. Мэллери и Д.К. Адамс дают список базисных значений праиндоевропейского языка и данные по их выражению в двенадцати группах диалектов. Словоформа, выражающая смысл *земля*, реконструируется как *dhīǵhōm, её рефлексy, по сведениям авторов, наблюдаются в десяти группах (кельт., итал., балт., слав., греч., алб., анатол., инд., тох., иранск.) [Mallory and Adams, 2006: 99].

Они же приводят корни с подобными значениями. Вот некоторые из них:

- ✓ **ml̥dho/eh_a-* ‘глина’: греч. *μάλθη* ‘смесь воска со смолой’, англ. *mould* ‘взрыхлённая земля, почва’;
- ✓ **solh_x-* ‘грязь; грязный’: лат. *salebra* ‘бугорок, кочка’, англ. *sal-low* ‘становиться жёлтым, болезненным’;
- ✓ **tih_xn-* ‘быть грязным’: слав. *tina*;
- ✓ **pē(n)s-* ‘пыль’: рус. *песок*;
- ✓ **bherǵh-* ‘высокий; холм’: рус. *берег*, англ. *barrow* ‘курган, холм’;
- ✓ **g^worh_x-* ‘гора; лес’: рус. *гора*, лит. *gīgia* ‘лес’, возможно, греч. *βορέας* ‘северный ветер’;

⁴ Последовательность смычных, «построенная» по принципу «углубления» артикуляции; была допустима и наиболее частотна в праиндоевропейском.

✓ **h₂ek'mōn* ‘камень’: рус. *камень*, греч. ἄκμων ‘наковальня’, возможно, англ. *heaven* ‘небо’;

✓ **dholh₂os* ‘долина’: рус. *дол*, англ. *dale* ‘долина, дол’, греч. θόλος ‘куполообразная постройка во дворе’.

Корни, область распространения которых более ограничена: на северо-западе **mai-* ‘почва, загрязнять’ (англ. *mole* ‘дрожжи’, лит. *mi*les ‘тж.’); на западе и в центре **h₁er-* ‘земля’ (англ. *earth* ‘земля’, нем. *Erde* ‘тж.’, греч. *ἔρα ‘тж.’, ἐράζε ‘на землю’); **gloiwos* ‘глина’ (англ. *clay* ‘глина’, греч. γλοιός ‘смола, клей’); **leu-* ‘грязь’ (лат. *polluō* ‘загрязнять’, греч. λυμα ‘грязь’); **lep-* ‘камень’ (лат. *lapis* ‘камень’, греч. λέπας ‘утёс’); **kolh₁-ōn* ‘холм’ (англ. *hill* ‘холм’, лат. *collis* ‘тж.’); **samh₂dhos* ‘песок’ (англ. *sand* ‘песок’, лат. *sabulum* ‘гравий’, греч. ἄμαθος) [Mallory and Adams, 2006: 121-122].

В «Словаре избранных синонимов индоевропейских языков» К.Д. Бак пишет, что следует различать следующие значения: 1) земля как планета, мир; 2) поверхность земли, почва, 3) поверхность земли в противоположность водной поверхности (суша), 4) материал, глина, 5) территориальная единица, страна. Между ними существуют тесные связи, один корень может выражать несколько понятий.

Лат. *terra* (из **tersā*), прилаг. *terrestris* ‘земной’ восходят к **thers-* ‘сушить’: оск. *teerum* ‘земля’, др.-ирл. *tír* ‘область’, валл. *tír* ‘земля’; этимологически ‘суша’, ср. греч. τέρσω ‘сушу’, англ. *thirst* ‘жажда’. Развитие для этого слова значения ‘земля’ из родственной общеиндоевропейской основы характерно только для итало-кельтских языков [Гамкрелидзе, Иванов, 1984: т. 1, 419].

Корень готского слова *land* обозначал ‘кусоч, часть земли’ (скорее, германская инновация); англ. *earth*, греч. ἐράζε⁵ могли использоваться во всех значениях. Также К.Д. Бак приводит некоторые другие корни (со значениями ‘пыль’, ‘песок’, ‘грязь’). Происхождение греч. γη, γαια, по сведениям автора, не ясно [Buck, 1949: 14-17].

5. Некоторые рефлексы в древнегреческом языке.

Корень **d^heg^h- / *d^hg^h-* в греч. дает: χθών ‘земля’ (из *χθώμ; gen. χθονός), χαμαί ‘на земле’, χαμηλός ‘низкий’. Отнесем к его рефлексам и заимствованное из фригийского Σεμέλη. В греч. χθών ‘земля’ произошла метатеза, а также оглушение комплекса **d^hg^h-*. В парадигме *χθώμ, gen. sg. *χθομός после перехода конечного -μ в -ν получившееся чередование *χθών, gen. sg. *χθομός было устранено путем обобщения -ν во всех формах. Реликт прежнего -μ- остался в некоторых словах (χαμαί).

⁵ Дж.П. Мэллери и Д.К. Адамс возводят эти формы к **h₁er-*.

Существует версия, что в части Δη- греческого имени богини Деметры Δημήτηρ сохранился рефлекс изучаемого корня (букв. ‘Земля-Мать’) ⁶. Вероятно, δη- было заимствовано из иллирийского в составе теонима вместе с культом богини.

У Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванова есть интересное предположение, что этому же корню принадлежит греч. ιχθυς ‘рыба’ (*dhǵhū-, букв. ‘подземная’) [Гамкрелидзе, Иванов, 1984: т. 2, 536]. Авторы относят праиндоевропейских животных к трём классам – верхнего, среднего и нижнего мира (рыба, а также выдра, змея принадлежали к последнему). Гипотеза имеет недостаток – труднообъясним принцип номинации, ведь рыба – скорее подводное, чем подземное существо ⁷.

6. Некоторые рефлексy в латинском языке.

По существующим представлениям, из и.-е. корня *d^heg^h- / *d^hg^h- развиваются лат. humus ‘почва, земля’, homō ‘человек’, humilis ‘низкий’. Рефлекс humus (выпал начальный смычный корня, палатализованный гуттуральный перешёл в h, и др.) имел основное значение ‘почва’, далее – ‘земля’. Homō является производным: человек как ‘земной’, т.е. смертный (в противоположность богам), или ‘созданный из земли’. Кроме формальных соответствий и соответствий в нескольких индоевропейских диалектах, существуют и интересные семантические параллели. Ср. *Адам* – библейское имя первого человека, из др.-евр. adam ‘человек’ букв. ‘созданный из почвы, глины’ (др.-евр. adamah ‘почва, краснозём’) ⁸.

Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов пишут, что «ряд мифологических мотивов, и в частности мотив первоначального единства ‘человека’ и ‘земли’, является общим для семитской и индоевропейской традиций. В этом отношении характерно этимологическое тождество обозначения ‘человека’ и ‘земли’ в индоевропейском: и.-е. *d^[h](e)ǵ^[h]om- ‘земля’, ‘человек’ (этимологически: ‘земной’)» [Гамкрелидзе, Иванов, т. 2: 821]:

⁶ Пизани и Георгиев считают элемент Δη- заимствованным из иллирийского и сравнивают с алб. dhe ‘земля’, которое восходит к *dhg^hhem-.

⁷ Ср. у А.Б. Долгопольского другая этимология: греч. ιχθυς восходит к праиндоевропейскому *dhǵhū-, что является рефлексом праностратического *diTg[u]. [Долгопольский, 1969: 303].

⁸ Впрочем, является ли эта связь действительной (как лат. homo ‘человек’ связано с humus ‘земля’ и т. п.) или же народно-этимологической, не установлено.

Таблица 1.

Слова со значением ‘земля’ и ‘человек’

Язык	Значение ‘земля’	Значение ‘человек’
лат.	humus	homō
тох. А	tkam	ньом
гот.		guma
др.-исл.		gumi
др.-ирл.	du ‘место, земля’	duine
лит.	hēmė	hmuх (ст.-лит.)
прус.	same	smou

Дж.П. Мэллери и Д.К. Адамс [Mallory and Adams, 2006: 120-121] также отмечают данный факт. Они указывают, что рефлексы основы *dhǵh-yn- используются в качестве основного обозначения человека в четырёх группах диалектов (кельт., итал., герм., балт.)⁹. Следы этого сохранились в англ. bridegroom ‘жених’ (вторая часть слова из *guma; bridegroom появилось из *brǣd-guma в результате народно-этимологического сближения с groom ‘конюх’, ср. гот. guma ‘муж’) и в нем. Vrdutigam ‘жених’. Ср. также фриг. zemelo ‘человек’.

Часто в антропологических мифах (не только индоевропейских) люди создаются из почвы, глины или выходят из земли. В ирокезском мифе божество Иоскеха, а в аккадском Мар-дук лепят первых людей из глины. Сотворение людей из земли известно и в египетской (Хнум лепит людей на гончарном круге), греческой мифологии (Прометей делает их из глины; после потопа Девкалион и Пирра возрождают род человеческий, бросая «кости праматери, земли», то есть камни); согласно Библии, Бог творит первого человека из праха земного и дыхания жизни. В мифах племени акома первые две женщины вырыли яму в земле и вывели людей. В одном из шумерских мифов рассказывается, что люди раньше росли под землёй; бог Энки продельывает мотыгой дыру в земле, и они выходят [Иванов, 1980: т.1, 87-89].

7. Некоторые рефлексy в русском языке. Как уже было сказано, в нескольких диалектах праиндоевропейского кластер *d^hg^h изменил

⁹ Но они приводят и другое обозначение человека, мужчины – от корня *h₁nǵh- (в восьми группах диалектов) [Mallory and Adams, 2006: 97].

свою природу. В частности, в протославянском дентальный смычный элемент отпал. Далее на славянской почве смягчённый g перешёл во фрикативный z. Эль-эпентетикум в рус. *земля* появился из-за взаимодействия m с j (*земля* в праславянском – женского рода¹⁰, изменялось по склонению на *-jā); ср. *земной, поземка, чернозем*. Название растения – *земляника* – имеет изучаемый древний корень. Интересно также, что рус. *змея* принадлежит этому гнезду (принцип номинации – ‘земная, ползающая по земле’). Это имя было эвфемизмом и вытеснило старое праиндоевропейское наименование, которое в русском в частности стало обозначением одного из видов змеи – *уж*¹¹.

Во многих традициях хтоническая природа змея отражается в его названии, образованном от названия земли (эфиоп. *agwe medr* ‘зверь земли’, егип. *Сата* ‘сын земли’ или ‘жизнь земли’ как описательные обозначения). В Египте бог земли Геб иногда изображался с головой змеи. С этим связано и представление о сокровищах, которые он оберегает в земле и может принести в дом (в Африке, Индии, у славян и др.). В то же время змей связывается с подземным жилищем мёртвых (змеиная богиня Меритсегер в фиванском некрополе в Египте)¹². Герой русских сказок Змей Горыныч вылетал из-под земли (из норы или пещеры).

Существует гипотеза [Орел, 1984: 301-307], [Павлова, 1992: 120-125], что рус. *могила* содержит корень *d^heg^h- / *d^hg^h- (из **гомьла*, с метатезой и неизменённым гуттуральным). ‘Могила’ как ‘нечто, засыпанное землёй, насыпь, холм’ (такие значения имеют слова *гомьла, могила* в ряде славянских языков и диалектов). За пределами славянских **mogyla* имеет соответствия в балканских формах – алб. *m’agul(l)ë* ‘холм, бугор’, рум. *tag’uga* ‘гж.’. В.Э. Орел подчёркивает, что одновременно существует метатетический вариант **gomyla* (с разными огласовками - **gomula*, **gomola* и др.). То же соотношение имеет и в албанском (*gam’ulë* и *m’agul(l)ë*). Возможны соответствия в литовском и романских. В.Э. Орел возводит славянские формы к **dhghom*-(e)l-, **ghdhom*-(e)l-/□l- и считает их заимствованными из иллирийского (**go/am(u)l*-), который удовлетворяет следующим требованиям: и.-е. *o отразилось как o или a, звонкие аспирированные потеряли придыхательность, палатальные гуттуральные развились по кен-

¹⁰ Согласно «Тематической классификации и распределению фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» Ю.Е. Березкина, представление о земле как существе женского пола встречается у множества народов мира, в том числе у индоевропейцев – русские, литовцы, исландцы и другие.

¹¹ Ср.: польск. *włóczy* ‘змея’; *imiija* - ‘гадюка’, ‘нехороший человек’.

¹² <http://www.mifinarodov.com/zmey.html>.

тумной норме, язык находится в балканском ареале. Метатезу автор объясняет табуированием. «Этимологический словарь славянских языков» считает данную гипотезу не вполне обоснованной, хотя не отрицает близости *могила* и *гомыла*, а также схождения с албанским и румынским¹³.

Следует отметить и то, что некоторые слова современных европейских языков имеют данный корень в результате заимствований из латыни и древнегреческого (иногда – через другие языки): рус. *хамелеон* (греч., букв. ‘земляной лев’), англ. *chthonic* ‘подземный’, *camomile* ‘ромашка’ (греч. букв. ‘земляное яблоко’), англ. *exhume* ‘эксгумировать, выкапывать из земли’, *humid* ‘влажный, гумидный’, *human* ‘человеческий’, *homage* ‘почтение’, *homicide* ‘убийство’, *humiliate* ‘унижать’, *inhume* ‘закапывать, хоронить’, *humble* ‘скромный, смиренный’, франц. *homme* ‘человек’, исп. *hombre* ‘человек’, *bonhomie* ‘дружелюбие’ (все – из лат.) и другие¹⁴.

8. Итак, корень рус. *земля* реконструируется для праиндоевропейского как *d^heg^h- / *d^hg^h- ‘земля, почва’. Элемент *-bm- / -m- был суффиксом. Данный корень дал множество рефлексов в индоевропейских языках (рус. и др. слав., лат., лит., греч., прус., латыш., др.-исл., тох., санскр. и др.).

Поскольку ‘земля’ принадлежит к базисным смыслам, первичное значение практически не изменилось. В результате метонимии у корня развились значения ‘человек’ как ‘земной / сотворённый из земли’ (ном, guma, homō, gumī, duine, hmuх, smoy, zemelo), ‘змея’ как ‘ползающий по земле’ (рус. *змея*). Несколько менее предпочтительна версия о ‘рыбе’ как ‘животном нижнего мира’ (греч. ιχθυς). Метафорически корень дал значения ‘хамелеон’ букв. ‘земляной лев’ (греч. χαμαι λέων), ‘ромашка’ букв. ‘земляное яблоко’ (греч. χαμαί μέλον), а также некоторые другие. Не исключена и связь корня со слав. *mogyla.

Олицетворение земли как стихии плодородия (и богини-матери) возникает в основном у земледельческих народов. У охотничьих племён можно встретить представления о неприкосновенном природном существе, которое запрещается ранить мотыгой или плугом. Воспринимаемая как центр космоса, земля характеризуется священностью и чистотой. Отсюда отождествление с *Гестией* у греков, богиней священного очага в центре мира. Умерший должен быть похоронен в родной земле. Противоположным результатом таких верований было

¹³ Уязвимым звеном признаётся возведение семантики ‘куча камней, возвышение, холм’ к ‘земля’. [Этимологический словарь славянских языков, 1992: вып. 19, 117-119].

¹⁴ <http://www.etymonline.com/index.php?search=earth&searchmode=none;>
<http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/ielcx/X/P0620.html>

зороастрийское представление о том, что труп оскверняет её чистоту. Также во многих мифологиях существует связь земли с разнообразными хтоническими чудовищами [Рабинович, 1980: т.2, 681].

9. В дальнейшем интересно было бы исследовать семантические связи данного корня с синонимичными, их возможное «распределение» в праиндоевропейском, а также принципы номинации человека и змеи в разных языках (например, название человека в славянских).

Список литературы

1. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Праиндоевропейский язык и праиндоевропейцы – Тбилиси, 1984. Т. 1-2.
2. *Долгопольский А.Б.* Ностратические основы с сочетанием шумных согласных // *Этимология.* 1967 – М., 1969.
3. *Иванов Вяч .Вс.* Антропogонические мифы // *Мифы народов мира: Энциклопедия* – М., 1980. Т. 1.
4. *Илиич-Свитыч В.М.* Материалы к сравнительному словарю ностратических языков // *Этимология.* 1965 – М., 1966.
5. *Орел В.Э.* Слав. *mogyla // *Общеславянский лингвистический атлас.* 1981 – М., Наука, 1984.
6. *Павлова Е.С.* Рус. диал. гомылька // *Этимология.* 1988-1990 – М., Наука, 1992.
7. *Рабинович Е.Г.* Земля // *Мифы народов мира: Энциклопедия* – М., 1980. Т. 2.
8. *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание – М., 1980.
9. *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка* – М., Прогресс, 1986. Т. 1-4.
10. *Черных П.Я.* *Историко-этимологический словарь современного русского языка* – М., Русский язык, 1999. Т. 1-2.
11. *Этимологический словарь славянских языков* – вып. 19 – М., Наука, 1992.
12. *Buck C.D.* *A Dictionary Of Selected Synonyms In The Principal Indo-European Languages* – The University of Chicago Press – 1949.
13. *Frisk H.* *Griechisches etymologisches Wörterbuch* – Bde I-III (Lfg. 1-20) – Heidelberg, 1954-1969.
14. *Mallory J.P. and Adams D.Q.* *The Oxford Introduction To Proto-Indo-European And The Proto-Indo-European World* – Oxford University Press, 2006.
15. *Mayrhofer M.* *Indogermanische Grammatik* – Heilberg, 1986.

16. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch – Bde I-II – Bern - München, 1959-1969.
17. Вавилонская башня. Электронный ресурс:
<http://starling.rinet.ru>.
18. Indo-European Etymologic Database. Электронный ресурс:
www.ieed.nl.

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

*В.С. Абрамова**
ПермГУ

Противоречивый диалогизм как форма взаимодействия автора и героя в рассказах А.П. Чехова

Вопрос об авторской позиции и об отношении автора к герою в прозе А.П. Чехова представляется чрезвычайно важным, поскольку он напрямую соотносится с вопросом о ценностном коде чеховских произведений.

Литературоведами неоднократно отмечалось, что одна из характерных черт чеховских рассказов заключается в особой манере повествования, при которой авторская позиция не выражается прямо; для достижения этого автор прибегает к особому рода системе «точек зрения», построенной на совмещении, наложении, перетекании из одного в другое. Кроме того, поздний А.П. Чехов усложняет структуру повествования, изображая мир через конкретное воспринимающее сознание, моделируя абстрактную точку зрения автора-творца и перенося ее в субъектную сферу персонажа. В подобных рассказах разведённость героя, носителя «чужого сознания» и творца, являющегося носителем более высокой и качественно иной точки зрения, принципиальна.

Так, в рассказах «Студент», «Скрипка Ротшильда», «Скучная история», «Архиерей», «Невеста», которые многие исследователи Чехова называют рассказами-«открытиями», голоса автора и героя нередко сливаются, при этом структура текста чётко выявляет сопоставление автора, повествователя и героя. Фиксируя какое-то определенное состояние сознания своего героя, Чехов никогда не ставит на этом точку. В «Студенте», «Невесте» автор радуется, что герои нашли в себе силы «перевернуть» свою жизнь, изменить взгляд на неё, но при этом допускает сомнение в том, что это действительно им по силам. Можно отметить в некоторых случаях лишь общность направленности слова автора и героя, некоторую близость оценок героя и автора, но не их тождество.

* © Абрамова В.С., 2009.

Рассмотрим рассказ «Студент» (1894), занимающий особое место в ряду чеховских произведений. Это рассказ, в котором наиболее полно, на наш взгляд, отразились особенности чеховского мироощущения. Если в первой части рассказа герою «неуютно, глухо», «пустынно», «мрачно», «самой природе жутко», то в заключительной части им овладевает «невыразимо сладкое ожидание счастья». После рассказа студента о библейских событиях через сопереживание совершается незримое единение людей – Ивана Великопольского, двух вдов, апостола Петра и всего человечества. Система ценностей приближается к абсолюту, передаёт соборные переживания людей, приобщённых к божественным тайнам бытия. Чехов пытается создать целостный образ мира, размещённого одновременно в прошлом, настоящем и будущем. «И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой» [Чехов 1983: 265].

Мироощущение автора сливается с мироощущением Ивана Великопольского и душевным состоянием других героев, но не на протяжении всего рассказа. Писатель всегда рисует дальнейшую перспективу, новый вектор движения сознания. Возникает возможность не смены различных позиций в пределах повествования, а корректировки и соединения, сближения и отталкивания. Последний абзац рассказа содержит явную иронию над героем, уверенным в твёрдости своей веры, которую выше автор готов был разделить с ним: «А когда он переправлялся на пароме через реку и потом, поднимаясь на гору, глядел на свою родную деревню и на запад, где узкою полосой светилась холодная багровая заря, то думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы, – ему было только 22 года, – и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» [там же]. «Слова-остранения» «по-видимому», «мало-помалу», «казалась» отражают неуверенность героя и автора-повествователя, по-чеховски мягко указывают на те колоссальные сложности, с которыми на жизненном пути предстоит столкнуться всякому, в том числе и обретшему веру человеку. Человек освобождается от замкнутости мира вещей, но это происходит в точке

здесь и сейчас, и перед ним всегда обозначается обширное (иногда – сильно ограниченное) поле для дальнейшей работы духа.

Может показаться, что в таком построении субъектной сферы А. Чехов близок к Ф. Достоевскому с его полифонизмом.

Известный исследователь творчества Чехова А.В. Кубасов, анализируя рассказы Чехова, отмечая неакцентированность, приглушённость голоса автора, неоднозначное отношение автора к герою приходит к выводу о «полифонической субъектной организации» чеховских произведений: «Полифонизм произведений Чехова отражает стремление автора «приподнять» героя – а вместе с ним и читателя – над бытом, открыть ему горизонты бытия, возвысить до авторского взгляда, авторского понимания мира» [Кубасов 1990: 37].

Да, сложностью и неоднозначностью, диалогическим мировидением, чеховский автор, с нашей точки зрения, сближается с автором Достоевского, и, на наш взгляд, явление авторской активности у Чехова типологически близко полифонизму. Но, как нам представляется, субъектные сферы Чехова и Достоевского – это принципиально разные явления.

У Ф. Достоевского любая точка зрения тяготеет к персонификации, к личностному, индивидуально-характерному бытию, расстояние между автором и героем максимально. Сознание автора развоплощает активность героя, провоцирует его на самораскрытие и спор с собой; оно не может сделать его своим, включить в свою позицию, рассматривая его как «чужое», сопротивляющееся завершению во внешней точке зрения. Но в границах каждой отдельной идеи присутствуют напряженные поиски завершенности этой идеи, стремление дойти до ее крайних пределов, исчерпать все логические и онтологические возможности в ее разрешении, поставить героя в такие крайние ситуации, где его идея проявилась бы до конца.

Специфична авторская «внезаходимость» («трансгредиентность») у А. Чехова. Чеховский автор противопоставляет и сопоставляет свою позицию с позицией героя, учитывает все равновеликие и дополняющие друг друга опыты героев. Автор включает точку зрения героя в свою позицию (но при этом не делает её своей), позиция героя для автора не «своё другое», но «чужое» – в этом, на наш взгляд, и сложность, неуловимость авторской позиции у Чехова.

Голос автора доминирует над героем, повествователем, рассказчиком, усиливая или ослабляя, поддерживая или дискредитируя голоса других субъектов, но не подавляя их. С нашей точки зрения, чеховский автор полностью не завершает активность сознания героя в своей оценке и позиции, ни одному из героев не отдаёт явного предпочтения

и в то же время не игнорирует ни один из опытов. Авторская позиция у Чехова является, таким образом, неким единством, включающим множество смыслов, разных направлений. Нам представляется, что применительно к «событию мира Чехова» более всего было бы точно понятие противоречивого диалогизма, а не полифонизма.

Под противоречивым диалогизмом мы понимаем дуализм разных начал, общую онтологическую и аксиологическую незавершённость и незамкнутость бытия и познания, исключаящую саму возможность существования авторитета, полного, непротиворечивого, гармонически воплотившего все стороны опыта знания, дискредитирующую принцип единой, «конечной» системы ценностей.

Список литературы

1. *Кубасов А.В.* Рассказы А. П. Чехова: поэтика жанра: Учебное пособие. – Свердловск, 1990.
2. *Чехов А.П.* Собрание сочинений: В 12 т. / Сост. и общая ред. М. Ерёмкина, М., 1983, Т. 8.

*Т.А. Арсёнова**
УрГУ

Борис Рыжий как поэт-хулиган в читательском восприятии

...Да, наверное, все это дым без огня,
да, актерство: слоняться,
дышать перегаром.

Но кого ты обманешь! А значит, недаром
в приисковом поселке любили меня.

Борис Рыжий

После смерти Б. Рыжего (1974–2001) количество воспоминаний о нем, рецензий на его творчество, различных заметок и статей появилось великое множество. Трагическая гибель поэта (Б. Рыжий повесился) привлекла всеобщее внимание, постепенно стал оформляться его образ, который можно обозначить так: «уральский Есенин». Это обозначение, по всей видимости, уже превращается в штамп и кочует в прессе из издания в издание. К примеру, мы находим его в статье «Комсомольской правды» под названием «Он говорил языком шпаны и эзков...» [Чирков 2008: 16], опубликованной в день седьмой годов-

* © Арсенова Т.А., 2009.

щины гибели Рыжего. Автор публикации пишет: «Мы попытались уйти от штампованного образа “уральского Есенина, пьяницы и хулигана”» [там же], т. е. ставит задачу пойти по пути от мифа – к реальности, сталкивая субъективные представления о Борисе Рыжем и факты его биографии, за которыми автор статьи обратился к сестре поэта Ольге Рыжей и «другу и старшему наставнику» – Алексею Кузину.

В интервью Ольга Рыжая говорит: «Ведь многие знают не его, а только образ – уральский Есенин, поэт, пьяница и хулиган. <...> Брат (Борис Рыжий. – Т.А.) такие сборища на дух не переносил. Но ведь говорят, что знали его, выпивали с ним, рассказывают, что он компанейский парень, хоть и хулиган. Пусть так, но хулиганом он не был» [там же].

Источник расхожего представления о Рыжем как о хулигане-пьянице найти, оказывается, несложно: *алкогольную» тему* сам поэт продуцирует из стихотворения в стихотворение. Вот некоторые цитаты: «Прошел запой, а мир не изменился...» [Рыжий 2006: 224], «В сырой наркологической тюрьме, / куда меня за глюки упекли...» [там же: 226], «В ларьке на любой остановке / на деньги двух честных зарплат / возьмем три заморских литровки, / окажется – злой суррогат» [Рыжий 2003: 175], «Когда я выпью и умру, / сирень качнется на ветру...» [Рыжий 2000: 46], «...живет поэт и критик Борька Рыжий. / Живет худой, обросший, одинокий, / изрядно пьющий водку...» [Рыжий 2003: 164], «Я помню все, хоть многое забыл, – / разболтанную школьную ватагу. / Мы к Первомаю замутили брагу, / я из канистры первым пригубил» [там же: 246] и др.

В. Радзишевский в рецензии на посмертный сборник стихотворений Б. Рыжего «Стихи. 1993–2001» отмечает: «Водка и вино, на худой конец, пиво поглощаются, скажем осторожно, лирическим двойником автора и его кентами жадно и повсеместно: от случая к случаю – в разлюбезном Ленинграде-Петербурге, заносчивой Москве, неприветливой Тюмени, щедром и бестолковом Пушкиногорье, смутном фестивальной Роттердаме...» [Радзишевский 2004: 214].

Воспоминания, посвященные Рыжему, также довольно часто содержат в себе сюжеты, связанные с выпивкой. Например, короткая заметка из дневника Алексея Кузина: «31 марта 2000. Встретил Ирину Князеву (жена Б. Рыжего. – Т.А.), она сказала, что Б.Р. живет у родителей, так как пил, потом неделю не пил, а сейчас снова пьет. У нас не был давно, с 4 марта» [Кузин 2004: 88].

В прозе non-fiction «Премия “Мрамор”» поэта и друга Б. Рыжего Олега Дозморова встречаем историю из их поездки в Петербург: «Через два часа звонит Кушнер и спрашивает у Миши (Михаил Окунь. –

Т.А.) официально: “Михаил Евсеевич? Добрый день, говорит Кушнер. Вы курируете Рыжего?” – “Да, вроде как я, Александр Семенович”, – отвечает слегка обалдевший Миша. “Вы не могли бы приехать, – голос стал тревожным и тонким. – Видите ли, Боря, по-видимому, где-то выпил и пришел уже, так сказать, на взводе или, что называется, под мухой. А я купил бутылку водки, не предполагая... В общем, тут нужны двое крепких мужчин, нам с Леной не справиться”...» [Дозморов 2006: 147–148].

Приведенные выше цитаты служат примером того, как мотив выпивки в творчестве и некоторые факты биографии Б. Рыжего сопрягаются и «сворачиваются» в «формулу» [см.: Загидуллина 2002] образа поэта, в некий стереотип, появляющийся по законам складывания литературных феноменов, о чем пишут исследователи в области рецептивного литературоведения, в частности М.В. Загидуллина.

Дмитрий Сухарев в рецензии на один из сборников Бориса Рыжего для сравнения приводит рядом два высказывания о поэте: «Он обладал неуловимой эзковской пластикой, приклатненной походкой и агрессивной манерой выражаться» (автор не указывается) и – «Сухощавый, элегантный, мнительно самолюбивый, как молодой Д'Артаньян, и в то же время приветливый, он был обаятелен и хорош собой» [Сухарев 2004: 173] (это слова Сергея Гандлевского). Д. Сухарев склонен согласиться со вторым описанием Рыжего, потому как «портретистом здесь выступил поэт, для кого внешнее освещено сущным – стихами».

В данном случае оказывается важна наметившаяся «точка соприкосновения» читательской аудитории с поэтом: Б. Рыжий не воспринимается как некто недостижимый, возвышенный, наоборот – для читателя он «свой парень», эдакий простецкий, приклатненный дворовый пацан, с которым всегда можно было выпить. Подобная возможность «сближения» с автором, которой подспудно жаждет адресат, априори является источником мистификаций, «правдоподобных» вымыслов, постепенно формирующих *образ поэта*, ибо «в основе каждого мифа (а феномен Б. Рыжего устремлен к мифотворению. – Т.А.) лежит искажение фактов по законам редукции и упрощения, а также их подгонка под определенные сценарии и схемы» [Загидуллина 2002: 26].

Но в первую очередь хулиганский облик Рыжего создает его *особый поэтический язык*: «Для него было органично говорить языком низов – шпаны и эзков», – рассказал в интервью А. Кузин, вслед за которым читаем реплику Ольги Рыжей: «Мой брат описывал жизнь, какая она есть. <...> Он любил, действительно любил простых людей,

которых можно встретить на улице или во дворе. Ему было интересно их отношение к миру...» [Чирков 2008: 16].

При знакомстве с лирикой Бориса Рыжего сразу же бросается в глаза то, что он «приводит» в поэзию лексику сниженную (просторечную и разговорную), часто и бранную, включает в свои стихотворения жаргонизмы и даже воровское аргю. Например: «Только справа соседа *закроют, откинется* слева...», «В том доме жили *урки*...». Поэтический дискурс Рыжего строится на различных видах контрастов (стилистическом, жанрово-стилистическом и на контрасте интертекста с собственно текстом). Но при всей столь явной и смелой языковой игре автор не теряет чувства вкуса и знания нормы: Б. Рыжему не свойственна вычурность, спорящие друг с другом форма и содержание в его лирике выливаются в гармоничное целое, чего способен достичь действительно талантливый автор. Это свойство поэзии Рыжего часто отмечается в критике: Алексей Кокотов пишет, что «...вообще очень мало кому удавалось сделать “сниженную” лексику в стихе сколько-нибудь выразительно. Примеры неудач здесь – бесчисленны, удач – единичны. <...> Добавляя к языковому снижению яркую образность и музыку, Рыжий, кажется, набрел на новую гармонию» [Кокотов 2000: 155].

Однако читательское сознание в массе своей «требует» уплощенности, однолинейности толкований и единого, непротиворечивого смысла, поэтому в выявленной оппозиции «высокого» и «низкого» оно стремится запечатлеть прежде всего сниженное. Языковые единицы со сниженной окраской выступают маркерами социальной принадлежности. Общность языка поэта и толпы в данном случае создает иллюзию того, что Б. Рыжий – «один из». Такое стремление читательской массы к стиранию дистанции, как указывала М.В. Загидуллина, объясняется «скрытой или явной потребностью масс “обладать”» объектом мифологизации, потребностью «всермерного “приближения” его к себе» [Загидуллина 2002: 30].

Но сближение поэта с толпой оказывается мерцающей иллюзией: Рыжий со всеми – и ни с кем. Как пишет критик Л.П. Быков, Борис Рыжий бравитурит знанием дворовой лексики, «тут опять-таки не модное ныне стремление к эпатажу – просто дворовый сленг связует того, кто *в натуре поэт* (курсив автора. – Т.А.), с теми, кто иных слов, кроме “чмо”, “шобла”, “мочи его”, не знает, не понимает. Это общий язык автора с теми, с кем его уже ничего не роднит – кроме памяти и языка» [Быков 2007: 211]. Поэт как бы одновременно находится по обе стороны оппозиции.

Итак, «формулы» образа поэта Бориса Рыжего таковы: это – дворовый пацан-хулиган, но в то же время говорящий на языках различных культур (на языке улицы, подворотни – и на языке культуры, культурной памяти). Было бы вполне правомерно сказать, что здесь мы выходим к вопросу о формировании в поэзии Рыжего «авторской маски»¹⁵, послужившей основой для складывания мифа о поэте в массовом сознании.

Автор большого эссе «Поэт Борис Рыжий. Постигание ужаса красоты» Юрий Казарин пишет: «Борис как поэт, учащийся быть человеком, мучительно выбирал и строил свой тип творческого поведения: поэт-аристократ ... трансформировался в поэта-скандалиста (многие оценивали бытовое поведение Бориса как есенинское), оставаясь, несмотря ни на что, поэтом-отшельником» [Казарин 2004: 527]. Бытовое и «окололитературное» поведение Рыжего, как видим, сыграло немаловажную роль в рецепции образа поэта. В своем Интернет-дневнике драматург Николай Коляда, работавший вместе с Рыжим в журнале «Урал», вспоминает: «Если честно: он в жизни был очень злым, бессердечным человеком. Мало того: он был очень грубым, жестоким человеком в общении. Всегда» [Kolyadnik 2009].

Будучи мастером мистификаций и творческих перевоплощений, вживаний в придуманную им «шкуру» героя, Рыжий постоянно творил свой поэтический образ, в чем признавался сам неоднократно: «Мой герой ускользает во тьму. / Вслед за ним устремляются трое. / Я придумал его потому / что поэту не в кайф без героя. / Я его сочинил от уста- / лости, что ли, еще от желанья / быть услышанным, что ли, чита- / телью в кайф, грехам в оправданье. / Он бездельничал, “Русскую” пил, / он шмонался по паркам туманным. / Я за чтением зренье садил / да коверкал язык иностранным» [Рыжий 2006: 183]. Но кроме того, известны случаи «мифотворчества в жизни», когда Борис Рыжий намеренно распространял о себе выдуманную информацию, довершающую его образ дворового пацана-хулигана. Например: «Через всю левую щеку Бориса шел крупный рваный шрам. Борис Петрович (отец Б. Рыжего. – Т.А.) посетовал: пишут теперь всякие журналисты (по некоторым источникам – со слов самого Рыжего. – Т.А.), что получил он его в бандитских разборках, а на самом деле трехгодовалым малышом тащил стеклянную банку, упал, банка разбилась...» [Окунь 2007].

«Хулиганское» авто-мифотворчество Б. Рыжего в жизни и тексте не остается без внимания критиков, постоянно подвергается по-

¹⁵ Авторская маска – в постмодернизме образ автора, намеренно разыгрывающий читателя и высмеивающий условности литературы [см. подробнее: Зап. литературоведение 2004: 24].

пытке быть истолкованным, оцененным профессиональным читателем. Реальной поэт Борис Рыжий по воспоминаниям современников довольно часто не многим отличается от своего литературного героя, которого исследователь А. Машевский описывает так: «герой нашего автора – молодой житель провинциального города с его заводскими окраинами, неприкаянностью, разборками дворовой шпаны. У него и повадки такие, и чувства, и желания» [Машевский 2001: 174]. Понятие «маска» оказывается применимо не только к форме субъектной организации поэтических произведений Рыжего, но и к его поведению в жизни, к жизнетворчеству. Как отмечает Л.П. Быков, «Рыжий пишет не о себе – он себя пишет. <...> Свою миссию он видит именно в этом: личную ностальгию представить как мифологию куда более общего порядка» [Быков 2007: 211]. Рядом с этими словами становится понятно высказывание о Рыжем Русланы Ляшевой: «Антиэстетическая “маска” на самом деле оказалась лицом нашей эпохи» [Ляшева 2004].

В целом же, как известно, читательское восприятие склонно отождествлять лирического персонажа с голосом биографического автора. В применении к Рыжему сравнение с известным поэтом-хулиганом времен «Москвы кабацкой» – С. Есениным оказывается настолько подходящим и распространенным, что из формы устного слова переходит в форму слова напечатанного, публичного – и мы встречаем его уже на газетной полосе. В итоге образ поэта Бориса Рыжего получает схожие очертания с образом поэта Сергея Есенина: это скандалист и хулиган. Читатель улавливает сходство образов и спешит вписать нового поэта в заданную парадигму. В ответ на это литературоведение и критика (граница между ними часто бывает размыта) пытается развеять это стереотипное, узкое представление о Борисе Рыжем и «выписать» его из общества Есенина. Попытка «считать» «есенинский налет» была сделана, к примеру, А. Машевским: «Первое и, сразу замечу, ложное впечатление от стихов Рыжего – есенинщина...» [Машевский 2001: 174]. Но она сродни «борьбе с ветряными мельницами», ибо сложившийся феномен определенного автора бывает сильнее справедливого мнения специалиста.

Список литературы

1. *Kolyadnik. Борис Рыжий* // Живой журнал Николая Коляды [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://kolyadanik.livejournal.com/917514.html>.
2. *Быков Л.П.* «Лица не пряча, сердца не тая» // Л.П. Быков. От автора: Книга не только о стихах. Екатеринбург, 2007.

3. *Дозморов О.* Премия «Мрамор». Non-fiction // Знамя. 2006. № 2.
4. *Загидуллина М.В.* Классические литературные феномены как историко-функциональная проблема (творчество А.С. Пушкина в рецептивном аспекте): Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Екатеринбург, 2002.
5. Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М., 2004.
6. *Казарин Ю.* Поэт Борис Рыжий. Постигание ужаса красоты // Б.Б. Рыжий. Оправдание жизни. Екатеринбург, 2004.
7. *Кокотов А. А.* Sverdlovshire Lad: О книге Бориса Рыжего «И всё такое...» // Октябрь. 2000. № 11.
8. *Кузин А.* Следы Бориса Рыжего: Заметки из дневника. Екатеринбург, 2004.
9. *Ляшева Р.* Крылья с трудом волоча // Литературная Россия. 2004. № 1. 9 апреля.
10. *Машевский А.* Последний советский поэт: О стихах Бориса Рыжего // Новый мир. 2001. № 12.
11. *Окунь М.* К нам приехал Боря Рыжий: Попытка литературных воспоминаний // Проза Ру [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/texts/2007/07/06-161.html>.
12. *Радзишевский В.* «...Я в мир пришел, чтоб навсегда проститься» [рецензия на сборник «Стихи. 1993–2001»] // Дружба народов. 2004. № 11.
13. *Рыжий Б.* И все такое...: Стихотворения. СПб., 2000.
14. *Рыжий Б.* Стихи. 1993–2001. СПб., 2003.
15. *Рыжий Б.Б.* Типа песня. М., 2006.
16. *Сухарев Д.* Поэзия Бориса Рыжего [рецензия на сборник «Стихи. 1993–2001»] // Знамя. 2004. № 12.
17. *Чирков С.* Он говорил языком шпаны и зэков... // Комсомольская правда. Екатеринбург, 2008. 7 мая.

**«Воскресенье» Л.Н. Толстого и «Записки из мертвого дома»
Ф.М. Достоевского: некоторые особенности хронотопа**

В последний год работы над романом «Воскресение» Л. Толстой писал в своём дневнике: «Я для «Воскресения» прочёл недавно «Записки из Мёртвого дома». Какая это удивительная вещь!» [цит.по: Ломунов 1979: 118]. Факт упоминания Л. Толстым «Записок из Мёртвого дома» как одного из источников своего замысла заслуживает, конечно, отдельного внимания.

Место действия обоих романов – замкнутое пространство тюрьмы, острога, наконец, более широко, пространство Сибири, которое в русской литературе ещё до Достоевского и Толстого осмыслялось как пространство особого рода – мифологизировано-инициальное, противопоставленное всей Руси (России), как место ссылки и в то же время – «богатый, вольный край» [Гудкова]. Как нам кажется, это является достаточным основанием для того, чтобы подойти к сопоставлению «Воскресения» и «Записок из Мёртвого дома» именно с точки зрения сопоставления их хронотопов, выполняющих, среди прочих, композиционную и сюжетообразующую функции.

Ещё И.С. Тургенев провёл параллель между «Записками из Мёртвого дома» и «Божественной комедией», назвав девятую главу «Записок» дантовской [цит. по: Карлова 1975: 36]. Ср.: «Когда мы растворили дверь в самую баню, я думал, что мы вошли в самый ад... Я испугался и хотел вернуться назад, но Петров тотчас же ободрил меня» [Достоевский 1988: 317]. И далее: «Это был уж не жар; это было пекло. Всё это орало и гоготало, при звуке ста цепей, волочившихся по полу...» [там же: 318]. Арестант Петров выступает здесь в роли проводника, помогающего герою и оберегающего его; как своеобразный Вергилий, впрочем, он весьма комичен, ср.: «... Петров не отставал от меня; он сам без моего приглашения подскочил помогать мне и даже предложил меня вымыть»; «Петров объявил мне, что надо купить место, и тотчас же вступил в торг...» (ср. сцену с Хароном в «Божественной комедии») [там же: 316-317]. По контрасту с подобным сниженным вариантом образа проводника в загробный мир совершенно по-особому воспринимается сцена омовения ног герою, позволяющая увидеть в ней уже не литературно-мистическую, но евангельскую сим-

* © Булатова О.А., 2009.

волику: «Петров вытер меня всего мылом. «А теперь я вам ножки вымою», - прибавил он в заключение» [там же: 319]. Любопытна и сцена вознаграждения проводника косушкой вина, в которой, несмотря на всю её комичность, содержится намёк на идею воскрешения: «Петров был отменно доволен, выпил, крикнул и, заметив мне, что я совершенно оживил его, поспешно отправился в кухню...» [там же].

Однако не только отдельная глава позволяет сравнить мир «Записок» с миром Данте. По мысли Т.С. Карловой, «пространственное... движение в «Мёртвом доме» совершается в виде перехода из одного замкнутого круга в другой» [Карлова 1975: 42]. При этом круги образуются не только материально выраженными ограничителями пространства, но и своеобразным сюжетным нагнетением («начиная с сравнительно лёгкого круга первых знакомств до страшного госпитального круга с его истерзанными спицирутенами спинами» [там же: 44]).

Вертикальный хронотоп «Божественной комедии» определяется не только собственно вертикальностью пространства (см., напр., [Флоренский 1991: 46]), но и особым типом времени – одновременным, или вневременным, внеисторическим ([Бахтин 2000: 86], [Назирова 1982: 24]).

Литературоведами отмечалась «одновременность разновременного» времени [Карлова 1975: 42] в «Записках». Действительно, настоящее и будущее (уже ставшее прошедшим и для героя, Горянчикова, и для повествователя) смешиваются. Герой постоянно совершает оговорки типа «об этом после», «об этом я уже говорил»; характеристики персонажей и истории их жизни даются фрагментарно; описание одного события может быть прервано на десяток страниц, несмотря на фразу «через несколько минут сбылись и слова его» на месте разрыва повествования [Достоевский 1988: 268]; причём встречающиеся во «вставке» замечания типа «но я отклонился в сторону» возвращают нас не к исходной точке разрыва, а к месту очередного отклонения авторской мысли [там же: 243]. Интересно, что А. Галкин, к примеру, называет подобное (со «сбоями») время концентрическим [Галкин 1996: 320].

Таким образом, если принять версию Т.С. Карловой, что сама композиция в «Записках» напоминает каторжную цепь – круги, соединённые друг с другом – можно предположить, что за счёт своеобразной временной организации хронотоп вертикализуется, подобно дантовскому.

Несколько иначе дело обстоит с «Воскресением». Здесь мы не находим смешения временных пластов. Воспоминания героя, преры-

вающие повествование, воспринимаются как вполне традиционный приём ретроспективы и в целом не нарушают обычного для Толстого – биографического – течения времени. Правда, автор допускает одну хронологическую неточность в тексте. Говоря о количестве лет, через которое Нехлюдов во второй раз приезжает к своим тётушкам, Толстой называет разные цифры, ср.: «...Через два года этот самый племянник заехал по дороге на войну к тётушкам ...» [Толстой 1983: 11]; «В таком состоянии и находился он, когда после трёх лет заехал к тётушкам» [там же: 55]. Трудно сказать точно, для чего Толстому понадобился подобный приём (если, конечно, считать это приёмом, а не простой случайностью), но, возможно, он служит дополнительным указанием на размежевание миров героев, в разных пространствах которых и время течёт по-разному.

Что же касается пространственной организации, то, на наш взгляд, своеобразные круги здесь выделяются не менее чётко, чем в «Записках из Мёртвого дома». Переходы здесь ещё зримее – благодаря особенностям «естественного» течения времени в романе. Круги эти – тюрьма, суд, острог и каторга с их отдельным содержанием заключённых уголовных и политических – выступают одновременно кругами и Ада, и Чистилища. Говорить о кругах Чистилища, думается, правомернее по отношению к главным героям романа, которым автор надежду на спасение (прежде всего, в том числе и для Катюши, духовное) всё же даёт, ср.: «С Нехлюдовым не раз уже случалось в жизни то, что он называл «чисткой души» [Толстой 1983: 107]. Любопытно, как именно герои укладываются в дантовскую схему. Нехлюдов, устами которого с первых страниц романа читателю навязывается искупительное значение задуманного им предприятия, одновременно пытается примерить на себя роль мессионера, проводника и заступника грешницы Масловой. С героем «Божественной комедии» его сближает и роль своеобразного связующего звена не только внутри кругов и между ними, но и между пространством живых и пространством мёртвых, ср.: «Вы, я вижу, сделались воронкой, горлышком, через которое выливаются все жалобы острога, – улыбаясь, сказал адвокат» [Толстой 1983: 246]. Катюша, которая должна пройти свои круги во искупление грехов, предстаёт одновременно как цель пути Нехлюдова; роль её, таким образом, сближается с ролью Беатриче, выступающей в «Божественной комедии» не только целью и поводом к путешествию, но и судьёй героя, ср.: «Ты мной хочешь спастись, – продолжала она...» [там же: 172].

Круги в «Воскресении», как и в «Записках», образованы не только их материальным воплощением, но и людьми-«обитателями». При

этом движение через эти круги идёт по принципу «от частного к общему» (из камеры в Сибирь) – от глубоко переживаемой личной драмы через частные истории людей, с которыми героям пришлось столкнуться, к общезначимым проблемам. Герои словно перемещаются по концентрическим окружностям в сторону расширения (в противоположность дантовскому аду, устроенному в виде сужающейся воронки). Переходы между кругами осуществляются не по вертикали, а на плоскости, причём переходы эти играют роль не менее важную, чем сами круги. Таким образом, хронотоп «Воскресения» можно было бы уподобить, пользуясь математической терминологией, двухмерной спирали (интересно, что Я. Бернулли, подробно исследовавший один из видов двухмерной спирали, логарифмическую, завещал высечь её на своей могиле, сопроводив надписью «*Eadem mutato resurgo*» – «изменённая, я вновь воскресаю»). Нехлюдов, подобно герою «Божественной комедии» и в противоположность герою «Записок», свободен в перемещении и совершает своё путешествие по доброй воле, хотя, попадая в новый круг, он и обязан следовать его внутривещественным законам. Именно поэтому роль переходов особенно важна (пользуясь терминологией Бахтина, можно было бы выделить в «Воскресении» хронотоп дороги, связанный с ним хронотоп встречи и хронотоп порога). Так, О.В. Журина подчёркивает особую роль мотива двери в романе [Журина 2003: 15-16].

Таким образом, можно сказать, что, во-первых, и Достоевский, и Толстой могли ориентироваться на «Божественную комедию» в пространственно-временной организации своих произведений; что, во-вторых, их произведения вследствие этого соотносятся не только напрямую, на что указывает сам Л. Толстой, но и опосредованно через Данте; что, наконец, Толстой в своём романе «Воскресение» утвердил и упрочил традицию символической трактовки каторги как места духовного испытания, очищения и воскрешения, начатой Достоевским ещё в «Записках из Мёртвого дома» и впоследствии продолженной в «Преступлении и наказании» и «Братьях Карамазовых».

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Эпос и роман. – СПб., 2000.
2. *Галкин А.* Пространство и время в произведениях Ф.М. Достоевского // Вопросы литературы. № 1. – М., 1996.
3. *Гудкова Е.Ф.* Хронотоп Сибири в русской классической литературе XVII-XIX вв. // <http://guuu7.narod.ru/HS.htm>
4. *Достоевский Ф.М.* Записки из Мёртвого дома // Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Т. 3. – Л., 1988.

5. *Журина О.В.* Роман «Воскресение» в контексте творчества позднего Л.Н. Толстого: модель мира и её воплощение. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2003.
6. *Карлова Т.С.* Достоевский и русский суд. Изд-во Казанского университета, 1975.
7. *Ломунов К.* Над страницами «Воскресения». – М., 1979.
8. *Назиров Р.Г.* Творческие принципы Ф.М. Достоевского. Изд-во Саранского университета, 1982.
9. *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений в 22-х тт. Т.13. – М., 1983.
10. *Флоренский П.А.* Мнимости в геометрии. – М., 1991.

Н.Ф. Вахитова*
БашГУ

Притчевое начало в романе П. Коэльо «Алхимик»

Притча, короткий аллегорический рассказ с назидательной ориентацией, относится к самым древним и самым стойким литературным жанрам. Бытующие сегодня в публицистике, в ораторской речи, в художественной речи авторские и анонимные притчи имеют три легко прослеживаемых мощных корня. Один тянется на Восток, в Двуречье, в толщу тысячелетий до нашей эры – к шумерским и вавилонским глиняным табличкам с клинописью. Другой уходит в античность и зафиксирован в притчах Эзопа (VI в. до н.э.). Третий корень (кон. I-нач. II вв.) ведет к Евангелиям, которые содержат притчи Иисуса Христа, пересказанные его учениками, – притчу о блудном сыне, о добром самаритянине, о соломинке и бревне и др.

Осмысление притчи как жанра началась еще в античной риторике. У Аристотеля и Квинтилиана, притча, наряду с басней, трактуется как существенное убеждения, средство привлечь слушателей на сторону оратора.

В исследованиях, которые относятся к последним десятилетиям XX в., наблюдается еще одна тенденция: объем понятия «притча» становится как бы безразмерным, и в притчи попадают не только целые пьесы, но и романы. Сюда зачисляются «Моби Дик» Г. Мелвилла, «Жемчужина» Д. Стейнбека, «Медведь» У. Фолкнера, «Колыбель для кошки» К. Воннегута, «Старик и море» Э. Хемингуэя, «451 по Фарен-

* © Вахитова Н.Ф., 2009.

гейту» Р. Бредбери. В ряду писателей, создающих объемные притчи, фигурируют Ж.-П. Сартр, А. Камю, Р. Мерль, Ж. Ануй, Э. Ионеско, Ф. Кафка, Б. Брехт, Г. Гессе, а так же колумбийский писатель Г. Гарсия Маркес, бразильский П. Коэльо, японский Абэ Кобо. Из наших писателей в этом ряду называют Ч. Айтматова, Ф. Абрамова, В. Шукшина, В. Быкова, В. Маканина, Ф. Искандера, А. Кима.

Древний и средневековый человек стремился отвлеченную мысль облечь в образ. В явлениях жизни виделся иносказательный смысл. Практически любой рассказ осмысливался как притча, поэтому притча не имела четких жанровых границ. При определенных условиях в роли притчи могли выступать и другие жанры: сказка, пословица, легенда, афоризм.

Одна из особенностей притчи – примитивизм. Притча ориентирована на любого слушателя. Примитивизм проявляется в разных аспектах организации текста. Притча обязательно фабульна. Фабула и сюжет в притчи совпадают. Сюжет развивается однонаправленно, никакой ретроспекции и проспекции.

Одной из текстуальных характеристик притчи является ее лапидарность – весь ее текст укладывается в малый объем, от нескольких фраз до одной-двух страниц. А произведения большего объема следует, очевидно, рассматривать как притчевые тексты. Прямая речь – единственная для притчи форма передачи чужой речи. Косвенная речь появляется очень редко, и только в составе прямой. Средняя длина предложения в притчи – десять слов, считая служебные.

Тропеистика в притче предельно упрощена. Вся притча представляет собой целостную, недискретную аллегория. Из тропов встречается только прозопопея, когда в качестве действующего лица притчи выступают предметы или животные, наделенные даром речи.

Действующие лица притчи, лишённые каких-либо психологических характеристик и ярких индивидуальных черт, обозначены предельно обобщенно: человек, дровосек, монахи, мудрецы и т.д. Притча почти всегда обходится без онимов и топонимов.

К особенностям поэтики притчи относится и полное отсутствие в ней пейзажей и портретов. По выражению С.С. Аверинцева, «действие происходит как бы без декораций, «в сукнах», а действующие лица притчи, как правило, не имеют ни внешних черт, но «характера» в смысле замкнутой комбинации душевных свойств: они предстают перед нами не как объекты художественного наблюдения, но как субъекты этического выбора» [Аверинцев 1971].

Общечеловеческое гораздо важнее для притчи, чем национальное. В основе притчи лежат вечные нравственные истины, которые

представляют фундамент человеческой морали, поэтому размышления и нравственные поиски людей, принадлежащих разным культурам, часто приводят к тематическим решениям.

Итак, основные черты поэтики современной притчи. К текстуальным относятся: возвышенная философская топка, дидактичность, жизнеподобная ситуация, локально-темпоральная неопределенность, фабульность, однонаправленное движение сюжета, полная свобода в выборе персонажей и их малочисленность, отсутствие физического и психологического портрета и пейзажа, статус толкования, включенность в другой текст, интертекстуальность. К лингвостилистическим относятся: недискретная аллегоричность, лапидарность, стремление к примитивизму во всех параметрах, малый размер предложения, относительная простота синтаксической структуры, раритетность онимов, почти полное отсутствие тропов и фигур.

Рассмотрим притчевое начало в романе «Алхимик».

1. Возвышенная философская топка, дидактичность. В основе романа лежат вечные нравственные истины, тезисы, которые представляют фундамент человеческой мысли:

«Душа мира питается счастьем человеческим. Счастьем, но и горем, завистью, ревностью. У человека одна-единственная обязанность: следовать своей Судьбе до конца. В ней – все. И помни, что, когда ты чего-нибудь хочешь всем сердцем, Вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы желание твое сбылось...». [Козьлю 2001].

2. Жизнеподобная ситуация. Главный герой, пастух Сантьяго, испанский паренек из эпохи Средневековья, рано понял, что предназначение его жизни – путешествовать и выбрал беспокойную жизнь странствующего пастуха, отказавшись от карьеры священника. Не правда ли, никакой средневековый колорит не сможет затуманить актуальности проблемы выбора жизненного пути, если говорить возвышенно, или профориентации, если говорить более прозаично. Сколько мальчиков и девочек студенческого возраста поступают в ВУЗы и учатся лишь по желанию родителей, по соображениям удобств, при этом, совершенно не представляя, кем и как они будут работать. Такое небрежное отношение к своему выбору оборачивается небрежным отношением к своему времени, которое тратиться на ненужную учебу, а впоследствии и к судьбе. Примечателен и диалог Сантьяго с отцом, пытающимся отговорить сына от рискованной затеи и направить на стезю священника. Все помнят, что переубедить родителей отнюдь не так легко, в 17 лет родительский гнев может показаться страшнее загубленной судьбы. Как часто каждому из нас приходится слышать «А зачем тебе все это надо? Что тебе и так неплохо?». Какая простая жиз-

ненная ситуация, как часто и мы стоим на распутье – двинуться в неведомые дали или спокойно осесть в своей «зоне комфорта», законсервировав свои мечты на долгие годы, а часто и навсегда. Ведь рано или поздно любые консервы неизбежно портятся.

3. Локально-темпоральная неопределенность. Хотя действие разворачивается в реально существующих местах, они имеют символическое значение. Пространство и время служат для раскрытия идеи автора – следования своему пути. Например, автор неслучайно приводит героя к пирамидам, которые являются символом человеческих возможностей, символом мудрости и могущества.

4. Фабульность и однонаправленные движения сюжета. Фабула романа проста. Сюжет развивается однонаправлено. В романе использованы разные притчи как лирические отступления. Евангельские притчи о Пречистой Деве с младенцем Христом и о двух сестрах Марфе и Марии, в прологе история о Нарциссе и т.д.

5. Полная свобода в выборе персонажей и их малочисленность. В романе система образов предельно упрощена. Только у главных героев есть имена (Сантьяго, Фатима, Мельхиседек). Второстепенные же герои лишены имен (торговец хрусталем, погонщик, Англичанин). В романе представлены аллегорические образы (Солнце, Ветер, Сердце, Рука, олицетворяющая Душу мира, Бога).

6. Отсутствие физического и психологического портрета и пейзажа. Автор не описывает портрет, характер главного героя. Ему важно передать основную мысль через уста Сантьяго. Здесь Сантьяго олицетворяет каждого из нас.

7. Зависимость восприятия имплицитного смысла от обстоятельств воспроизведения текста и тезауруса реципиента. Назидательность притчи читатель воспринимает в зависимости от своего уровня развития. В романе читатель сталкивается с реалиями, свидетельствующие то о католической вере персонажей («Отче наш», изображение Сердца Христова), то о мусульманской (паломничество в Мекку), то о цыганском язычестве, алхимии, магии, то о веровании мормонов (камни Уримм и Туммим). Сам образ Мельхиседека взят то ли из Библии (где он говорит о «десятине», которую следует отдавать), то ли из «Книги Урантии». В конце концов, все эти разнородные элементы многих религий сплетаются в одну «Душу Мира».

В романе можно проследить стремление к примитивизму во всех параметрах (малый размер предложения, относительная простота синтаксической структуры, почти полное отсутствие тропов и фигур).

Итак, роману «Алхимик» присущи признаки притчи, возвышенная философская топка, дидактичность несет мудрость, жизнеподоб-

ная ситуация делает роман актуальным, легкость изложения, примитивизм во всех параметрах определяет легкость изложения.

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Притча // КЛЭ. – М., 1971. Т.6.
2. *Береговская Э.М.* Поэтика современной притчи // Филологические науки. № 1. 2007.
3. *Ковтун Е.Н.* Поэтика необычайного: художественные мифы фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (на материале европейской литературы первой половины XX в.). – М., 1999.
4. *Коэльо П.* Алхимик. – София. 2001.
5. *Стрелкова. О.* Рецензия: Пауло Коэльо, «Алхимик». <http://www.improvement.ru/review/alchemist.shtm>.

*Л.Ф. Гафарова**
БашГУ

Фольклорные традиции в поэзии Рима Идиятуллина

Татарская поэзия прошла длинный исторический путь. В ее развитие внесли весомый вклад и поэты, проживающие в республике Башкортостан, творящие на татарском языке. Среди них особое место занимает творчество Рима Идиятуллина. Хотя его творческое наследие не очень большое (его перу принадлежит всего лишь три поэтических сборника), оно вобрало в себя всю глубину национального татарского фольклора. Первый его сборник «Доброе утро» увидел свет на башкирском языке в городе Уфа в 1983 г. И сразу привлек к себе внимание литературной общественности. Глубокая философичность, творческое осмысление таких проблем, как неразрывная взаимосвязь природы и человека, размышление о смысле жизни составляет основу произведений вошедших в данный сборник. Вторая книга «Добрый день» издана в 1997 г. Нужно отметить, что талант автора, его художественное мастерство проявились в данном сборнике с особой поэтической силой. Последняя книга «Добрый вечер» увидела свет в татарском книжном издательстве в Казани. Этот сборник позволяет уже целостно и системно взглянуть на все творческое наследие поэта. Как видите, названия этих трех книг, уже являются символами. Первое из них олицетво-

* © Гафарова Л.Ф., 2009.

ряет молодость, второе – зрелость, третье – мудрость. К сожалению, творчество поэта до сих пор было лишено системного научного анализа. Лишь в статьях поэтов-современников А. Атнабаева, Н. Наджми, Р. Миннулина, Р. Гаташа, А. Халима, М. Вафина, Р. Тимершина, С. Кудашевой и других затрагивались отдельные стороны его творчества. Научная общественность начала обращать внимание на его творчество только в последние годы. Появились объемные статьи К. Давлетшина, И. Фазлутдинова, Г. Гумаровой, посвященные анализу лирического героя поэта, его индивидуального стиля, преемственности традиции, многовековой татарской литературы в его творчестве. До сегодняшнего времени отсутствуют труды, посвященные исследованию преемственности фольклорных традиций в поэзии Р. Идиятуллина.

Основная цель нашего исследования – изучение преемственности фольклорных традиций в творчестве поэта. Для достижения данной цели нами были поставлены следующие задачи:

1. Выявление и анализ общих поэтических приемов, образов, сюжетообразующих элементов, присущих перу Р. Идиятуллина и народного творчества.

2. Изучение места и художественной роли фольклорных образов в поэзии поэта, ее корней в национальной мифологии.

3. Анализ фольклорных мотивов в его творчестве.

Поэзия автора пронизана народным духом, поэтому она богата пословицами, поговорками, мифологическими и фольклорными образами.

Поэтика его отдельных стихов практически повторяет поэтику таких фольклорных жанров, как баиты и мунаджаты. И это неслучайно. У поэта очень сложная трагичная судьба. В годы войны потерял отца, а в 1997 г. в водах Агидели утонул его единственный сын Ильдар.

Как отмечает выдающийся татарский фольклорист Ф. Урманчеев, основной смысл мунаджатов заключается в олицетворении ими самых глубоких, самых тонких душевных переживаний человека, которые возникают в наиболее трагичные минуты [Урманчеев 2005: 302]. Как раз в такие мгновения, когда потеряны последние физические возможности, когда не от кого ждать помощи, человек обращается к Всевышнему. Как нам кажется, таким святым источником является поэзия, помогшая поэту не потерять свой рассудок, не сгореть в огне пламени, постигшей его трагедии.

*Төн буена төньяклардан
Бөркү жыллар исәләр;*

*Всю ночь с севера веют холодные ветра
Баскан жирдә үләр идем, –
«Ул бит исән!» дисәләр.
Я бы жизнь отдал за слова: “Твой сын жив”
(«Ни галәмәт?!»)
(«Что за чудо»)*

Дай Бог выдержать это горе – вот основной лейтмотив и народных мунаджатов, и народных баитов, посвященных смерти сына. Воды Агидели, воспетые в народных песнях и в раннем творчестве Р. Идиятуллина, превращаются в страшного дракона (Дию пари), отнимающего жизнь у человеческого рода. Как и в мунаджатах, автор обращается к единственной силе, способной помочь его горю – к Всевышнему.

*...Ак Иделгә карасам да,
Когда я смотрю на Агидель
Йөзкэйләрем карала;
Ее воды черные не дают мне дышать
Ходай, башка бәндәләрне
Бу кайгыдан арала!
О, Всевышний, избавь своих детей от такого горя
(«Күңел күнегер булса», 1998)*

Поэт в своих стихах часто обращается к народным песням.

*Китә казлар, китә казлар,
Китә казлар Донбаска;
Улетают лебеди в Донбасс
Мин дә уйлап торам әле
Я смотрю на них и мечтаю
Шул казлардан калмаска, -
Может полететь за ними*

Рим Идиятуллин в своем цикле «Улица вдов» из уст деревенской бабушки Гульямал переносит содержание данной песни в нашу современность. Она думает о том, что может лебеди уже прилетели, а ее дочь осталась в Донбассе.

Как видно, здесь приводится параллель девушки и лебедя. Татарские девушки, бросившие родную деревню в поисках счастья, сравниваются с лебедями, которые улетели в Донбасс и оттуда никогда не вернутся. Вместе с ними теряется и язык, и национальный обычай, и

народ в целом. Поэт в трех строчках смог олицетворить всю глубину трагедии глобализации современного общества.

Как мы уже отметили, поэзия Р. Идиятуллина глубоко философична, что объясняется его большим жизненным опытом, способностью пронести через свое сердце все горести и беды, постигшие татарский народ и в целом нашу общую родину – Россию. Поэтому в его поэзии часто встречаются народные пословицы, поговорки. Многие строчки звучат, как народные афоризмы. Они обладают способностью дидактического обобщения, явления действительности. Например:

а) когда вкушаешь много сладкого – язык перестает чувствовать вкус;

б) когда видишь часто золото, оно теряет свою ценность;

в) не ценивший тебя, не найдет твоей могилы, но слово правды, сказанное тобой не забудется.

В тоже время автор в стихах часто использует традиционные народные поговорки и пословицы: «запретный плод сладок», «то, что суждено, съешь поневоле», «горбатого могила исправит».

Переходя к исследованию системы образов поэзии Р. Идиятуллина нужно отметить, что многие из них своими корнями восходят к национальной мифологии и фольклору. В этой связи нужно выделить образы луны и солнца, неба и земли. К ним автор обращается почти в каждом стихотворении. Как известно, древние тюрки считали солнце и луну родными братьями, а небо и землю воспринимали как супругов. Для поэта их единство означает гармонию мира, душевного спокойствия. *«Если для человека погас свет солнца и луны / Как он может жить и не замерзнуть в этом мире?»* – спрашивает он в своем стихотворении «Если душа могла смириться», посвященном памяти сына. *«Я, хотя и существую в этом мире, для меня нет не солнца, не луны, ты отнял мое душевное тепло, способное обогреть тепло вселенной».*

Как мы видим, поэт вместе с сыном потерял и свою душевную гармонию, луну, солнце. Одной строкой Р. Идиятуллин объясняет всю глубину трагедии, постигшей его. В другом стихотворении он пишет: я всей душой ждал полнолуния. Чтоб луна, даже не услышав мою боль, поняла меня, ведь одинокого может понять лишь одинокий.

А что же такое полнолуние? В чем выражается его мифологическое выражение? Как отмечает выдающийся фольклорист Г. Гильманов: луна – является символом ночи [Гильманов 1996: 59]. А ночь – это темнота, беда, горе. Луна – единственный источник света в этой темноте. Значит, поэт ожидает полнолуние не случайно, чтобы избавиться от ночи, бездуховности, безнравственности, и вообще от одиночества. А полная луна еще больше укрепляет нас в правильности

суждения, так как полная луна по народным поверьям является самым добрым, самым сострадательным состоянием бога Луны. Поэт, рассказав ей свое горе и печаль, надеется на ее сострадание. С одной стороны в этом стихотворении рассматриваются древние мифологические воззрения татарского народа, с другой она раскрывает душевное состояние автора.

Таким образом, поэзия Р. Идиятуллина целиком восходит к многовековой поэтической сокровищнице татарского фольклора. Это отражается и в преемственности образов, мотивов, и в близости поэтики его стихов к байтам, мунаджатам, народным лирическим песням. Фольклорные образы в его стихах получают новое звучание, новое содержание. Но самое главное – весь дух, мелодика его стихов пронизана духом фольклора. И именно это качество и определяет народность его поэзии. Каждый: и животновод, и академик, и рабочий находит в его стихах что-то созвучное своему сердцу. Как нам кажется в этом и состоит основное предназначение поэта – достучаться до сердца каждого.

Список литературы

1. *Гильманов Г.* Татарские мифы. – Казань, 1996.
2. *Идиятуллин Р.З.* Добрый вечер. – Казань, 2007.
3. *Урманчеев Ф.И.* Татарское народное творчество. – Казань, 2005.
4. *Фазлетдинов И.К.* Последний певец уходящего века // Тулпар. – 2008. - №6.

*Е.П. Гурова**

Традиции и новаторство Ф.М. Достоевского в изображении образов юродивых

Многочисленные нетрадиционные и потому неоднозначные образы юродивых, наполняющие романы Ф.М. Достоевского, параллели с Евангелием, переключки с карнавальными традициями привлекали многих известных исследователей творчества Ф.М. Достоевского: М.М. Бахтина, Р.Я. Клейман, В.А. Михнюкевича и др. Однако, большинство исследователей, на наш взгляд, рассматривают исключительно воспроизведение разных граней юродства и «юродствования» в ро-

* © Гурова Е.П., 2009.

манах Достоевского, не обращаясь к целостному анализу сущности юродства в художественном мире писателя.

Мы отходим от предложенных в достоевковедении концепций юродства, в основном рассматривающих явление в рамках той или иной традиции его восприятия, и предлагаем свою концепцию юродства в романах Достоевского, в основе которой лежит прежде всего учет особенностей поэтики произведений, мировосприятия писателя. Собственно юродивых героев, соответствующих древнерусскому пониманию явления, в творчестве Ф.М. Достоевского практически нет, поэтому при выделении образов юродивых мы будем следовать по мере возможности воле автора: «называя кого-то юродивым, писатель иллюстрирует возможность такого именованя» [Мотеюнайте 2006: 18].

На наш взгляд, сама поэтика романов Достоевского, а именно, особенность слова, организации времени и пространства в произведениях, «притягивает» образы юродивых. Немаловажно при этом, что юродивый Достоевского создает особый «нулевой» мир, наделенный специфическим временем и пространством. М.М. Бахтин выделяет исключительно пространственную ситуацию «на пороге» и «на площади», однако подобное состояние пограничности характерно изначально для шутов и юродивых. Это неотъемлемая составляющая двух названных нами явлений. Можно сказать, что в данном случае эти ситуации представляют собой те точки пересечения миров сознаний, точнее, миров инобытия, о которых говорил М.М. Бахтин. Другими словами, образы юродивых в художественной системе Ф.М. Достоевского, в соответствии с нашей концепцией юродства, являются носителями «пороговости», средоточием центра действия в романах, что одновременно определяет их противоречивость, изначальную «нецельность». Таким образом, можно сказать, что своеобразие поэтики и феномен юродства у Ф.М. Достоевского – явления взаимодополняющие. Невозможно рассматривать их отдельно друг от друга. С одной стороны, специфический, неоднозначный юродский мир органично вписывается в пространство романов писателя, а, с другой стороны, именно он отчасти определяет, обуславливает отмечаемые многими исследователями, в том числе М.М. Бахтиным, особенности поэтики Достоевского.

Значимо, что как юродивые воспринимаются герои, прежде всего обладающие определенным набором черт, издавна присущих юродивым в народном понимании: особый язык, странное, непонятное для окружающих поведение, выходящее за пределы принятых в обществе норм; провидчество, предсказания; служение высокой идее (примени-

тельно к романам Достоевского – служение Христу, его заповедям, давно забытым в обществе). Таким образом, можно говорить о культурной прапамяти.

Однако, на наш взгляд, писатель создает уникальный, авторский образ юродивого, к которому неприменимы как таковые какие-либо каноны, нормы. Часто образы юродивых у писателя – это образы людей, первоначально чистых духовно, несущих в общество забытые заповеди Христовы, не проповедуя, а воплощая их в своем существе; это высокий человеческий идеал, воплощение духовного совершенства.

Немаловажна происходящая при этом трансформация сущностной идеи юродства писателем. Можно говорить о практически прямом сопоставлении-наложении образов юродивого и Христа. Проявляется почти евангельский сюжет: чужие грехи и чужое страдание юродивый, подобно Христу, призван искупить своим страданием (состраданием). Грех, совершенный героем, ложится и на плечи юродивого. В связи с этим необходимо отметить некоторое сходство романских юродивых с агиографическими образами. Юродивый Достоевского всегда рядом с великими грешниками, дабы ликом своим, своим существом отвратить их от великого греха. Другими словами, несмотря на уникальность образов юродивых у Ф.М. Достоевского, суть явления в романах писателя довольно точно и четко сохраняется. При этом значимо, что практически всех юродивых Достоевского выделяет взгляд (вполне правомерно назвать его «иконописным» в связи с восприятием лица юродивого как лика). Почти во всяком описании внимание акцентируется на специфике взгляда юродивого; он имеет большое значение для автора. Именно взгляд Марьи Тимофеевны Лебядкиной дает возможность утверждать, что ее безумие мнимое. Подобный «иконописный» взгляд, с одной стороны, воплощает отчасти церковную традицию восприятия юродивых, а, с другой, именно он позволяет показать связь юродивого с иномирным, вечным и единственно истинным.

Интересно отметить, что именно Ф.М. Достоевский показывает воплощение нескольких традиций (точнее, нескольких планов, уровней восприятия юродства как явления) в образах юродивых. Такая особенность отражает, с одной стороны, источники, использованные автором при работе над данными образами, а, с другой, в полной мере раскрывает особенности поэтики Достоевского. Юродивые изначально сочетали в своем поведении несколько традиций, различных представлений о духовном подвиге, что ранее не учитывалось или не замечалось писателями, однако, в силу специфики поэтики Достоевского, оказалось на поверхности романного пространства.

Юродивый Ф.М. Достоевского, в соответствии с нашей концепцией юродства в романах, – философский герой, с чем связана и его полифоничность в семантическом, композиционном планах, коренное несоответствие канонам, несводимость к какой-либо одной из традиций восприятия юродства. Романый юродивый – герой не абсолютно идеальный, герой ищущий. Он создает ситуацию «на пороге», но в то же время уже в себе самом несет «порог», некоторую долю надлома. Интересно в данном случае, что тот же юродивый Алеша Карамазов, соотносимый при сопоставлении с черновыми записями с образом князя Мышкина, Князя-Христа, на протяжении романа только ищет свою веру и смысл существующего устройства мира. Знаменательно при этом, что обретение веры происходит именно через призму образа-мотива земли (образ земли в исследуемых романах не является центральным, тем не менее представляется одним из важнейших для понимания юродства у Ф.М. Достоевского).

Именно с тем, что юродивый герой для Достоевского в первую очередь герой философский, связано изображение юродства как бы «изнутри», которое реализуется посредством разделения зрелищного и внутреннего планов явления, проявлением «сознания» юродивого, особой ролью интерьеря юродской сцены в художественном пространстве писателя.

Образы юродивых в романах вполне правомерно назвать полиобразами и в семантическом, и в структурном плане: они вмещают в свое сознание, как уже говорилось выше, миры сознаний других героев, кроме того, эти образы поликультурны, что зачастую, обуславливает их некоторую противоречивость. Парадоксальным моментом становится то обстоятельство, что юродивые Достоевского, будучи далеки от традиционного воплощения юродского подвига, наиболее полно, глубоко раскрывают суть его во многом благодаря особенностям художественного мышления писателя. Немаловажно при этом, что при всей полифоничности, присущей поэтике Достоевского, голос автора, рассеянный в романном пространстве, с наибольшей силой выражается именно в образах юродивых.

Список литературы

1. *Мотеюнайте И.В.* Восприятие юродства русской литературой XIX-XX веков. – Псков, 2006.

Концепт «Моң» в творчестве современных татарских поэтов республик Башкортостан и Татарстан

В каждой национальной языковой картине мира есть концепты, присущие менталитету только этого народа. Одним из важных, культурно-ценных и значимых концептов, составляющих татарскую языковую картину мира является концепт «моң», который относится к эмоциональным. Он наиболее субъективен по своему характеру, а потому сущность слов, репрезентирующих его, расплывчата. Обратимся к словарным дефинициям лексемы «моң» из толкового словаря татарского языка: 1. горе, печаль, скорбь, тревога, тоска. 2. чувство сердечное, глубокое. 3. музыка, совокупность чувств. 4. в знач. нареч. с какой-то внутренней печалью; с печальной, тоскливой медлительностью. 5. дефект, недостаток.

Как видим, на русский язык можно перевести разные значения слова по отдельности (одно из значений совпадает с русским концептом «тоска»), но слова, объединяющего все значения, в русском языке нет, т.е. слово «моң» относится к безэквивалентной лексике татарского языка. Таким образом, определение данного концепта связано со значительными трудностями при переводе на другие языки, что вызывает необходимость применения косвенных (непрямых) приёмов толкования.

На основе выявления синтагматических связей лексемы «моң», а также значений, которые дают нам фразеологизмы, можно составить следующие представления о содержании концепта «моң» в татарской языковой картине мира:

1. Психическое состояние (в душе – моңлы басты – “моң” – печаль охватило душу).
2. Чувство (йөрөк моңы – тоска сердечная).
3. Физическое ощущение (көзләрдә моң – “моң”-тоска, “моң”-печаль в глазах).
4. Мелодия, музыка (сыерчык моңы – напев скворца).
5. Активная, самостоятельно существующая сила (возможно олицетворенная: моң чайкала – “моң” плещется).

Также мы провели ассоциативный эксперимент, в ходе которого 15 студентов привели свои ассоциативные ряды. Некоторые из них

* © Зайнуллина Э.Н., 2009.

совпадали со словарными значениями, но были и специфические ассоциации: татары, окно, природа, ребенок, одиночество, любовь, смерть, дождь, мама и т.д.

Также выявлены основные типы семантического переноса концепта «мо□»: метафора биоморфная (антропо-, зооморфная, ботаническая) и реиморфная (предметная). Например, «мо□» часто сравнивают с соловьём, природой, лесом, а также с жидкостью, которая может наполнять человека изнутри, человек может выпить, проглотить её. Часто в текстах данное слово реифицируется- им наполняют пространство, в него макают, его приносит ветер и т.д.

На основе проанализированного материала мы выявили следующие компоненты концепта:

1. Мо□ –это нравственно-этическая категория, часть воспитания;

2. Призма, сквозь которую татарский народ воспринимает мир;

3. Это некая предрасположенность к грустно-сладкой тоске (это и грустно и приятно одновременно) , т.е. «мо□» характеризует противоречивость в восприятии;

4. Некая аморфная субстанция, некая высшая сила, которая может существовать сама по себе, может быть ниспослана свыше;

5. В значении первоосновы жизни и бытия.

Но кроме традиционных значений, есть и индивидуально-авторские значения того или иного слова, для выяснения которых мы обратились к татарским поэтическим текстам. С этой целью мы рассмотрели сборники стихотворений современных татарских поэтов республик Татарстан и Башкортостан М. Аглямова, М. Закирова, Л. Янсуар, М. Кабирова.

Слово «мо□» в стихотворениях М. Закирова употреблено в основном в четырёх значениях: «песня, мелодия, музыка», «стихотворение, творчество», «печаль, тоска», «потеря, утрата кого или чего-либо». Но это деление условно, есть стихотворения, в которых оно имеет не одно определенное значение, а совокупность различных смысловых оттенков.

В творчестве М. Аглямова концепт «мо□» тоже является одним из основных, который понимается как глубокое и сложное чувство, и оно в одном поэтическом тексте может толковаться по-разному. Нами были выявлены следующие значения: «народ, народность», «песня, мелодия, музыка», «утрата, потеря», «стихотворение, творчество», «тоска, печаль». Но есть стихотворения, в которых понятие «мо□» глубокое, философское, многогранное, оно не расщепляется на компоненты, понимается как первооснова мира, как мироощущение.

В стихотворениях Л. Янсуар концепт «мо□» употребляется в основном в значениях: «любовь-гомление», «тоска, горе, переживание», «песня», «стихотворение, творчество». Есть стихотворения, в которых слово «мо□» употребляется в разных значениях – и тоска, и надежда, и душа. Здесь сердце, душа являются «местом бытия» понятия «мо□», которое часто реифицируется – оно проливается, капает, наполняет и т.д. Л. Янсуар сравнивает его с загадкой, тайной.

В отличие от Л. Янсуар, в творчестве М. Кабирова слово «мо□» не занимает главного места и является более типичным, понятным. Оно употребляется следующих значениях: «песня»; «печаль, тоска»; «стихотворение».

Исследование характера и частоты использования концепта «мо□» в творчестве того или иного поэта позволяет определить некоторые их индивидуально-стилевые особенности. Так, творчеству Л. Янсуар характерна приподнятость, романтичность. Народность, философская глубина творчества М. Аглямова проявляется и в использовании концепта «мо□». Стихотворения М. Кабирова более реалистичны, использование концепта в традиционных значениях, возможно, объясняется именно этим.

Таким образом, концепт «мо□» является одним из основных концептов, он раскрывает душу и характер татарского народа, определяет его духовную культуру, характеризует его эмоциональный мир. Данный концепт вобрал в себя особенность менталитета народа, раскрывает его историю, мировоззрение и мировосприятие, объясняет сущность бытия.

Список литературы

1. *Василова А.Ш.* Лингвокультурный концепт «сагыш» (тоска) в татарской языковой картине мира. Автореферат диссертации... кандидата филологических наук. – Казань: множительный центр Института истории АН РТ, 2006.
2. *Замалетдинов Р.Р.* Язык и культура: Основы татарской лингвокультурологии / Р.Р.Замалетдинов. – Казань: Издательство «Магариф», 2006.
3. Толковый словарь татарского языка.- Казань: Татарское книжное издательство, 1979. – В 3-х т.

**Народное христианство в романе
Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»**

Во многих научных работах вера русского народа предстает как язычество, прикрытое элементами христианства. Однако это не просто механическое смешение или распределение функций язычества и христианства, а неделимое целое, где преображенное язычество стало необходимой частью мировоззренческой системы.

Примером такого нерасторжимого сплава является культ матери-сырой земли, кормилицы, хранительницы нравственного закона, которую чтит народ, поклоняется и даже кается ей. Наиболее заметно образ матери-сырой земли проявляется в романе в совете Сони Раскольникову «объявиться» на Сенной площади, т.е. повиниться перед Богом и перед землей, которую осквернил своим преступлением, что, по ее мнению, является необходимым обрядом для Раскольникова, совершившего тяжкий грех.

При попытке определить особый нравственный закон земли мы увидим, что непрощаемым грехом оказывается только преступление против духовного родства, т.е. против крестового брата или сестры. Мотив побратимства встречается в романе в эпизоде обмена крестами Сони и Раскольникова. Однако писатель не во всем соглашается с народными представлениями. Так, непрощаемый для народного православия грех у Достоевского может быть прощен, а отношения духовного родства в романе не препятствуют возможности любовных отношений между мужчиной и женщиной, что противоречит народным представлениям.

Элементы, связанные с народным христианством, также можно обнаружить в структуре многих образов романа. Невозможно сомневаться в том, что образ Мармеладова связан с народным представлением о пьянице, как о грешнике, но грешнике, являющемся скорее жертвой и заслуживающем прощения. Можно сказать, что уверенность Мармеладова в безграничном милосердии Господа созвучна народным представлениям о Христе. Однако в романе автор показывает только всемилостивого Христа, который по его мнению и воплощает этический идеал народа. При этом Достоевский игнорирует образ Христа карающего, присутствующий в народном представлении о Боге. Кроме

* © Морозова С.В., 2009.

того, в произведении не отражен культ Богородицы, который был неотъемлемой частью русского православия. В народном представлении Богородица чаще всего становилась заступницей простого человека перед Господом. Но в романе она не могла иметь того значения, которое имела для народа, потому что у Достоевского Христос не является строгим судьей, а перед Христом страдающим героям не нужны заступники.

Еще одним проявлением народного христианства, интересующим Достоевского, становится старообрядчество, откуда писатель берет важнейшую для своего творчества идею страдания. Образ Миколки в романе связан с "душеспасительной" идеей старообрядцев – пострадать безвинно. Однако он создавался не только на основе идей раскольников. Его имя наталкивает нас на мысль о его связи с культом Николы на Руси. Никола - самый чтимый русский святой, почитание которого приближается к почитанию Богородицы и даже самого Христа. Интересно и то, что Достоевский использует народную форму имени – Миколка, которую можно объяснить контаминацией с именем Михаил, что, скорее всего, отражает контаминацию образов св.Николая и архангела Михаила.

Таким образом, Достоевский обращается к народной религии, но его религиозные взгляды не полностью совпадают с воззрениями русского народа. Свообразным посредником между Достоевским и народом, общей для них религиозной темой стал Христос. Достоевский неизменно подчеркивает в русской религиозности любовную ориентацию на образ Христа, что для него является решающим аргументом в пользу народного православия. Можно сказать, что представления писателя настолько совпадали с народными религиозными представлениями, насколько народ оставался со Христом, близким писателю.

*Л.А. Назарова**
БашГУ

А. Бирс и А. Грин: проблемы традиции

1. Романтическая поэтика имеет общие принципы, которые используются в творчестве любого писателя данного направления независимо от эпохи и национальности. Поэтому неудивительно, что многие исследователи указывают на общность писателей XIX-XX вв.:

* © Назарова Л.А., 2009.

Э.По, А. Бирса и А. Грина. Ещё при жизни русского романтика критики упрекали его в подражании своим предшественникам, хотя и отмечали, что каждый из них уникален. Ю. Олеша удивлялся таким обвинениям и говорил: «Как можно подражать выдумке?.. Он не подражает им, он им равен, он так же уникален, как они» [Олеша 1956: 738.]. Сам А. Грин не любил эти сравнения, хотя и не отрицал, что у него с Э. По есть нечто общее: «Мы вытекаем из одного источника: великой любви к искусству, жизни, слову, но течём в разных направлениях» [Грин Н.Н. 2005: 557]. О своей связи с А. Бирсом русский писатель нигде не говорил и не называл его в числе любимых авторов, но исследователи часто упоминают их в одном ряду. Поэтому в своей работе мы ставим следующие цели:

1. Выяснить, существует ли влияние творчества А. Бирса на А.Грина.

2. Определить, в чем оно заключается и охарактеризовать его.

3. Понять новаторство А. Грина по отношению к своим предшественникам (немецкая романтическая школа, Э. По и А. Бирс).

Мы рассмотрели и обобщили найденную информацию о связях А.Грина с западноевропейской новеллистикой и традицией американского «короткого рассказа» на уровне сюжета, фабулы, образов и мотивов.

В центре - сравнительный анализ сюжетов, тематики, мотивов, а также творческой индивидуальности обоих писателей. Это позволяет выявить *неочевидные* связи А. Бирса и А. Грина, а те, которые еще практически не исследованы.

2. Сказать определенно, что А. Грин читал новеллы А. Бирса мы не решимся. Прямых подтверждений этого нет. Но А. Грин мог читать американского писателя. Библиографический справочник, составленный В. Либманом, указывает на то, что первые переводы рассказов А.Бирса появились в «Новом журнале иностранной литературы» ещё в 1898 г. а в 1926 г. вышел первый переведённый сборник новелл «Настоящее чудовище».

Большинство критиков однозначно говорят о влиянии Эдгара По на А. Грина (В. Ковский, Ц. Вольпе, Л. Михайлова, А. Варламов), но лишь немногие упоминают о влиянии А. Бирса (Э. Арнольди, А. Варламов).

Так или иначе, документально подтвержденных свидетельств того, был ли А. Грин знаком с творчеством А. Бирса, нет. Тем более интересно увидеть точки соприкосновения двух писателей.

3. А. Бирс писал в жанре «страшного» рассказа, популярного в Америке. Своим возникновением этот жанр обязан психологической

новелле. Произведения А. Грина, как и А. Бирса, психологичны. Но этот анализ в творчестве американского писателя приобретает иную функцию, чем у А. Грина.

У А. Бирса страх служит доминантой повествования. И тонкий психологический анализ направлен на изучение возникновения и развития этого чувства. Именно эта особенность творчества и знаменует вклад А. Бирса в развитие жанра «страшного» рассказа.

Ужас является психологической пружиной большинства наиболее характерных рассказов А. Бирса: «Человек и змея», «Случай на мосту через Совиный ручей», «Чикамога», «Проклятая тварь», «Кувшин сироба» и других.

А. Грин часто обращается к психологическому миру героя, его ментальному состоянию. Как пишет В. Ковский, в жанре «загадочных» историй у А. Грина описано много такого, что сейчас изучает парапсихология: внушение и чтение мысли на расстоянии («Преступление Отпавшего Листа, сила самовнушения («Загадка предвиденной смерти»). В новелле «Крысолов» А. Грин обращается к видению. Психологи подробно объясняют возможные причины галлюцинации у героя новеллы, находя аргументы в самом тексте. Но конечно, не это интересует А. Грина. Писатель показывает удивительную игру разума, образов и ассоциаций. Его интересуют подробности мыслительных процессов, нюансы чувств и эмоций.

У двух писателей есть новеллы, в которых они используют схожие фабульные ситуации. Например, самая известная новелла А. Бирса «Случай на мосту через Совиный ручей» перекликается с рассказом «Загадка предвиденной смерти». В них речь идёт о силе самовнушения, присущей людям. Разница в интерпретации данной темы заключается в том, что воображение в рассказе русского писателя, в отличие от новеллы американского автора, оказывается сильнее действительности, оно само прогнозирует эту действительность.

Ещё один пример использования фабульных ситуаций – новеллы «Заполненный пробел» А. Бирса и «Система мнемоники Атлея» Грина. Оба произведения ориентируются на сюжет, подсказанный произведением В. Ирвинга «Рип Ван Винкль». Речь идет о потере памяти, когда человек не может вспомнить десятки лет прожитой жизни.

У А. Бирса новелла получает социальный оттенок – он говорит о пропавших без вести на войне. Для А. Бирса важной оказывается фактическая сторона событий. А для Грина в рассказе «Система мнемоники Атлея» – психологическое состояние героя и воздействие на это состояние песни.

Особенности психологизма А. Бирса и А. Грина обусловлены, во-первых, эстетическими задачами писателей, и, во-вторых, объектом исследования. У А. Бирса – страх во всех его проявлениях. Его новеллы – исследование человеческих страхов и маний. Он тщательно разрабатывает фон и обстановку, которые влияют на формирование страха и у самого читателя.

У А. Грина нет цели напугать читателя, писатель хочет оставить его *очарованным*. Сюжет и фабула не так важны для А. Грина, потому что сюжет его подчинён идее, а идея – морали. И это, по мнению А.Варламова, одно из существеннейших отличий от А. Бирса и Э. По. Главная причина такого отличия, на наш взгляд, в том, что А. Грина подпитывало несоизмеримо большее количество источников, среди которых, помимо традиции западноевропейской новеллистики, весь опыт русской литературы с её неизменным гуманизмом.

Среди истоков творческой индивидуальности А. Грина можно выделить следующие:

1. Авантюрно-психологическая и приключенческая проза, о которой А. Грин писал в «Автобиографической повести», упоминая таких авторов, как М. Рид, Г. Эмар, Ж. Верн, Л. Жакальо.

2. А. Грин общался с А. Блоком, М. Горьким, Н. Тихоновым и другими писателями своего времени. Он, несомненно, впитал гуманизм русской литературы, что сильно повлияло на его мировоззрение и эстетические задачи.

3. На творчество А. Грина влияла тенденция в литературе начала XX в. к возрождению романтизма, то есть творчество А. Куприна и М.Горького.

4. На мировоззрение писателя воздействовали и события 20-х гг. XX в. Революция, разруха, неустроенность быта и одновременно – мечта о рукотворном рае на земле, о создании государства равенства и справедливости. А. Грин не питал иллюзий и был разочарован в политической борьбе, но мечта о высокой, достойной Человека жизни, у него была. Его герои – это стоики из народа, люди, одержимые мечтой о лучшем мире. Не прямо, но косвенно эта социальная надежда поддерживала и романтическую мечту А. Грина.

Резюмируя сказанное, сделаем выводы:

1. Связь А. Бирса и А. Грина заключается в использовании общих принципов романтической поэтики. Можно говорить о сходстве фабульных ситуаций, но осмыслены они в произведениях по-разному. А.Бирс скептически относился ко всему в жизни, и этот скепсис отражается в его произведениях. А. Бирс не любит своего героя. В предисловии к сборнику «Утехи Дьявола» он пишет: «При сочинении этой

книги мне пришлось тем или другим способом умертвить очень многих её героев, но ... среди них нет людей, достойных того, чтобы их оставить в живых» [Кашкин 1968: 124].

Грин, напротив, относится к человеку милосердно и даже трепетно. Для русского писателя полем исследования является душа. Устами своего героя в рассказе «Человек с человеком» он говорит: «Что может быть интереснее души человеческой? [Грин 1980 Т.3: 474].

2. Принципиальная разница использования А. Бирсом и А. Грином вымысла состоит в том, что у американского писателя даже сквозь невероятные сюжеты проглядывается реальность: жёсткая правда войны, социальной несправедливости.

А. Грин использует вымысел для перехода из конкретно-исторических условий в общечеловеческий ракурс. Эта особенность его творчества объяснима влиянием классики русской прозы.

3. Несмотря на то, что оба писателя не отрицали влияния на них Эдгара По, А. Грин пошёл дальше А. Бирса в переосмыслении его творчества. Вслед за своим великим предшественником Э. По А. Бирс шёл по пути ограничения литературной условности жёсткой логичностью и рациональным анализом.

Между произведениями Э. По и А. Грина существует принципиальная разница. Э. По в своём рассказе «Убийство на улице Морг» пишет о том, что есть большая разница между «необычайным» и «необъяснимым». То, с чем мы имеем дело в рассказах А. Грина – это Необычайное, это то, что выходит за рамки рационального понимания. А Необъяснимое – это то, что имеет отношение к разуму.

Э. По рационален и готов объяснить с помощью разума всё происходящее. А Грин – поэтичен. Он апеллирует к воображению читателя, оставляет загадку неразрешённой. Его тайна поэзии более привлекательна, поэтому и притягивает всё новые поколения читателей.

Список литературы

1. *Варламов В.Н.* Александр Грин. – М., 2005.
2. *Грин А.С.* Собрание сочинений в 6-ти томах. – М., 1980.
3. *Грин Н.Н.* Воспоминания об Александре Грине. – Феодосия, 2005.
4. *Кашкин И.* Для читателя-современника. – М., 1968.
5. *Ковский В.* Реалисты и романтики. – М., 1990.
6. *Либман В.А.* Американская литература в русских переводах и критике. – М., 1977.
7. *Олеша Ю.* Из литературных дневников // Литературная Москва, 1956, № 2.

**Смеховое начало в религиозно-ориентированном
романе Г. Грина «Сила и слава»**

Культурно-исторический период (30-ые гг. XX в.) породил мысли о синтезе христианского (общественного, альтруистского) и индивидуального (ранее считавшегося «дьявольской гордыней») [Толмачев 2008], а также изменение эстетического восприятия мира [переход к ироническому пониманию действительности] [Ортега-и-Гассет 2006: 174]. Эти изменения не могли не повлиять на писателей этого времени. Грэм Грин (1904-1991) – английский шпион и католический писатель-моралист, верующий и «неправильный католик». Главная тема его романов – сообразно его «двойной жизни» – раздвоенная личность, как он сам сказал в эпитафии к одной из своих книг («Апологии епископа Блума»): «...нас занимает опасный край у всех вещей...» [Shakespeare 2004: XV].

Трудно создать единую классификацию его романов, поскольку практически невозможно определить природу его произведений: массовая ли это литература, авантюрный или шпионский роман, но в каждой его работе прослеживается мотив, связанный с религией, и есть романы, где этот мотив становится структурообразующим. «Сила и слава» как раз является именно этим типом романа. Это произведение, по признанию современников и самого автора, стало одним из лучших и самых дерзких, испугавшим даже папу Пия XII. [Трауберг 1995: 120] В этом романе выводится удивительный герой – «пьющий падре», герой, являющийся не просто антиподом святого и блаженного священника, но и противопоставлением образу грешника, ибо он действительно верит.

При анализе соотношения смехового и религиозного начал в указанном романе были изучены следующие аспекты:

✓ отношение католической церкви к смеху и комическому (театр в лоне церкви, смех и его дьявольская сущность, запрет на комическое и карнавал): у католической церкви всегда были сложные отношения со смеховой культурой. С одной стороны, смех считался дьявольским и греховным, с другой стороны, разрешив использовать элементы комического в религиозных играх, церковь

* © Рейзвих Я., 2009.

признала необходимость перевода «веры на язык чувства» [Колязин, 2002: 120]. Об этом свидетельствуют мнения апологетов церкви:

Тертуллиан: «Театр комедии – школа безнравственного поведения. Здесь вместо высмеивания пороков происходит любование ими».

Аврелий Августин. «Исповедь» : «...Я хотел насладиться не тем, что стремился уворовать, а самим воровством и грехом... Мы смеялись, словно от щекотки по сердцу, потому что обманывали тех, кто и не подумал бы, что мы можем воровать...».

«Скоморох господень» *Франциск Ассизский*: «Потому что, избрав для этого столь недостойного грешника, как я, Бог наглядно доказывает безграничность Своей любви»;

✓ эстетические теории комического: феномен комического является предметом изучения многих наук, начиная с античных философов, поэтому единую классификацию теорий составить трудно, т.к. она должна освещать огромное количество аспектов. Наиболее стандартной и полной является классификация Б. Дземидока [Дземидок, 1974: 120]:

Теория отрицательного свойства объекта осмеяния (возникает при ощущении превосходства над осмеиваемым) – *Аристотель, Гоббс, Стендаль, Юберхорст*.

Теория деградации (комическое=нравственная оценка костного) – *Стерн, Бергсон*.

Теория контраста (комическое=реакция на диссонанс явлений)– *Жан Поль, Кант, Поспелов*.

Теория противоречия (комическое=соединение противоречивой сущности)– *Шопенгауэр, Гегель*.

Теория отклонений от нормы (комическое=восприятию явлений не соответствующих норме)–*Дземидок, Грос, Обуэн*.

Теория пересекающихся мотивов – *Бергсон, Фрейд*.

✓ механизмы создания комического, ирония: виды иронии, специфика распространения и использования иронии в XX в. [Рюмина 2006].

В ходе исследования нами было доказано, что ирония является структурообразующим принципом построения романа Грэма Грина. Она наблюдается на нескольких уровнях:

✓ **сюжетном** (герой, пытающийся стать священником из честолюбивых намерений, становится истинным служителем церкви; «пьющий, неправильный» падре-грешник проживает жизнь мученика);

✓ **образном** – ироническое переосмысление жизни Христа в образах Священника (Христос), Лейтенанта (Понтий Пилат) и Метиса (Иуда),

– параллель между мучеником Хуаном и главным героем;

– позиции падре и его антипода лейтенанта пересекаются во многих пунктах, при этом цитируются те же самые фразы; метафорические образы гонителей священника проецируются на образ самого священника,

– образ иуды в виде продажного метиса, история благостного мученика Хуана и настоящего мученика – падре;

✓ **образно-символическом** (противопоставление жизни-смерти: образы умирающих стариков и детей, стервятников, зубов);

✓ **стилистическом**

– резко го перехода от серьезного к комически-трагическому:

В разговоре с Кэрл священник:

- А что с вами сделают, если вы попадетесь?

- Расстреляют.

- Вам, наверно, очень страшно, - сказала она с интересом. Он ощупью пошел к двери сарая на бледный свет звезд. Он сказал:

- Да, очень страшно, - и споткнулся о гроздь бананов.

– непосредственно шутки, юмор, авторская игра словами,

каламбуры:

Тенч: «В зубоврачебном деле бог значения не имеет»

Библия спрятана под обложкой книги, называющейся «Вечная мученица»

Совокупность этих приемов иронии, в особенности повторение мотива смерти-возрождения в конечном эпизоде романа, где на смену последнему, убитому священнику, приходит новый – нести веру людям, дает возможность считать этот роман успешной попыткой отразить неразрывность связи человек – Бог.

Таким образом, несмотря на внешнее травестирирование христианских мотивов, пейорации жизни мессии, Грэм Грин не выворачивает наизнанку историю, подвергая сомнению саму сущность религии, а скорее создает диалог текстов, давая, таким образом, ключ к трагикомическому пониманию романа.

Список литературы

1. Дземидок Б. О комическом. – М., 1974.
2. Колязин В. Ф. От мистерии к карнавалу: театральность немецкой религиозной и площадной сцены, раннего и позднего Средневековья. – М., 2002.

3. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства/Запах культуры. – М., 2006.
4. *Рюмина М.Т.* Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. – М., 2006.
5. *Толмачев В.М.* Грэм Грин и его роман «Сила и слава» [электронный ресурс] // <http://www.pravoslavie.ru/sm/29417.htm>.
6. *Трауберг. Н.* Сила и слава// Новая Европа. –1995. – №7.
7. *Shakespeare N.* Introduction to the “The Honorary council”//Graham Greene. “The Honorary council”. – London: Vintage, 2004.

*Т.И. Хоруженко**
УрГУ

Образы мифологических существ в жанре фэнтези: тенденции изображения

Фэнтези - жанр фантастической литературы, появившийся в начале XX века, в котором повествование ведется в эпическо-сказочной манере, и основанный на реинтерпретации древних архетипов.

Этот жанр основывается на мифе, эпосе и сказке, и из всех из них он заимствует сюжетные основы, имена героев, да и нередко самих героев.

На персонажах, популярных в жанре фэнтези, мы и остановим свое внимание. Для проведения компаративного анализа нами использовались тексты фэнтези авторов, таких как Дж. Р. Р. Толкин «Сильмариллион», «Хоббит или туда и обратно», «Властелин колец», цикл «Драгонленс», произведения А. Сапковского, Т. Прачетта, О. Громыко, О. Панкеевой и др. Так же нами использовались «Старшая Эдда», «Младшая Эдда», легенды Британских островов и тексты народных сказок.

Как в любом фольклорном тексте, будь то сказка, эпос или даже миф, герои фэнтези довольно четко подразделяются на категории добрых (эльфы, гномы, иногда люди) и злых (тролли, гоблины, великаны и пр.).

Однако следует отметить, что представители сил зла в жанре фэнтези довольно часто оказываются амбивалентными по своей природе, что является реликтом мифологических представлений об этих

* © Хоруженко Т.И., 2009.

персонажах. Миф же в отличие от позднее развившихся жанровых форм допускал двойственность изображения героев.

Итак, эльфы – наиболее частые персонажи фэнтези произведений. Инвариантами этого образа являются скандинавские альвы и кельтские Туатхата де Данаан. От всех этих мифологических персонажей эльфы в фэнтези получают бессмертие, вечную красоту и любовь к музыке и песням. Так рождается традиция изображения «высоких» эльфов, почти полностью совпадающих со своими фольклорными инвариантами, например, для них тоже характерен мотив прибытия из-за моря, типично описание мужчин через оружие и цвет волос, женщин – через цвет платья. «Сестра их... считалась прекраснейшей из всего рода... волосы ее сияли золотом...» [Толкин 2005: 59]; «...молодая женщина ослепительной красоты с длинными светлыми волосами, в белом платье с кружевами» [Хартленд, 2007 : 123].

Но жанр фэнтези знает и второй тип эльфов – проказников. Их инвариантом являются британские Гильвит-Тег, веселые и проказливые маленькие существа. Песни, пляски и пакости в равной мере присутствуют как легендарным фейри, так и их литературным собратьям, чаще всего из юмористического фэнтези.

Следует отметить, что хотя жанр фэнтези и сохраняет черты инварианта в созданных им вариантах, однако он изменяет одну деталь в описаниях фольклорных фейри – делает их ростом с человека. В то время как в фольклоре фейри – крошечные существа, приносимые ветром.

В современности выделились несколько тенденций изображения эльфов в фэнтези произведениях.

1. Образы заимствуются уже не из первоисточника (т.е. британских и скандинавских легенд), а из литературных произведений предшественников. Исходя из этого факта, мы можем говорить о вторичной фольклоризации образов эльфов в пространстве жанра фэнтези. Прецедентным текстом в данном случае становятся произведение Дж. Р. Р. Толкина «Сильмариллион».

2. Это «опошление» образа эльфа в современной трактовке.

Сюжет взаимной/невзаимной любви юноши эльфа к другому юноше чрезвычайно популярен и часто служит для создания комического эффекта. Примером такой интерпретации образа может служить цикл романов Оксаны Панкеевой: «Люблю я его, - тоскливо вздохнул эльф и опять уставился на окна. - Не потому, что мне просто хочется мужчину, а потому, что он самый... самый-самый» [Панкеева 2005: 256].

Следующими классическими персонажами мира фэнтези являются гномы. Их инвариант – черные альвы, а также цверги. Слово «гном» впервые было употреблено Парацельсом для описания духа камней и земли. Их аналоги – карлики часто упоминаются в различных сказках и «быличках».

Традиционно, начиная еще с «Младшей Эдды», гномы считаются искусными мастерами и ювелирами. Ситуация не изменяется и в жанре фэнтези. Карликам присущи все те же функции (дарителя, помощника, кузнеца, ювелира), что и темным альвам, они сходны по манере поведения и чертам характера (бережливые, жадные до золота, нелюдимые). Жанр фэнтези отказывается от двух особенностей гномов, присущих мифу: от эротической функции и от боязни солнечного света.

Наиболее интересны интерпретации «Сил зла» в фэнтези.

Так же, как добрых героев, «силы зла» заимствуются фэнтези из фольклора. Но важно отметить, что каждый автор стремится создать собственное, уникальное существо, напоминающее фольклорный инвариант лишь очень отдаленно. Чаще всего сохраняются самые общие характеристики того или иного персонажа. Тролли всегда будут тупыми, жестокими и уродливыми. Великаны – огромными и т.д. При этом существует и ряд образов, придуманных авторами: орки Толкина, драконицы в «Драгонленс».

Рассмотрим наиболее «любимого» злого персонажа жанра фэнтези – гоблина.

Гоблины – это единственные фольклорные существа, на базе которых авторы XX века создадут своих существ: орков, раззаков и прочих. Именно эти «дериваты» от образа гоблинов и составляют основную часть армии зла в фольклоре. Материал по этим существам настолько велик, что в рамках данной работы мы проанализируем лишь те тексты, в которых встречается номинация «гоблин».

Взгляд на их природу в фольклоре кардинально отличается от фэнтезийного. «Гоблины – в фольклоре народов Западной Европы злокозненные существа крохотного роста, темнокожие, сгорбленные, с громадными ручищами. Они селятся в людских домах или в дуплах деревьев. Ходят гоблины в надвинутых на глаза колпаках» [Королев 2006: 247].

В большинстве легенд гоблины – некий собирательный образ проказливых фейри, чаще всего обитающих рядом с человеком.

«О кобольдах [нордический вариант гоблина] рассказывают, что они живут в редко посещаемых частях зданий или в лесных домах. Довольно интересен их способ общения с хозяином дома, когда ко-

больды хотят выразить желание жить вместе с его семьей и служить ей... Благодарные, скромные, хорошо накормленные кобольды приносят тому, кто дает им пищу и кров, зерно, которое крадут из амбаров соседей» [Торп 2008: 406].

Из приведенного выше отрывка видно, что гоблины по манере своего поведения совпадают с боггартами, брауни и другими фейри. Описание внешности гоблина в фольклоре, как правило, не дается.

Жанр фэнтези дает внешнее описание гоблина. Чаще всего это существа ростом с человека, обладающие отталкивающей внешностью, хитроумные и кровожадные. «Огромные клыки доходили почти до бровей. Круглый нос напоминал озерный камень-голыш, а единственный глаз взирал на невидимого врага с недобрым прищуром... Широкие и настороженные уши, казалось, до сих пор чутко ловили каждый подозрительный шорох. Да, это был настоящий гоблинский воин» [Хайнс 2006 : 79].

Как скажет об их дериватах Дж. Р. Р. Толкин: «Орки свирепы, жестоки и безжалостны. Они не умеют делать красивые вещи...». [Толкин 1991:47] Таким образом, гоблины оказываются воинственными и кровожадными, совсем не склонными к взаимодействию с людьми, что соответствует магистральной тенденции в изображении «темных» фольклорных персонажей в рамках изучаемого жанра.

В фэнтези зло гораздо более «воинственно» чем в фольклоре. Если в текстах легенд и преданий все отрицательные персонажи тяготеют к одиночеству и индивидуализму, то в жанре фэнтези они собираются в отряды, группы, армии. При этом художественная проработка образов зла значительно сокращается и «темные» превращаются в толпу, атакующую светлых героев.

Итак, на основании компаративного анализа были выявлены и исследованы как варианты, так и инварианты заявленных персонажей. Помимо этого нами также были отмечены тенденции изображения того или иного героя.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что жанр фэнтези переосмысляет тех героев, которых заимствует из фольклора, что позволяет нам говорить об «эволюции» персонажей в рамках сконструированных фэнтези миров.

Список литературы

1. *Королев К.* Энциклопедия сверхъестественных существ / К. Королев. – М., 2006.
2. *Панкеева О.* Пospорить с судьбой / О. Панкеева. - М., 2004. – 416 с.

3. *Торн Б.* Нордическая мифология / пер. с англ. Е. С. Лазарева. – М., 2008. – 560 с.
4. *Толкин Дж. Р.Р.* Сильмариллион. Статьи и письма. / пер. с англ. Н. Эстель - СПб., 2005.
5. *Толкин Дж. Р.Р.* Хоббит, или туда и обратно / пер. с англ. В. Муравьева. – М., 1991.
6. *Хайнс Д.К.* Приключения гоблина / пер. с англ. А. Кузнецова. – М., 2006.
7. *Хартленд Э.* Легенды старой Англии / пер. с англ Л. А. Игоревского. – М., 2007.

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

*Н. Андреева**

ПермГУ

Об эмоциональной функции артикля в македонском языке

Артикль – грамматический элемент, выступающий в языке в виде служебного слова или аффикса и служащий для выражения категории определенности-неопределенности, т. е. вида референции [Виноградов 1990: 45-46].

Большинство исследователей относят артикль к дейктическим средствам. Так Бюлер в своей работе «Теория языка» пишет: «Охарактеризовать артикль в языках, где есть эта категория, только как средство образования существительных значило бы сказать слишком мало. Ради этого одного в нем не нуждались бы ни греческий Гомер, ни немецкая Готская Библия. Но достаточно приписать артиклю свойство контекстного указания, как если бы он говорил: «Обращайся со словом или с отрезком текста, спутником которого я являюсь, так-то и так-то», — чтобы проявилось многое, а может быть, и все в появлении артикля в тех языках, где он выступает хозяином поля» [Бюлер 1993].

Говоря о функциях артиклей, К. Бюлер, вслед за Ваккернагелем, приходит к установлению трех случаев употребления артикля в греческом, немецком, а также в романских языках. Два первых случая носят ярко выраженный дейктический характер. Третий случай нельзя безоговорочно трактовать как дейктический. Это тип «родового» употребления артикля «при абстрактных именах».

Ю.А. Левицкий также различает две основные функции артиклей: «понятийную» (функция генерализации) и коммуникативную, с которой связаны понятия «определенность» и «неопределенность» [Левицкий 2007: 123-131].

Таким образом, можно сказать, что коммуникативная функция артикля является показателем его дейктичности. По словам С.А. Крылова и Е.В. Падучевой, без дейктического прикрепления предложения не могут функционировать в коммуникации. Артикль содержит в своем значении дейксис, т.е. зависимость значения от ситуации, в которой предмет обозначается именно как определенный,

* © Андреева Н., 2009.

известный говорящему и собеседнику, т.е. как предмет в какой-то мере единственный в своем роде [Крылов, Падучева 1992: 174].

Впервые внимание к дейксису привлек немецкий индоевропеист К. Бругманн. На его работу опирался и К. Бюлер. Исходной точкой координат, точкой отсчета, по Бюлеру, является *Origo*. В позицию *Origo* Бюлер помещает три указательных слова — а именно «здесь», «сейчас» и «я» [Бюлер 1993: 94-95]. На этом основании и выделяются пространственный, временной и персональный (предметный) дейксис.

Оппозиции, связанные с базовыми философскими категориями — человек, пространство и время — формируют своеобразное индивидуальное пространство говорящего, в котором он находится в данный момент. Это некая область, в которую не может войти посторонний. В зависимости от интенции говорящего туда могут включаться/не включаться его собеседники и предметы речи. Таким образом, в эту сферу включаются говорящий и то, что ему близко физически (в пространстве и времени), морально, духовно и эмоционально. Сфера индивидуального пространства имеет в своей основе оппозицию свой-чужой. С этой оппозицией связано и другое противопоставление — положительный — отрицательный. Как правило, то, что находится в личной сфере говорящего воспринимается как положительное, а «чужое» имеет негативную коннотацию [Бороникова 2005: 105-118].

Система указателей достаточно эгоцентрична, субъективна. Как пишут Шаховский и Жура: *ценностные ориентиры языковой личности определяются её индивидуальным дейксисом, конститuentом которого является внутренний эмоциональный космос «Я». Все ценностные ориентиры «Я» эмоционально окрашены и влияют на вербальное поведение языковой личности.* Они отмечают, что точка отсчета, относительно которой осуществляется указание, находится внутри эмоционального мира конкретного человека в системе и структуре его личностных координат, знаний, ценностей [Шаховский, Жура 2002: 38-46].

Таким образом, мы можем говорить об эмоциональной функции дейксиса, которая и проявляется в системе артиклей.

В македонском языке категория определенности/неопределенности выражается как лексически, так и грамматически. Грамматическим показателем определенности существительного является определенный артикль, его функции в македонском языке выполняет членная морфема (постпозитивный член), присоединяемая к существительному после флексии единственного или множественного числа. Неопределенность грамматически выражается отсутствием

членной морфемы. Членные морфемы македонского языка (как и указательные местоимения, от которых они образованы) подразделяются по тройному типу указания:

1. артикли *-от, -та, -то, -те* обозначают определенность предмета без указания на положение в пространстве относительно говорящего;
2. артикли *-ов, -ва, -во, -ве* указывают на близкий по отношению к говорящему предмет;
3. артикли *-он, -на, -но, -не* указывают на удаленный от говорящего предмет.

Чаще всего в речи используются детерминативы с *-т*, ориентированные на фоновые знания и речевой опыт собеседника. Нацеленностью говорящего на сферу слушающего, вероятно, объясняется нейтральность *-т* с позиции пространственно-временного дейксиса. Членная морфема *-т* употребляется в функции индивидуализации и генерализации, обозначая определенность существительного без указания на положение его референта в пространстве, может выполнять в тексте анафорическую и катафорическую функции. Отсюда, как полагает З. Тополинская, член *-т* лишен настоящей дейктической функции, он выполняет лишь функцию определенности [Боронникова 2007: 135-137].

Однако в ряде случаев, как отмечает Б. Конески [Конески 1982: 227-228], членная морфема *-т* может присоединяться и к именам собственным. В этом случае артикль привносит не значение определенности, а значение проклятия, грубости или же любую эмоцию, связанную с негодованием, иронией: *Да, ама Јана не беше како другите, не беше, на пример, како Катарината да фати бусија на столот во дневната соба и да ме чека!*. 'Да, но Яна не была как другие, не была, например, как Катарина, которая села в засаду на стул в гостиной и ждала меня'. Если же имена краткие, то - значение близости, интимности: *Ништо! – Баба го бришеше носот и низ шамичето промрморе: Само рече, дека ... биле исти...Марето и Лилјана*. 'Ничего! – бабушка вытерла нос и сквозь платок пробормотала: «Я только сказала, что ... они были всегда одинаковые... Маре (имеется в виду невестка) и Лильяна»'.

Другие членные морфемы (*-ов* и *-он*), как отмечает Н.В. Боронникова [Боронникова 2007: 135-137], семантически маркированы, основная их функция – индивидуализация конкретного предмета и определение его положения в пространстве и во времени: *Детето ќе се радуваше... А за комшиските деца ќе беше радост, нели?*. 'Ребенок обрадовался бы. А для соседских детей (=тех, которые рядом) будет радость, не так ли?'; *За работа ми ветуваат дури од*

пролет, на затоа зимава ќе одам. ‘Работу мне обещают лишь с весны, и поэтому этой зимой (=ближайшей) я уеду’.

Пространственно маркированные морфемы встречаются не только в конкретной речевой ситуации, но и в ситуации, когда объект находится вне зоны досягаемости, а представляется как «духовно близкий или далекий субъекту речи», включенный в сферу так называемого личного пространства или исключенный из нее: *Кажи ѝ, те молам, нека разгласи низ куките, јас заборавив да им кажам на децава да се јават дома!* Скажи ей, пожалуйста, пусть объявит в доме, я забыла сообщить детям, чтобы позвонили домой; *Мори, што така, ќерко змијулчиња ми вадиш од устата? Што не ми вадиш алтани како кучкана ти присестра?* ‘Ой, дочка, почему же изо рта у тебя сыплются змеи? Почему же не золотые монетки, как у мерзавки той, твоей сводной сестры?’ В данных примерах форма *децава* имеет значение ‘свои дети, родные, дети, которых я люблю’, а форма *кучкана* – ‘нелюбимая, подлая, неродная сестра’.

Ослабление пространственного значения членной морфемы приводит к совместному ее использованию с указательным местоимением в разговорной речи: *Да, јас имам една природна и една вештачка баба. Природната живее во најубавата природа во Беровско, а оваа вештачкава е мајка на мајка ми и наподносливо го мрази селото.* ‘Да, у меня есть настоящая и ненастоящая бабушка. Настоящая живет в селе под Берово, среди прекрасной природы, а та ненастоящая - мать моей матери, она просто ненавидит село’. *Ама оваа, Јаната, таква симпатична стана и опасна.* ‘Но эта Яна стала такой симпатичной и опасной’. В этом случае происходит либо усиление пространственной детерминации (в прямом и метафизическом смысле), либо распределение детерминирующей и индивидуализирующей функции между двумя указателями.

Таким образом, можно сказать, что помимо указания на место и время нахождения объекта, артикли в македонском языке несут как положительную, так и отрицательную функцию, а членные морфемы - *ов* и *-он* участвуют в оппозициях: свой-чужой, духовно близкий-далекий, позитивный-негативный.

Список литературы

1. *Боронникова Н.В.* О системе указателей в македонском языке // Проблемы социо- и психолингвистики. Выпуск 9, Пермь, 2007, С. 135-137.
2. *Боронникова Н.* Емоционален деиксис во ситуацијата на општењето // XXXII научна конференција на XXXVIII

меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура (Охрид, 15-17 август 2005). Т. 1. Лингвистика. Скопје, 2006. С. 105-118.

3. *Бюлер К.* Теория языка. М., 1993.

4. *Виноградов В.А.* Дейксис // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 128.

5. *Виноградов В.А.* Артикаль // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 45-46.

6. *Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Тт 1-2. Скопје, 1982, С 227-228.

7. *Крылов С.А., Падучева Е.В.* Общие вопросы дейксиса // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис / Ред. Н.Д. Арутюнова и др. М., 1992. С. 154-194.

8. *Левицкий Ю.А.* О семантике и функциях артикля // Проблемы социо- и психолингвистики. Выпуск 9, Пермь, 2007, С. 123-131.

9. *Усикова Р.П.* Грамматика македонского литературного языка. Москва: Муравей, 2003, С. 131-138.

10. *Шаховский В.И., Жура В.В.* Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. 2002, № 5. С. 38-56.

*И.С. Башкова**
ПермГУ

Специфика использования подростками глаголов ментального состояния в нарративе

Материалом нашего исследования послужили записи рассказов подростков (18 текстов) по серии картинок «*Frog, where are you?*». Серия из 24 картинок о поисках мальчиком и его собачкой сбежавшей лягушки – стандартный материал для изучения повествований детей разных стран. У всех информантов была одна и та же коммуникативная установка – построить целостный, связный, законченный рассказ по серии картинок, наиболее полно описывая все эпизоды. Предметом нашего исследования является разнообразие и формальные характеристики глаголов одной семантической группы, объектом – спонтанные нарративы подростков. Цель данной работы – выявить, какую долю

* © Башкова И.С., 2009.

эти глаголы занимают среди всех глагольных основ и определить, может ли доля глаголов ментального состояния приниматься за один из критериев освоенности жанра повествования.

Нарратив (повествование) – это первичный речевой жанр [Бахтин 1975]. Первичные речевые жанры распространены в устной обыденной коммуникации и раньше усваиваются ребенком. Нарратив не только жанр, но и тип текста – повествование, рассказ. Тип текста связан с вторичным речевым жанром, распространенным в письменной регламентированной ситуации. По мнению А.Г. Карабаевой, «рассказ» — это не просто средство передачи информации или элементарный институт человеческой коммуникации, — это способ получения качественной (неколичественной) информации, связанной с нововведениями (такова, к примеру, цель нарративного интервью). В основе нарративистских концепций объяснения лежит модель «объясняющего рассказа», основанная на принципиальной повествовательности природы знания. Для развертывания повествования в языке оформились несколько структур, самой простой из которых является повествовательное предложение. В повествовательном предложении закреплена структура Деятель + Действие (Состояние), которая может распространяться актантами, обозначающими других участников события: Адресата, Инструмент, Бенефицианта и т.п. [Тестелец 2001]. Собственно, грамматика нарратива во многом предопределена структурой простого предложения. В тексте нарратива, помимо упоминания героев (Агенса, Коагенса, Пациенса) необходимо указание на время и место действия, на объекты действия, на инструменты; существенно указание цели действия и его причины, для чего могут быть использованы ментальные глаголы.

Исходя из определения, приводимого в исследовании Ю.Д. Апресяна [Апресян 1967], глаголы ментального состояния характеризуются как **«глаголы эмоциональной и интеллектуальной деятельности, обозначающие замкнутое в субъекте действие»**.

Глаголы ментального состояния подростки используют для обозначения переживаний (*завеспокоиться, расстроиться*) и планов героев (*хотеть, решить*); повествование выстраивается как реализация поставленной героем цели, как отражение мотива поступков. Благодаря использованию этих глаголов повествования подростков приобретают необходимое качество – отражение мотивации героев линии нарратива.

В приведенном примере обнаруживаем такие глаголы ментального состояния, как *любить (1)*: Dima ochen' *ljubil* zhivotnyh , *любоваться (1)*: Dima so svoej sobakoj *ljubovalis* ' na Zhogu, *обнаружить (1)*: kog-

da Dima prosnulsja # on *obnaruzhil* # chto ego drug propal , *обрадоваться* (1): Dima ochen' *obradovalsja*, *подумать* (1): i Dima *podumal* # chto eto suchki dereva, *понравиться* (1): olenju ne *ponravilis* ' nezvanye gosti , *решишь* (7): on *reshil nazvat*' ego Zhora, i oni s sobakoj *reshili* pojti iskat' ego, Dima *reshil* posmotret' v drugom meste, Dima *reshil* vstat' na nego i posmotret' , i on *reshil* kak-to izbavit'sja ot nih, oni [%mal'chik i sobaka] zatihli i *reshili* posmotret' , on *reshil* vzjat' odnogo ljagushonka.

Количество разнообразных форм глагола, употребленных подростками в нарративе – около 190 (100 %). Преобладают предельные глаголы. В соответствии с грамматикой нарратива чаще всего обозначаются действия, изображенные на картинке. Доля ментальных глаголов в общем количестве употребленных подростками глаголов невелика – 20 (9,4 %). Глаголы ментального состояния подростки используют для обозначения переживания (*забеспокоиться*, *расстроиться*) и планов (*хотеть*, *решишь*) героев (мальчик, собака). Это в основном глаголы, обозначающие чувства (*любить*, *понравиться*) и эмоции (*разочароваться*, *расстроиться*, *разозлиться*).

Столь небольшой процент употребления говорит о том, что для подростков важнее передать общую картину происходящего, описать фон, действия, нежели затронуть внутренний мир героев, их личные переживания и эмоции в тот или иной момент времени. Поэтому повествование, в большинстве своем, выстраивается не как отражение мотива поступков и реализация поставленной героем цели, а как простое описание происходящего. Из-за редкого использования этих глаголов повествования подростков слабо отражают мотивации героев. В этом отношении повествования подростков существенно отличаются от нарративов взрослых рассказчиков (о нарративах взрослых см., например, Marsha Rossiter, Narrative and Stories in Adult Teaching and Learning; McEwan H., and Egan K., Narrative in teaching, learning, and research).

Итак, проведя исследование нарративов подростков, мы выявили, что ментальные глаголы в текстах присутствуют, хотя их значительно меньше, чем глаголов движения и статического состояния. Это говорит о том, что подростки, в большинстве случаев, подвержены описанию и повествованию действительности, а не происходящих с героями внутренних изменений. Разные подростки употребляют одни и те же глаголы. Эти глаголы обозначают относительно простые действия и переживания. Безусловно, спектр необходимых глаголов обусловлен изображенными на картинках событиями. Между тем, взрослые носители языка все же находят возможность использовать в своих повествованиях о лягушке множество глаголов ментальной деятельности, что

позволяет нам связывать незначительное количество этих глаголов в повествованиях подростков с характерной возрастной особенностью.

Соответствие грамматике нарративов (в том числе и употребление ментальных глаголов в форме прошедшего времени) позволяет отнести тексты подростков к речевому жанру и типу текста повествование. Подростки в целом владеют повествовательным жанром и грамматикой повествования.

Список литературы

1. *Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
2. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики, М., 1975.
3. *Карабаева А.Г.* Нарратив в науке и образовании, СПб., 2003.
4. *Языкознание.* Большой энциклопедический словарь. М., Большая Российская энциклопедия, 1998.
5. *McEwan H., Egan K.* Narrative in teaching, learning and research. New York: Teachers College Press, 1995.
6. *Rossiter M.* Narrative and stories in adult teaching and learning. Adult education quarterly 50, no. 1 (November 1999).

*П.С. Демина**
ПермГУ

О роли элитарной субкультуры в сознании студентов **

1. Наше исследование посвящено выявлению взаимодействия субкультур в составе культуры национальной в сознании студентов. Мы рассчитываем установить, какие типы субкультур, выделяемых в составе культуры национальной, актуальны для молодежного сознания. Культуру и субкультуры мы интерпретируем в соответствии с концепцией Н.И.Толстого [Толстой 1995].

Объектом исследования являются реакции на слова-стимулы, отражающие культурные артефакты. Предмет исследования – взаимодействие субкультур в сознании молодых россиян. Материалы получены в результате ассоциативного эксперимента (1110 реакций). Актуальность связана с необходимостью исследовать феномен российской

* © Демина П.С., 2009.

** Исследование поддержано РГНФ (грант 07-04-02006а).

культуры и вовлеченность молодежи в различные культурные традиции, с необходимостью установить соотношение субкультур. Теоретическая значимость связана с конкретизацией концепции взаимодействия субкультур в сознании носителей языка, представителей одного социума.

Национальная культура неоднородна. Еще в работах М.М.Бахтина упоминалось о выделении в национальной культуре двух составляющих: народной и элитарной [Бахтин 1990]. Это разграничение обусловлено цивилизацией. Н.И. Толстой заметил, что к концу XIX-нач. XX вв. формируются несколько субкультур в славянских культурах, причем каждая из субкультур соотносится с определенной социальной группой. Городская, традиционная, элитарная и профессиональная субкультуры относительно изоморфны социальной вариативности национального языка: городскому просторечию, диалекту, литературному языку, жаргону и профессиональным аргументам [Толстой 1995]. Как неоднородность национальной культуры, так и социальное варьирование языка, отражены в сознании носителей языка, представителей национальной культурной традиции.

Сформулируем исходную гипотезу: в сознании образованных молодых россиян неравномерно представлены разные субкультуры; во взаимодействии субкультур ведущая роль принадлежит культуре элитарной, что обусловлено фактором «образование».

2. Представление о слове-стимуле, полученное на основе анализа ассоциаций молодых россиян, включает ассоциации, обусловленные разными типами культур.

2.1. Во-первых, можно выделить ассоциации, обусловленные фольклором и литературными текстами на целый ряд слов-стимулов.

Например, на слово-стимул ГЛУПЫЙ получены единичные реакции *заяц, кот, луковица*, восходящие, скорее всего, к русским сказкам. Впрочем, реакцию *луковица* можно интерпретировать по-разному: усматривается связь с известным сюжетом у братьев Гримм, с героем сказки Джанни Родари Чипполлино, с Буратино, которому папа Карло предложил на завтрак *луковицу*.

На слово-стимул ИНТЕЛЛИГЕНТ возникла реакция *Базаров*; очевидно, главный герой романа И.Тургенева «Отцы и дети» является примером интеллигента для современных студентов.

На слово-стимул ЛЮБОВЬ получены единичные реакции *зла и зло*, которые обусловлены выражением «любовь зла» и производного от него «любовь - зло». Обсуждаемые реакции могут восходить как к идиому, так и к массовой культуре.

Довольно частотная реакция *Замятин* на слово-стимул МЫ свя-

зана с названием романа-антиутопии. В данном случае четко прослеживается связь с художественной литературой.

На слово-стимул ЯБЛОКО были получены ассоциации *Парис, раздор, Адам*, которые связаны с мифологией и библейскими сюжетами. Реакции *Парис* и *раздор* относятся к сюжету о споре древнегреческих богинь; кроме того, выражение «яблоко раздора» вошло в употребление как самостоятельное и устоявшееся. В тоже время, реакция *Адам* восходит к сюжету из Библии.

Во всех рассмотренных случаях мы можем говорить о значимости элитарной художественной или фольклорно-литературной культуры для молодежи. Ассоциативные реакции отражают взаимодействие элитарной и городской субкультуры.

2.2. Во-вторых, в отдельную группу можно выделить ассоциации восходящие к СМИ, касающиеся рекламы, газет, телевидения.

На стимул МЫ приводятся такие ассоциации как *Россия, сила, вместе*. Возможно, эти реакции восходят к известному лозунгу «Вместе мы сила».

Кроме того, на слово-стимул могут быть получены реакции, обусловленные фильмами. На слово-стимул ЛЮБОВЬ получена реакция *морковь*, которая связана с выходом на экран фильма «Любовь-морковь».

Политической рекламой обусловлена реакция *партия* на слово ЯБЛОКО.

Таким образом, видно, что СМИ оказывают огромное влияние на сознание молодёжи. На народную культуру оказывает влияние городская культура.

2.3. Наконец, можно выделить реакции сленговые, жаргонные и другие нелитературные выражения: ГЛУПЫЙ (*тупой, дурак, как пробка, тормоз, идиот*), ДЕНЬГИ (*бумажки, зелень*), ИНТЕЛЛИГЕНТ (*ботаник, дурак*), КОМПЬЮТЕР (*ящик, железо*), ЯНДЕКС (*мыло, пошловик*)

Использование вышеперечисленных выражений в реакциях касаются слов-стимулов, которые обозначают актуальные социальные явления.

В ассоциациях прослеживаются характерные для массового сознания стереотипы: субъективное отношение к представителям некоторых социальных групп (ИНТЕЛЛИГЕНТ – *ботаник, дурак*); отрицательно окрашенное восприятие явлений (ДЕНЬГИ – *бумажки, зелень*); отрицательная оценка человека-«неудачника» (ГЛУПЫЙ – *тупой, дурак, как пробка, тормоз, идиот*)

Кроме того, прослеживаются нейтрально окрашенные сленговые

единицы: реакция *ящик*, *железо* на слово-стимул КОМПЬЮТЕР, *мыло* и *поисковик* на стимул ЯНДЕКС.

Использование сленговых, жаргонных и других нелитературных выражений отражает эмоциональное отношение испытуемых к обозначенному словом-стимулом явлению и самой ситуации эксперимента. Таким образом, массовая культура играет огромную роль в жизни молодежи.

3. Если провести количественный анализ культурно-обусловленных ассоциаций, то следует заметить, что в целом такого рода реакций немного. Они составляют всего 31 % общего массива реакций, полученных от 30 испытуемых на 37 слов-стимулов. Большую часть их составляют ассоциации, обусловленные СМИ (15 %), меньше всего – ассоциаций, обусловленных традиционной и элитарной субкультурами, т.е. фольклором и художественной литературой (7%). Слова-реакции из сленга и жаргона (9 %) мы рассматриваем как экспликацию молодежной субкультуры.

Наша исходная гипотеза подтвердилась лишь частично. Действительно, можно усмотреть связь субкультур, их взаимодействие и воздействие друг на друга. Диалог субкультур проявляется в появлении различных реакций на одни и те же слова стимулы: реакции восходят к разным типам субкультур. Элитарная субкультура взаимодействует с массовой и городской. Очевидно, что СМИ и молодежная субкультура в большей мере представлены в сознании молодежи, чем связанная с литературным языком элитарная субкультура. Элитарная субкультура не актуальна для молодежного сознания. В сознании молодых профессиональная субкультура представлена как возрастная составляющая культуры – культура молодежи, связанная с культурой массовой.

Перспективу исследования мы видим в изучении характера взаимодействия субкультур и установлении влияния фактора «профессия (специальность)» на вариативность представления о значении слова.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
2. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. . – М., 1995.
3. *Овчинникова И.Г., Кибанова А.А.* Вариативность этнического сознания: соотношение элитарной, профессиональной и массовой субкультур (на материале ассоциативного эксперимента // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. С. 90–94.

**«О рае Перу орут перуанцы...»: а вы могли бы?
(комплексный анализ перевода стихотворения
В.В. Маяковского «Гимн судье»)**

Данная работа посвящена стихотворению В.В.Маяковского «Гимн судье». Но в соответствии с уточнением в названии анализировать мы с вами будем перевод этого стихотворения на английский язык, сделанный Дорианом Роттенбергом.

Комплексный анализ будет состоять из трех частей:

Фоносемантический аспект

Лексические трансформации

Грамматические трансформации

В нашей работе мы проделали полный и исчерпывающий анализ всех заявленных аспектов, но в силу определенных ограничений мы представим вам лишь самые интересные и яркие моменты. Поэтому среди лексических трансформаций мы с вами выделим добавления и замены. А в заменах в свою очередь такие приемы как: конкретизации, генерализации и целостное переосмысление. К грамматическим трансформациям мы относим морфологические (замена форм ед. и мн. числа, замена времени глагола, частей речи и т.п.) и синтаксические (переход активного залога в пассивный, варьирование порядка слов, типа или числа предложений и т.п.). Но в данной статье рассмотрим только примеры отдельных морфологических трансформаций (замены времени глагола, замены форм ед. и мн. числа). Семантические трансформации (выделяемые некоторыми учеными) отдельно рассматривать не будем, так как, на наш взгляд, семантический аспект растворен во всех остальных.

Фоносемантический аспект. Считаем нужным заранее отметить, что все выводы, сделанные нами в этой части, были основаны и на впечатлениях от прочтения этого стихотворения самим Маяковским (была использована одна из нескольких сохранившихся записей).

С точки зрения фонетики, это стихотворение просто находка: огромное количество аллитераций и ассонансов делают его неповторимым. Давайте рассмотрим некоторые из них.

* © Кульшарипова С.Р., 2009.

*О рае Перу орут перуанцы,
где птицы, танцы, бабы
и где над венцами цветов померанца
были до небес баобабы.*

Эта строфа – сплошь состоит из звуков «р», «н», «ц», «б». Если оторваться от конкретного, то можно услышать, как гремит раскати-стый «р», как приплясывает игривая парочка «нц» и как выстреливает вверх, к вершинам баобабов, взрывной «б». А ассонансы (открытый ударный «а») придают дополнительную широту, величественность, монументальность.

В переводе, к сожалению, это не так отчетливо, и мы бы даже отметили, что переводчик опустил этот момент. Повторяю, именно опустил, а не упустил, так как фонетика, как и синтаксис, чаще всего приносятся в жертву семантике. А обвинять переводчика в том, что он этого не заметил, было бы несправедливо.

В третьей строфе мы с вами можем заметить очень интересную находку Маяковского:

*Но вот неизвестно зачем и откуда
На Перу напёрли люди.*

Эта игра гласных звуков при сохранении одних и тех же согласных и вызывает эффект аллитерации, и создает ощущение повтора. Кстати, сам Маяковский читал эту строку, как сказали бы музыканты, на крещендо. Такая вот своеобразная фонетическая градация.

Строка на английском:
*But then, God knows where from and what for,
judges overran poor Peru.*

Здесь переводчик попытался обыграть этот момент. Обилие губных согласных и звука «r» создают эффект аллитерации, а добавление определения к существительному Перу (которого, кстати, в оригинале нет) создают положение, в котором словосочетание «*poor Peru*» тоже звучит почти как повтор.

Шестая строфа, как и вторая, тоже вся сплошь из звуковых повторов:

*А возле Перу летали по прерии
птички такие - колибри;
судья поймал и пух и перья
бедной колибри выбрил.*

Особенно сочетания «бр» и «пр» – если включить фантазию, то можно себе даже нарисовать картину: судья, электрической бритвой, отдельными движениями, в такт стихотворению... «Бедной...колибри...выбрил...». Но это если отвлечься. Хотя, при отсутст-

вии такого яркого художественного приема, это было бы невозможно. В переводе этого добиться не удалось, но зато сохранена образность.

Фонетическая сторона стихотворений Маяковского всегда была очень важна, и особенно выделялась им самим, так как стихи его всегда были ориентированы не на прочтение про себя, а на произнесение, декламацию. Поэтому переводчику стихов Маяковского нельзя было опускать этот момент. И мы с вами увидели, что Дориан Роттенберг постарался максимально точно передать все фонетические нюансы.

Лексические трансформации. Это синонимическая замена лексем, выходящих за рамки непосредственного словарного соответствия. Вопрос о лингвистической точности здесь заключается не в том, чтобы знать весь ореол смыслов, заключенных в слове, а в том, чтобы выбрать тот смысл, который более всего подходит к общей изображаемой в данной фразе ситуации.

Добавления – использование в переводе дополнительных лексических единиц для передачи имплицитных элементов смысла оригинала.

*В бедном Перу стихи мои
даже в запрете под страхом пы-
ток.*

*Even my poems, by the law's
letter
are banned in Peru. What for,
do you think?*

*Судья сказал: "Те, что в
продаже,
тоже спиртной напиток".*

*The judges, you see, declared
them "no better
than alcoholic drink*

Здесь мы с вами видим появление двух новых фраз, которых нет в оригинале. Помимо усиления причинно-следственной связи также можно отметить появление разговорного оттенка (вставка «you see»).

Замены – замена слова или словосочетания языка оригинала единицей переводящего языка, значение которой логически выводится из значения исходной единицы.

Конкретизация – замена родового понятия видовым.

*и где над венцами цветов
померанца
были до небес баобабы.*

*where blossoms crown the
green pomegranate
and baobabs reach to the sky
above*

В данном случае абстрактный глагол «были» заменяется на вполне конкретный «reach» («достигать, доходить»).

*Попал павлин оранжево-
синий
под глаз его строгий, как*

*A peacock painted orange and
blue
was caught by their eye, as*

пост, -

strict as Lent;

Лишь, злобно забившись под своды законов, живут унылые судьи. *Only, scowling under the penal code, a judge survives, hearty and well-to-do*

А здесь, как и в предыдущем случае, мы видим очень яркие примеры конкретизации. Достаточно просто заглянуть в словарь, и вы увидите, что «Lent» переводится как «Великий Пост», а «the penal code» – не что иное как «уголовный кодекс».

Генерализация – замена видового понятия родовым.

В бедном Перу даже в запрете под страхом выток. *Even my poems, by the law's letter are banned in Peru. What for, do you think?*

«Poems» переводится не только как стихи, но и как поэмы. То есть как поэтическое произведение вообще.

Целостное переосмысление – прием, который заключается в понимании образного средства и передаче его совершенно другими лексическими средствами.

О рае Перу орут перуанцы, где птицы, танцы, бабы *About Peru, the flower of the planet full of dances, birds and love,*

Грамматические трансформации связаны с изменением грамматической структуры исходного текста. Причинами изменений могут быть отсутствие соответствующего грамматического явления, а также несовпадение стилистических особенностей грамматических конструкций и смысловой структуры английского и русского словосочетания.

Замена форм единственного и множественного числа.

Само слово «судья» встречается в стихотворении 8 раз (включая название): 5 в ед.ч. и 3 во мн.ч. Но обратите внимание, в переводе категория числа совпадает только 2 раза. Скорее всего это связано с категорией определенности/неопределенности: ведь у Маяковского гимн не определенному судье, а обобщенному понятию, собирательному явлению. А в переводе четко и ясно обозначено: в третьей строфе пришли «судьи вообще», в четвертой, шестой, седьмой и восьмой действовали вполне определенные судьи (те, которые на острове), в девятой уткнулся в уголовный кодекс «какой-то судья», а в последней – мешают «вообще все судьи».

Или, например, «колибри». У Маяковского была «грамматически» побрита лишь одна птичка, в переводе же их было непонятное количество (скорее всего по одной на каждого судью – К.С.).

Замена времени глагола:

<i>и где над венцами цветов померанца</i>	<i>where blossoms crown the green pomegranate</i>
<i>были до небес баобабы.</i>	<i>and baobabs reach to the sky above.</i>

Как мы уже отмечали выше, глагол «были» подчеркивает «устремленность вверх» всей строчки. В то время как глагол «reach», употребленный в настоящем времени, помогает читателю лучше представить и прочувствовать всю величественность баобабов вместе с автором.

Подводя итог по проделанной работе, хотелось бы отметить, что в теории перевода есть понятия «эквивалентности» и «адекватности» перевода.

Эквивалентный перевод – перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности.

Адекватный перевод – перевод, обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм и узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствия конвенциональной норме перевода. В нестрогом употреблении адекватный перевод – это "правильный" перевод.

В процессе работы над этой проблемой мы сталкивались с переводами, сделанными другими переводчиками. Но даже неглубокий анализ показал, что это в большинстве именно эквивалентные переводы. Причем эквивалентность сохранялась исключительно на лексическом уровне. А фонетический аспект, ритм, рифма просто опускались. На основе этого мы можем утверждать, что переводы стихотворений Маяковского, сделанные Дорианом Роттенбергом, являются именно адекватными.

*М.Ю. Лопатина**
ПермГУ

*© Лопатина М.Ю., 2009.

Коми-русский билингвизм молодежи в аспекте современной языковой политики**

В последнее время уделяется большое внимание изучению явления билингвизма. Для нашей страны эта проблема особенно актуальна. Россия – многонациональное государство, этнический состав которого весьма разнообразен. Народы на территории нашей страны веками живут бок о бок и перенимают обычаи и традиции друг друга. Огромное влияние оказывает такое взаимодействие на языки этносов. В условиях билингвизма явление интерференции выражается в отклонении от литературной нормы обоих языков.

В этой работе исследуется явление двуязычия на материале коми-пермяцко-русского билингвизма. Было выяснено, какие меры принимаются на территории Коми-пермяцкого округа по отношению к языку, была прослежена статистика за последние десятилетия в области развития языка, и было показано, как проводимая языковая политика влияет на особенности речи двуязычной молодежи.

Большинство предпринимаемых в сфере языковой политики мер главным образом направлено на привлечение внимания русскоязычного населения к коми-пермяцкому языку. Выходят сборники коми-пермяцкого фольклора, записываются популярные песни на коми-пермяцком языке, проводятся этнокультурные фестивали, надписи на витринах магазинов переводятся на коми. Эти меры могут привести к популяризации языка как части национальной культуры в целом, однако вряд ли приведут к улучшению качества владения родным языком двуязычной молодежи и к увеличению числа билингвов. С 1970 г. процент коми-говорящего населения региона уменьшился с 92,1% до 79,8 %. Кроме того, социологические исследования показывают, что многие представители народа не владеют всеми уровнями своего языка. Из этого можно сделать вывод, что корень проблемы лежит в образовании. В настоящее время коми-пермяцкий язык изучается в 86 школах округа (в самом г. Кудымкаре нет ни одной школы с изучением родного языка). Обучение на родном языке в большинстве школ не ведется (язык изучается как школьный предмет), или ведется только до третьего класса. С 1992 по 2002 гг. вдвое сократилось использование родного языка в дошкольном образовании.

Для исследования использовались записи разговорной речи молодых людей в возрасте 16-18 лет, приехавших в г. Кудымкар на учебу

**Исследование поддержано РГНФ (грант 07-04-02006а).

из разных районов Коми-пермяцкого округа. Их речь особенно интересна тем, что она испытывает большее влияние русского языка по сравнению с речью молодых людей, остающихся жить в деревнях и селах, где количество русскоговорящего населения значительно меньше. Кроме того, молодежный билингвизм, по сравнению со взрослым двуязычием, более интересен тем, что в речи молодых билингвов отражаются современные тенденции в развитии обоих языков: молодыми быстрее усваивается и активнее используется новая лексика, в их речи чаще можно заметить интерференции на различных уровнях языковой системы. Десяти молодым людям предлагалось рассказать небольшую историю о том, как они проводят свой обычный день. После обработки записей мною были сделаны следующие выводы:

1) В среднем в рассказах было употреблено 11 % той русской лексики, которая имеет аналоги в коми-пермяцком языке.

2) Наиболее часто заменялись русскими эквивалентами наречия времени (потом, часто, обычно, сперва, после и т.д.), числительные (семь, полвосьмого, двенадцать и т.д.) и существительные (работа, порядок, комната, время и т.д.).

3) Менее всего заменялись русскими эквивалентами предлоги и глаголы. Следует отметить, что в коми-пермяцком не существует предлогов, а есть только послелоги, таким образом, можно говорить об интерференции на грамматическом уровне.

4) Если посмотреть на семантику наиболее часто заменяемых слов, то можно прийти к выводу, что чаще всего используется конкретная лексика языка-донора (друг, подруга, комната, сумка, проходить, отдохнуть, включить свет и т.д.).

5) Служебные слова, используемые в текстах, в большинстве своем также русские. Используются предлоги, как уже было сказано, нарушающие грамматический строй коми-пермяцкого языка, и союзы (если, потому что, и, пока), служащие для связи простых предложений в составе сложного.

6) Почти все числительные в тексте используются на русском языке.

Следует заметить, что в работе не заостряется внимание на заимствованной лексике. В коми-пермяцком языке ее очень много, особенно в речи молодежи, поскольку многие жизненные реалии не нашли отражения в словарном составе коми языка. О русских заимствованиях писала еще А.С. Кривошекова-Гантман в своей статье «Возрожденный Октябрь язык»: «Заимствования из русского языка фонетически входят в систему коми-пермяцкого языка и употребляются согласно ее нормам, приспособляясь к грамматическому строю и фонетической

системе» [Кривошекова-Гантман 2006: 126]. Неудивительно, что человек, не знающий коми языка, впервые услышав речь на нем, сразу сможет выделить знакомые слова. «В результате тесных контактов народов, проницаемым оказался не только лексический уровень языка, но и грамматический. В него вошли например такие суффиксы русского языка, как *-ник*, *-ушк*, *-очк* и т.п. Коми-пермяцкий воспринял и многие синтаксические средства русского языка – сочинительные и подчинительные союзы» [Кривошекова-Гантман 2006: 113].

Таким образом, можно сделать вывод: в речи современной молодежи помимо огромного количества заимствованной из русского языка лексики употребляется немало русских слов, имеющих аналог в коми пермяцком языке. Следует задуматься, почему молодые люди, находясь в ситуации выбора, отдают предпочтение не родному языку. На мой взгляд существуют следующие объяснения этого явления: 1) возможно, коми-пермяцкое слово, имеющее русский аналог, устарело; 2) вероятно, что билингвам сложно перейти с одного языка на другой в ситуации общения с русскоговорящим интервьюером; 3) некоторые группы слов (например, количественные числительные) проще запоминаются на языке-доноре; 4) субъективная оценка говорящего престижности используемого на неродном языке слова.

Подводя итог всему вышесказанному, хочется сказать о практической и теоретической значимости этой работы. Во-первых, изучение особенностей коми-русского билингвизма может подготовить теоретическую базу для наиболее удачного обучения детей-билингвов родному языку. Во-вторых, изучение речи двуязычной молодежи дает выводы о том, как влияет современная языковая политика непосредственно на речь билингвов, и информацию о новых заимствованиях из русского языка, в частности, из молодежного сленга. В-третьих, по исследованию коми-русского билингвизма написано еще недостаточно много работ для того, чтобы считать его полностью изученным; многие аспекты, в том числе и молодежное двуязычие, мало описаны или не описаны вовсе.

Список литературы

1. *Айбабина Е.А.* Специфика функционирования русских лексических заимствований в коми языке. – Сыктывкар, 1990.
2. Коми-пермяки и финно-угорский мир. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Кудымкар, 2005.
3. *Кривошекова-Гантман А.С.* Собрание сочинений, т. 1. Пермь, 2006.

4. Овчинникова И.Г., Пономарев Н.Ф., Шукина И.Н. Речевая коммуникация в ситуации билингвизма. – Пермь, 2007.
5. Проблемы многоязычия и двуязычия. – М., 1972.
6. Финно-угорские народы: вчера, сегодня, завтра. – Сыктывкар, 2008.
7. Этнокультурное пространство Коми-Пермяцкого округа в условиях реформирования системы образования. Материалы социологического исследования. – Кудымкар, 2006.

*О.А. Молчанова**
ПермГУ

К проблеме оценки эффективности компьютерных программ обучения иностранным языкам

1.1. Объект нашего исследования – тренажеры для пополнения словаря как один из видов компьютерных программ обучения иностранному языку. Мы остановились на программах обучения английскому языку как наиболее распространенному; основная часть тренажеров разработана как раз для английского языка. Предмет исследования мы видим в эффективности компьютерных тренажеров для заучивания иностранных слов; мы попытаемся оценить эффективность таких программ в сопоставлении с обычными мнемоническими приемами. В последнее время потребность в компьютерных программах для обучения, в том числе и иностранным языкам, значительно возросла. Актуальным становится вопрос, эффективны ли такие программы, или проще и удобнее пользоваться старыми и проверенными способами.

Новизна связана с тем, что исследований эффективности компьютерных программ не так много. Обычно они проводятся в коммерческих целях, а их результаты используются для продвижения конкретных *lingware* или *software*. Существует несколько довольно похожих программ для запоминания иностранных слов, но не все они достаточно эффективны. Для определения эффективности и необходимо провести независимое исследование; это поможет оптимизировать работу уже существующих программ и определить основу для создания более продуктивных в использовании новых программ.

Решение данной проблемы имеет теоретическое и практическое

* © Молчанова О.А., 2009.

значение. Во-первых, открывается огромная область, для дальнейшей работы по написанию и усовершенствованию linguistic tools; во-вторых, подобные программы и способы запоминания помогут преподавателям и учащимся эффективнее осваивать язык, затрачивая для этого гораздо меньше усилий.

1.2. Исследование проводилось с использованием программы **BX Language acquisition**, которая находится в свободном доступе и взята с сайта www.abc-english-grammar.com. Эта программа была выбрана, потому что она имеет небольшое преимущество перед другими подобными программами, и объединяет все свойства, доступные в других программах. Программа предназначена для заучивания иностранных слов. Слова разбиваются на упражнения, состоящие из определённого количества заданий (слов). Заучивание слов основано на накоплении статистики ответов на задания программы. Программа позволяет заучивать написание и произношение иностранных слов как в режиме вопрос-ответ, так и в режиме диктанта. Помимо активных методов, в программе предусмотрен один пассивный: просмотр карточек слов, которые автоматически всплывают в углу экрана и перебирают заучиваемую порцию слов из словаря.

Программа позволяет самостоятельно составлять новые словари с заданиями вручную или автоматически на основе частотного анализа текста.

Мы исходили из гипотезы: компьютерные программы для запоминания иностранных слов за ограниченный период времени являются более эффективными, чем традиционные мнемонические приемы.

1.3. В нашем исследовании использован эксперимент по заучиванию слов за фиксированный промежуток времени, а также метод анкетирования. Наши респонденты ответили на несколько вопросов: *Чего вам не хватало в компьютерной программе, какие возникли трудности? Какой способ запоминания самый эффективный? Что можно было улучшить?*

Полученные в результате эксперимента и анкетирования материалы обрабатывались количественно (определялись показатели средней тенденции) и качественно (посредством сопоставительного метода и метода контент-анализа).

Для эксперимента был создан словарь из 20 слов с небольшой частотностью, взятых из нескольких современных англоязычных статей. В исследовании приняли участие студенты университетов, изучающие английский язык: две группы по 20 человек. Первая группа студентов заучивала слова, используя данную компьютерную программу, вторая – используя традиционные методы заучивания: карточ-

ки или блокноты со словом, его переводом и примерами использованием в языке. Перед обеими группами была поставлена задача: в течение часа выучить 20 неизвестных ранее слов. Затем необходимо было написать перевод слов в обоих направлениях. Вторая проверка проводилась через сутки после эксперимента.

Основная цель – установить меру эффективности компьютерной программы, а также выявить недостатки и преимущества компьютерного и традиционного методов.

2. Перейдем к обсуждению результатов исследования.

2.1. В результате анкетирования мы установили основные приемы, которые студенты используют при заучивании слов иностранного языка: карточки слов, списки слов с переводом, чтение текстов на изучаемом языке. Студента не считают эти способы очень эффективными, однако компьютерные методы не используют.

2.2. Группа, которая использовала компьютерную программу для запоминания, посчитала её очень эффективной, удобной и легкой в использовании. Было выявлено множество преимуществ данной программы, однако были и недостатки.

2.3. Количественные показатели соответствуют тенденциям, выявленным при качественной обработке анкет. Несмотря на то, что проверка сразу после заучивания дала сходные и довольно высокие результаты, около 15-17 слов в обоих случаях, проверка знаний через сутки выявила некоторые различия. Испытуемые, использующие традиционные способы заучивания, вспомнили около 7-8 слов. Средние показатели испытуемых, которые использовали компьютерную программу, 12-15 слов. Полагаем, что это может быть связано с использованием респондентами пассивного метода.

Итак, в ходе исследования мы подтвердили свою гипотезу: компьютерный метод действительно оказался эффективнее и надежнее, однако пока он не слишком распространен в студенческой среде.

Связи с этим выводом стало возможным определение дальнейшего пути развития компьютерных программ для запоминания иностранных слов.

- Необходимо облегчить возможность работы со словарем для обычного пользователя, а также создать словари различных уровней сложности, тематические словари, словари синонимов и др.
- Необходимо добавить форму контроля выученных слов.
- Интересно было добавить различные игровые формы запоминания лексем.
- Необходимо внедрять компьютерные методы в процесс обучения, так они являются эффективными и могут помочь как препода-

вателям, так и студентам.

После проведения этого исследования появилась идея создания новой мнемонической программы с учетом всех достоинств и недостатков существующих. Отдельно хотелось бы провести работу по разработке компьютерных вариантов учебных вспомогательных словарей различных типов, сложностей и направленностей.

Ссылки на работы по софту в обучении иностранным языкам:

1. <http://infoenglish.info/publ/1-1-0-33>
2. <http://www.alleng.ru/english/pr.htm>
3. http://www.yugzone.ru/articles/secrets_english_words.htm
4. <http://language.oflameron.ru/>

*А.И. Новицкий**
ПермГУ

Количественная характеристика пауз хезитации

Паузы хезитации являются неотъемлемой частью речи и давно изучаются лингвистами (Николаева 1995 и др.). Пауза хезитации воспринимается как незапланированная интонационная пауза, отражающая процесс поиска и перестроек в ходе порождения речи [Светозарова 1982: 44]. Функции пауз хезитации обычно сводят к колебанию в выборе элементов семантической программы высказывания или коммуникативного плана. В виду широкого разнообразия хезитационных пауз и вариативности их проявления в разных стилях речи у детей и взрослых, мужчин и женщин, паузы хезитации пока не описаны полно.

Цель исследования: уточнить понятие паузы хезитации и типов хезитационных пауз, а также выявить зависимость длительности и количества пауз хезитации от гендера. Материалом для этого послужили звукозаписи спонтанных монологов подростков 14-15 лет, общая длительность звучания которых составляет около часа (г. Пермь, школа №77, 2006 г.). Данные монологи представляют собой реакцию испытуемых на серию связанных между собой картинок под общим названием «Frog, where are you?». Материал содержит около девятистот словоупотреблений. Длительность исследуемых спонтанных монологов варьирует от 1,03 до 5,09 минут. Выборка сбалансирована по количеству мужских и женских монологов.

* © Новицкий А.И., 2009.

Оцифровка необходимого материала, находившегося на аналоговом носителе, происходила с помощью специализированного оборудования с использованием программы GoldWave. В результате оцифровки был получен звуковой файл с расширением *.wav со следующими характеристиками: качество звука 352 кбит/сек, размер аудио образца 16 бит, частота дискретизации 22 кГц, формат аудио PCM. Полученный файл мы анализировали с помощью программы Adobe Audition 3.0. Важно отметить, что при работе со звукозаписями выделялись лишь те паузы хезитации, которые фиксировались как акустической аппаратурой, так и аудитором (длительность пауз измерялась с помощью инструмента «Выделение»).

При анализе пауз хезитации учитывалось два параметра: 1) наличие / отсутствие звукового заполнителя; 2) функция паузы. По наличию или отсутствию звукового заполнителя паузы дифференцировались на заполненные и, соответственно, незаполненные, а из функций выделялась функция саморедктирования. В противном случае функция паузы считалась неопределенной (неопределенная хезитация). Заполненная пауза определялась по наличию заполнителя. Выделялись следующие заполнители: 1) удлинение звуков (*и-и, у-у*); 2) вокализации (*э-э, м-м, гм*). Приведем примеры. Удлинение звуков: *мальчик... у-у... увидел старое бревно; оставив лягушек... и-и... лягушат*. Вокализации: *однажды ночью... м-м... лягушка; они обнаружили... э-э... семейство лягушек*.

Заполненной считалась такая пауза хезитации, в которой имеется заполнитель, с двух сторон отделенный физической паузой. Паузами с функцией саморедктирования считались фальстарты (*лягушонок не-за... решил незаметно убежать*), а также паузы, после которых шел повтор с исправлениями (*где висело... где висел улей пчел*). Функция же других пауз хезитации осталась неопределенной. Однако мы можем предположить, что эти паузы выполняют функцию сигнализации о хезитации (*они увидели своего друга... с его семейством*), сигнализации о физиологических трудностях речепорождения («*вздох*»... *они стали вылазить через окно*).

Полученные данные были введены в электронную таблицу для упрощения подсчета результатов. Также с помощью электронной таблицы EXCEL были определены пределы длительности пауз хезитации (полученные данные см. ниже в таблицах 1, 2, 3, 4).

Таблица 1

Количество и длительность пауз хезитации

	м	ж
Количество пауз	335	402

Длительность пауз	267,69	375,06
Количество заполненных пауз	182	230
Длительность заполненных пауз (сек.)	180,73	262,27
Средняя длительность заполненных пауз (сек.)	0,99	1,14
Количество незаполненных пауз	153	172
Длительность незаполненных пауз (сек.)	86,96	112,79
Средняя длительность незаполненных пауз (сек.)	0,57	0,66

Таблица 2

Заполнители пауз хезитации

	м	ж
Количество удлинений звуков	16	29
Количество вокализаций	169	205

Таблица 3

Функции пауз хезитации

	м	ж
Количество пауз саморедктирования	6	9
Количество пауз с неопределенной функцией	330	393

Таблица 4

Пределы длительности пауз хезитации

	м	ж
Минимальная длительность	0,04	0,08
Максимальная длительность	4,22	9,66
Разность минимальной и максимальной длительности	4,18	9,58

Из таблицы 1 видно, что изначально у девочек больше пауз. Это объясняется тем, что длительность женских монологов больше, чем длительность мужских. Количество заполненных и незаполненных пауз, их длительности, разнообразие заполнителей выше в женских монологах. Разность минимальной и максимальной длительности говорит о неравномерности ее распределения, как у мужчин, так и у женщин.

Подведем итоги. В данном исследовании не встретилось ни одного монолога без пауз хезитации. Это подтверждает то, что паузы хезитации – необходимый элемент речевой цепи в спонтанном общении. Основные функции пауз хезитации на нашем материале: саморедктирование, сигнализация о хезитации, а также сигнализация о трудности речепорождения. Заполненные паузы преобладают над незаполненными, причем типично заполнение паузы вокализацией. Исследование показало, что длительность пауз хезитации в большей мере варьирует у девочек-подростков. На наш взгляд, это обусловлено большей вариативностью длины монологов девочек. В виду ограниченности мате-

риала, мы не рискуем давать качественную интерпретацию большей хезитации в монологах девочек по сравнению с мальчиками. Полученные результаты целесообразно проверить на дополнительном материале.

Список литературы

1. *Ерофеева Е.В.* Социолингвистическая обусловленность фонетических заполнителей пауз хезитации // Вестник пермского университета. 3(19) 2008. 31-38.
2. *Николаева Т.М.* Просодия Балкан. М., 1995
3. *Овчинникова И.Г.* Пауза в спонтанной монологической речи детей 6-7 лет (на материале рассказов Frog, where are you?) / И.Г. Овчинникова // Бюл. Фонетического фонда русского языка №7: тексты устной речи: матер. науч. симпоз. в Норвежском университетском центре / под ред. Р.Ф. Касаткиной. СПб.; Бохум, 2000
4. *Светозарова Н.Д.* Интонационная система русского языка. Л., 1982.

*Е.Е. Поляшова**
УрГУ

Ядерная зона концепта "межпространственный переход" в романе С. Кинга "Бесплодные земли" и его русском переводе

Вопрос об адекватности художественного перевода является одной из «вечных проблем» лингвистики и переводоведения. В настоящее время высказываются предположения, что решению этой проблемы может помочь концептуальный анализ ключевых слов текста в оригинальном и переводном тексте. Известно, что концепты переводного текста подвергаются влиянию ЯКМ переводящего языка и интерпретирующего сознания переводчика [см.: Псурцев 2002]. Следовательно, при смене языковых кодов и переосмыслении исходного текста происходят смысловые потери и наращения, отражающиеся в структуре ключевых концептов текста. Исследуя изменения, произошедшие в структуре концепта, мы можем сделать вывод об адекватности перевода.

* © Поляшова Е.Е., 2009.

Выявление модификаций внутри ядерной зоны авторского концепта «межпространственный переход», вербализованного в русском переводе романа С. Кинга «Бесплодные земли», и является нашей целью. Перевод выполнен Т. Покидаевой. Реконструкция концептуальных ядер производится по методике Л.Г. Бабенко. По Л.Г. Бабенко, ядерную зону концепта составляет его базовая когнитивно-пропозициональная структура (далее – КПС), которая представляет собой «выявленную путем обобщения реальных контекстов текстовую пропозицию в виде аргументно-предикатной структуры, репрезентированную в данном тексте (или совокупности текстов одного автора)» [Бабенко 2004: 110-111].

В оригинальном и переводном тексте КПС «межпространственный переход» включает в себя позиции субъекта, предиката, объекта, исходного, конечного и промежуточного пунктов движения, как можно видеть на следующих примерах:

Four days after Eddie had yanked him through the doorway between worlds, minus his original pair of pants and his sneakers but still in possession of its pack and his life, Jake awoke. – Наупро четвертого дня после того, как Эдди вытащил его в дверь между двумя мирами, Джейк, лишившийся брюк и кроссовок, но сохранивший рюкзак и жизнь, проснулся; Jake would step through this door and be healed. – Джейк войдет в эту дверь и исцелится.

Характеристики актантов, замещающих места внутри данной КПС в оригинале и переводе, в основном схожи. Субъектом перехода между мирами обычно становится человек. Некоторые персонажи при этом могут занимать как активную, так и пассивную позицию, т. е. выступать либо субъектом *перехода*, либо объектом *перемещения*. Соответственно, позицию предиката замещают глаголы движения субъекта и глаголы перемещения объекта. Первые описывают ирреальное действие (желаемое, невозможное, происходящее во сне или в воспоминаниях). Наиболее яркий пример здесь – это отрывок из школьного сочинения Джейка: *"I want to go back and that is the truth. I have to go back and that is the truth. I'll go crazy if I don't go back and that is the truth. I can't go home again unless I find a stone a rose a door and that is the truth". – "Я хотел бы вернуться, и это правда. Мне придется вернуться, и это правда. Если я не вернусь, я сойду с ума. Это правда. Но я не сумею вернуться домой, пока я не найду ключ, розу и дверь. Это правда"*. Глаголы перемещения объекта описывают действие, имеющее в художественной действительности статус факта: *Eddie grabbed Jake's wrists and hauled him up. – Эдди тем временем схватил Джейка за руки и вытащил его вверх.*

Позиция промежуточного пункта движения может быть реализована как преграда или проход (инструмент перехода). Чаще всего функцию преграды или инструмента выполняет дверь.

Преграда – это двумерное непрозрачное физическое тело, для преодоления которого необходимо приложить усилия: *"I'm going to go straight through it, and if it's locked, I'll flatten it right in front of m—" – "Я пройду через эту дверь... А если она вдруг заперта, я ее просто снесу с нете..."*

Инструмент перехода (проход) – пустое проницаемое пространство, отверстие. Проход принадлежит обоим соединяемым пространствам. Проход характеризуется с точки зрения его размера и количества измерений: *Eddie was the midwife, as the gunslinger had told him he must be. <...> His arms out of sight in the doorway, his hands clutching fistfuls of Roland's hair. – В роли повивальной бабки выступил, как и было предсказано Роландом, Эдди. <...> Опустив обе руки в дверной проем, [он] тянул Роланда за волосы.*

Переход возможен как во внешнее по отношению к субъекту пространство, так и в пространство чужого внутреннего мира: конечной точкой перехода могут служить сознание и личность субъекта, а также их вместительность – тело, голова: *When Roland went through the last one [door] and into Jack Mort's head, ole Walt's messing-around days were done. – Когда Роланд вошел в третью дверь и в сознание Джека Морта, старина Уолтер давно почил в бозе.*

Можно сделать вывод, что ядерные зоны оригинального и переводного концепта содержат много общих черт. Но есть и значимые различия.

Во-первых, в переводе межпространственный переход предстает в первую очередь как результативное действие, и лишь затем – как процесс. Как можно видеть по приведенным ранее примерам, практически все глаголы, вербализующие исследуемый концепт, употреблены в тексте в совершенном виде. Семы, описывающие характер перемещения в пространстве, при этом зачастую нейтрализуются.

Так, глагол *идти* имеет словарное значение "двигаться в пространстве в определенном направлении, ступая ногами, делая шаги" [Толковый словарь русских глаголов 1999: 28]. Рассмотрим два предложения:

1) *"Давай, Эдди! Помоги пацану! <...> Пусть он пройдет! Помоги ему!"*

2) *Роланд не прошел через дверь, а скорее спрыгнул, как будто откуда-то сверху.*

Очевидно, что во примере № 2 семы *передвижение шагом* и *по ровной поверхности* выполняют смыслообразительную функцию: противопоставление глаголов *пройти* и *спрыгнуть* осуществляется именно по признакам способа действия и направления движения, тогда как в примере № 1 имеет значение лишь то, совершится ли переход перед лицом опасности.

Крайним случаем нейтрализации идеи пути становятся использующиеся в переводе глаголы субъектного помещения: *оказаться*, *очутиться*, *попасть*. Показателен здесь следующий пример (Роланд рассказывает о том, как Джейк после смерти под воздействием некоей сверхъестественной силы переместился в Срединный мир): "*Jake was on his way to school when a man – a man I believed to be Walter – pushed him into the street, where he was run over by a car... and then he was in my world*". – "*Мальчик шел в школу, когда какой-то мужчина – я думаю, это был Уолтер – столкнул его на проезжую часть под колеса машины... а потом он оказался уже в моем мире*". Перемещение в иное пространство здесь изображается как мгновенное, неожиданное для субъекта и не контролирующееся им.

Во-вторых, в оригинале межпространственный переход осознается как насильственное вторжение в чужое внутреннее пространство. В переводе эта специфика теряется. Оригинальным глаголам *enter* и *invade*, имеющим значение "вторгаться куда-л. с целью завоевания или разорения" [Merriam-Webster Online Dictionary: интернет-ресурс], соответствует лексема *войти*, для которой это значение нехарактерно.

Наконец, в переводе отходит на второй план ключевая для оригинального текста идея межпространственного перехода как следования за лидером. В тексте-источнике широко употребляется глагол *draw*, имеющий следующие значения: "1b: вытаскивать что-л. из какого-л. вместилища или источника; 2a: заставлять двигаться в каком-л. направлении (о лидере или проводнике); 3a: собирать в какой л. точке путем заманивания или убеждения" [там же]. В оригинале происходит контоминация значений: один персонаж заставляет других совершать переход как с помощью физической силы, так и убеждения, личностного обаяния. Роланд является главным среди паломников, идущих к Темной Башне. Он их лидер и проводник, он убеждает их следовать за ним, ведет за собой, ср.: *Jake listened in fascinated silence as the gunslinger told of reaching the edge of the Western Sea, of how he had lost two of his fingers on his right hand, and how he had drawn Eddie and Susannah before encountering Jack Mort, the dark third*. (Джейк слушал как зачарованный. О том, как стрелок пришел к берегу Западного моря, как он потерял два пальца на правой руке, как вытащил Эдди с Сюзанной в

своей мир, а потом встретился с Джеком Мортом за третьей дверью.) В данном примере актуализируется как направление движения (перемещение объекта вовне из замкнутого вместилища, в данном случае – *мира*) и способ действия (следование за лидером), так и его результат (в итоге и Эдди, и Сюзанна оказываются в пространстве Среднего мира).

Не совсем удачным представляется перевод *draw* как *извлечь*: последний не предполагает сочетания с одушевленными существительными и в контексте производит впечатление неверного окказионального словоупотребления, ср.: *Сколько лет этому человеку, который извлек их с Сюзанной из их мира и времени?*

Таким образом, в переводе Т. Покидаевой сохраняется оригинальная КПС и основные характеристики ее актантов, но ядерная зона концепта обедняется, теряются некоторые специфические особенности перемещения между мирами. Данные элементы концептосферы выходят из ядерной зоны на периферию концепта.

Список литературы

1. *Бабенко Л.Г.* Филологический анализ текста. – Екатеринбург, 2004.
2. *Псурцев Д.В.* К проблеме перевода и интерпретации художественного текста: об одном критерии адекватности // Вестник МГЛУ: Перевод и дискурс. Вып. 463. – М., 2002. С. 16-26.
3. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М., 1999.
4. Merriam-Webster Online Dictionary [электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://mw1.merriam-webster.com>

*А.Г. Санникова**

ПермГУ

Интернет и письменная речь: искажение графики

Интернет как область функционирования живого языка представляет безусловный интерес для исследователя. Язык речевой ком-

* © Санникова А.Г., 2009.

муникации интернета – первый в истории человечества вариант регулярного функционирования живой спонтанной речи в письменной форме. Изучение передачи спонтанной речи в письменной форме интересует лингвистов, однако собственно графическое (орфографическое) оформление речи до сих пор ещё недостаточно изучено. Это и стало предметом нашей работы.

Среднестатистический интернет-текст имеет массу особенностей не только в области грамматики и лексики, но и в области орфографии. Многие особенности трудно объяснить простой неграмотностью авторов, причем способы эти специфичны именно для онлайн-коммуникации. Проанализируем различные типы алфавита, используемые в интернет-общении. Для исследования использованы материалы русскоязычного и англоязычного сегментов интернета. Термины, заимствованные из англоязычных источников, даны в транслитерированном виде с указанием оригинала в скобках.

Наиболее общая классификация искажений графики письменной литературной речи может быть представлена двумя основными типами, каждый из которых имеет разновидности:

- 1) смена алфавита (транслитерация, транслит, псевдокириллица, чат-алфавит);
- 2) упрощение/усложнение используемого алфавита (диджиспик, орфоарт, лолспик, литспик, расширенный литспик, капитализация, «блонд-стайл»).

Рассмотрим перечисленные способы подробнее.

1. **Смена алфавита.** Как правило, смена алфавита происходит в том случае, если нет технической возможности использовать собственный алфавит языка.

2. **Транслитерация** – это побуквенная передача текстов и отдельных слов одной графической системы средствами другой графической системы. Принцип замены символов — звуковое сходство. Пример: *Intellektual'nyi sub"ektivizm podverzhen agregativnomu vospriyatiyu*

3. **Транслит.** Принцип замены символов в транслите – либо звуковое, либо графическое сходство. В отличие от транслитерации, транслит индивидуален и вариативен. Пример: *Kak govoril konfucij, esli tebe plujut v spinu... zna4it ty vperedl...)*

4. **Псевдокириллица** (в англоязычных источниках – Volapuk encoding) – передача кириллических букв ASCII-символами. Основной принцип замены – визуальное сходство. (Термин «псевдокириллица» предложен автором данной работы по аналогии с термином «псевдографика».)

5. **Чат-алфавит** (Chat alphabet) – смесь транслита и псевдокириллицы, оптимизированная по скорости набора. Пример: *Мне pokazalos', что я слышу странные звуки кова4'его смеха*. Феномен псевдокириллицы впервые появился в компьютерных играх, которые не поддерживали кириллицу.

6. Можно привести сопоставление приведенных четырех систем на примере небольшого русского текста:

7. **Русский:** *Я шёл по улице с чётким ощущением, что жизнь — штука хорошая)*

8. **Транслитерация:** *Ya shyol po ulitse s chetkim oshhushheniem, chto zhizn' - shuka horoshaya)*

9. **Транслит:** *Ja shel po ulize s 4etkim osh'ush'eniem, что jizn' - shuka horoshaja)*

10. **Псевдокириллица:** *Я LLle/l I7o y/luu,e с 4eTKuM oLLI,yLLI,eHueM 4To }I{u3Hb – LLITyKa xopoLLIa9)*

11. **Чат-алфавит:** *Я bel по с 4etkim ow,uw,eniem что gizn – wtuka xorowa9)*

12. **Упрощение/усложнение используемого алфавита.** Упрощение орфографии может быть объяснено оптимизацией по скорости набора и оказывается особенно важным при общении в реальном времени. Усложнение же вызвано стремлением к самовыражению и, в некоторых случаях, является маркером «свой – чужой».

13. **Диджиспик, «цифрояз»** (digispeak/geekspeak) – общее название для акронимов и аббревиатур, используемых в электронной переписке, чатах и других видах онлайн-коммуникации. Сокращения уменьшают время набора, что оказывается особенно важным при письменном общении в реальном времени. Некоторые акронимы и аббревиатуры со временем стали неотъемлемой частью официально-деловой переписки. Пример: *AFK* (Away From Keyboard), *culδr* ([si: ju: l-eit-a:] = see you later), *ICQ* ([ai si:k ju:] = I seek you)

14. **Орфоарт** – стиль письма, максимально искажающего написание слов с сохранением фонетической формы при прочтении. Здесь написание искажается умышленно, не столько по незнанию правил, сколько вопреки им. Пример: *када преиол в сибя венда барахлила но фцелом переустанофки не требовала*.

15. **Лолспик/лолкэт** (Lolspeak/Lolcat), от *LOL* «смеюсь до упаду» + *speak/cat* «разговор»/«кошка» – особый вариант английского языка, «кошачий английский». Основные принципы лолспика – орфоарт, сокращение слов и игнорирование или искажение грамматики. Впервые лолспик появился на фотографиях, изображающих кошек, как способ передачи речи животного. Идея заключалась в том, что кошки

плохо знают английский и говорят на нем с ошибками – как дети, но «по-кошачьи». В долспике существуют определенные правила – как орфографические, так и грамматические. В основном искажения касаются глагольного управления, порядка слов и орфографии.

16. Пример текста на лолспике: *an teh ppl wen 2 teh pien tre and seds "o hai. we luvs ar pien tre!!!!!" srsly. (The people went to the pine tree and said, "Oh hi. We love our pine tree!" Seriously).*

17. **Литспик/лит** (leetspeak, leetspeek, leet, 13375p33k) – псевдоалфавит, использующийся преимущественно в интернете. Принцип литспика – максимальная замена латинских букв похожими комбинациями ASCII-символов, особенно цифр. Термин «leetspeak» образован от сочетания elite speak. Изначально целью такой замены был обход словофильтров, но позже такой своеобразный «алфавит» стал использоваться в обычной коммуникации некоторых групп пользователей. Реализации литспика могут значительно различаться в зависимости от способов визуализации буквы алфавита – одним или несколькими символами. Пример различной реализации одного и того же текста на литспике:

18. *Simply click through links until you find the page you want.*

19. *\$IMpLY c11CK THR0UGH lInK\$ uNtil J00 F1nD THE p@G3 J00 w4n+*

20. *51mply c11Ck 7hR0U6H lINk2 Un71l J00 PH1nD 73h Pa63 j00 wAN7*

21. **Расширенный литспик**, или замена по подобию (Extended leetspeak) – способ написания с заменой по принципу литспика, но с использованием расширенной таблицы ASCII (Extended ASCII). Пример: *Hule zh0z@\$....ml llemu NethelГ tlngu 16 ecu Г \$uГ dl lzьedu® Г vonи ln Ъ\$Юесе-ЯолЯеш...* (оригинальный текст на испанском: *Hola chicos y chicas...me llamo Nathaly tengo 16 aco y soy de ecuador y vivo en Espaca Bilbao...*).

22. **Капитализация** (Capitalization) – способ письма, основная (и единственная) идея которого заключается в том, что любая буква любого слова может быть написана в любом регистре. *НаПРиМер, ВоТ тАК. Или ВоТ ТАК*. Капитализация требует достаточно много времени при наборе, потому чаще всего встречается в никах или небольших текстах.

23. **«Блонд-стайл»** (“Blonde-style” typing) – вид письма, отличающийся чрезмерным использованием верхнего регистра и вопросительных и восклицательных знаков, часто с игнорированием прочих знаков препинания. Как правило, сопровождается множественными опечатками и малоосмысленным содержанием. Пример типичной

«блондиночьей» фразы: *WHY IS MY KEYBOARD WRITING IN ALL UPPERCASE???*

3. Смещение типов. На практике написание в каком-либо одном стиле встречается редко. Обычно реальная интернет-коммуникация передается текстами, сочетающими различные отклонения от литературной нормы. Пример текста с сочетанием орфоарта, расширенного литспика и диджиспика: *Hw zc u cymbrü w33zy 2 kacye, Rubln knw datz Whazk, Da 3brtür Surñüs puçt hm yn da Map wnt Gr8nüss lyl...*

Данное исследование позволяет сделать следующие выводы и предположения.

1. Речевая коммуникация в интернете, со всеми ее отклонениями от литературной нормы, является самобытной формой функционирования языка.

2. Отклонение от литературной нормы является не просто способом упрощения речевой коммуникации: возникнув как способ упрощения процесса общения, избавления от графических, лексических, грамматических сложностей, искажения нормы продолжают развиваться, формируя особую **норму интернет-коммуникации**, отличную от литературной, становясь при этом не только способом самопрезентации, но и статусной маркировки («новичок – бывалый», «свой – чужой»).

3. Отдельные продукты искажения нормы в ряде случаев получают распространение за ее рамками, закрепляясь в языке СМИ и деловой письменной речи.

4. Специфическое свойство спонтанной речевой онлайн-коммуникации – ее письменная форма – является уникальным явлением в истории языка и демонстрирует, что декларированный отказ от правил в свою очередь подчиняется строгим законам.

Содержание

Актуальные проблемы современной речевой коммуникации	
<i>Бражскина А.М.</i> Особенности рекламы банков в период кризиса.....	3
<i>Бушланова А.И.</i> О семантическом варьировании слова в контекстных условиях метаязыкового комментирования....	6
<i>Гильванова Г.С.</i> Невербальный компонент в структуре коммуникативного портрета личности (на примере романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»).....	10
<i>Зеленова Е.Ю.</i> Способы манипуляции в современной публицистической коммуникации.....	16
<i>Мехонина Е.Н.</i> К лингвистической экспертизе текста: умысел в речевом выражении.....	20
<i>Микова А.Ю.</i> Речевое общение подруг (закономерности организации дискурса).....	23
<i>Печагина Д.В.</i> Идиостиль ученого (на материале научных трудов М.В. Панова).....	27
<i>Хазанжи Е.И.</i> Функционирование тематических номинаций и способы развертывания текста в религиозном стиле (на материале проповедей митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла).....	31
История языка, ономастика и диалектология	
<i>Лейсле Н.Г.</i> К вопросу о народной терминологии лесозаготовок в говоре д. Акчим Красновишерского района Пермского края.....	35
<i>Макарова А.А.</i> К лексикографическому представлению озерной гидронимии Белозерья.....	37
<i>Опупина О.В.</i> Тематическая группа «Жилищные и хозяйственные постройки» в русском и словенском языках: экспериментальные данные.....	44

Сергеева Е. О праиндоевропейском корне *d^heg^h- / *d^hg^h-
'земля, почва' и некоторых его рефлексах..... 47

Мировая литература глазами молодых исследователей

Абрамова В.С. Противоречивый диалогизм как форма взаимодействия автора и героя в рассказах А.П. Чехова..... 56

Арсенова Т.А. Борис Рыжий как поэт-хулиган в читательском восприятии..... 59

Булатова О.А. «Воскресенье» Л.Н. Толстого и «Записки из мертвого дома» Ф.М. Достоевского: некоторые особенности хронотопа..... 66

Вахитова Н.Ф. Притчевое начало в романе П. Коэльо «Алхимик»..... 70

Гафарова Л.Ф. Фольклорные традиции в поэзии Рима Идиятуллина..... 74

Гурова Е.П. Традиции и новаторство Ф.М. Достоевского в изображении образов юродивых..... 78

Зайнуллина Э.Н. Концепт «Мо□» в творчестве современных татарских поэтов республик Башкортостан и Татарстан..... 82

Морозова С.В. Народное христианство в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»..... 85

Назарова Л.А. А. Бирс и А. Грин: проблемы традиции..... 86

Рейзвих Я. Смеховое начало в религиозно-ориентированном романе Г. Грина «Сила и слава»..... 91

Хоруженко Т.И. Образы мифологических существ в жанре фэнтези: тенденции изображения..... 94

Проблемы прикладной лингвистики и переводоведения

Андреева Н. Об эмоциональной функции артикля в македонском языке..... 99

<i>Баикова И.С.</i> Специфика использования подростками глаголов ментального состояния в нарративе.....	103
<i>Демина П.С.</i> О роли элитарной субкультуры в сознании студентов.....	106
<i>Кульшаринова С.Р.</i> «О рае Перу орут перуанцы...»: а вы могли бы? (комплексный анализ перевода стихотворения В.В. Маяковского «Гимн судьбе»).....	110
<i>Лопатина Ю.М.</i> Коми-русский билингвизм молодежи в аспекте современной языковой политики.....	115
<i>Молчанова О.А.</i> К проблеме оценки эффективности компьютерных программ обучения иностранным языкам...	118
<i>Новицкий А.И.</i> Количественная характеристика пауз hesitationи.....	121
<i>Поляшова Е.Е.</i> Ядерная зона концепта "межпространственный переход" в романе С. Кинга "Бесплодные земли" и его русском переводе.....	124
<i>Санникова А.Г.</i> Интернет и письменная речь: искажение графики.....	128